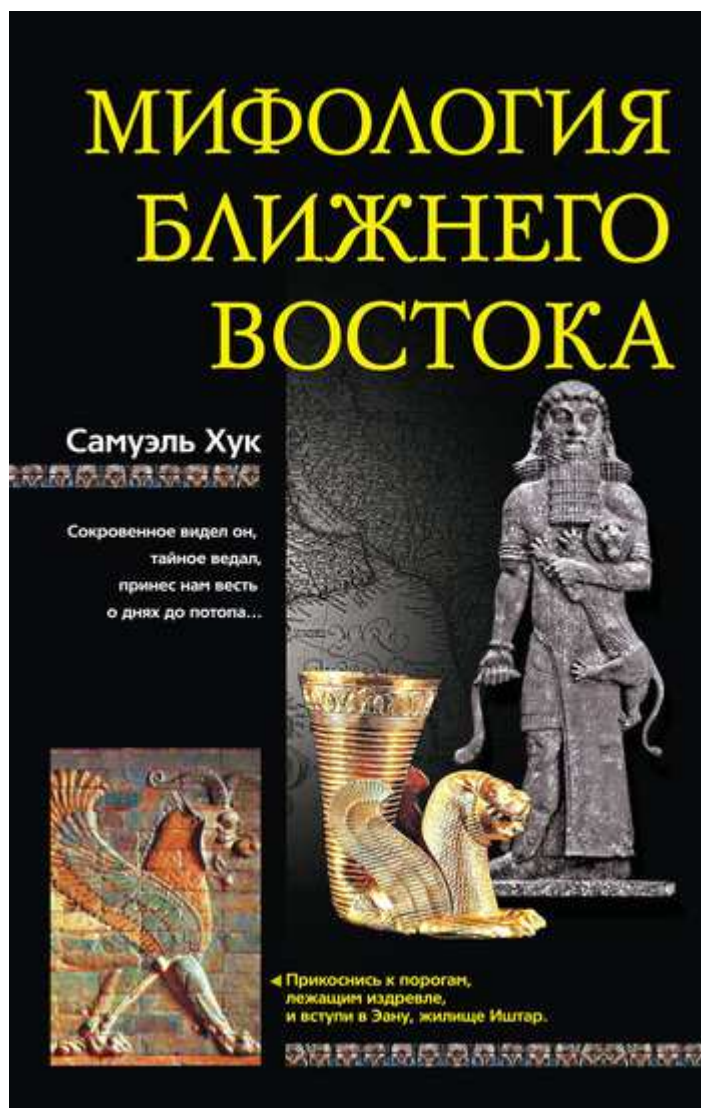


Самуэль Хук
Мифология Ближнего Востока



Текст предоставлен издательством http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=613895
«Мифология Ближнего Востока»: Центрполиграф; Москва; 2009
ISBN 978-5-9524-4538-3

Аннотация

В книге собраны все наиболее известные мифы и легенды о богах и героях древних народов Ближнего Востока. Древнейшие легенды цивилизаций Египта, Шумера, Месопотамии, Вавилона, угаритская, хеттская и еврейская мифологии показаны автором, крупным ученым, как живое развивающееся явление – драгоценный плод на древе человеческой культуры.

Самуэль Хук
Мифология Ближнего Востока

Введение

Существуют серьезные разногласия относительно значения и использования термина

«миф», поэтому сразу оговорим специфику использования этого термина в данной книге. В основе деления древних текстов (и текстов вообще) на мифы, легенды, саги, сказания и сказки обычно лежит чисто литературный критерий. Мы проводим грань между мифом и исторической правдой, полагая, что все относящееся к мифологии не заслуживает доверия. Критерий, которым мы пользуемся в этой книге, не является ни литературным, ни историческим. Мы выбрали для себя иной подход – функциональный. Миф – продукт человеческого воображения, возникший из реальной ситуации и имеющий некую определенную цель. Поэтому, говоря о мифе, правильнее задаваться вопросом не «Правда ли это?», а «Зачем он был нужен?».

Изучая разнообразный мифологический материал, дошедший до нас с Древнего Востока, и пользуясь понятием «функция» в качестве критерия, можно выделить следующие типы мифов.

Типы мифа

Обрядовый миф

Общеизвестно, что большинство текстов, на которых основывается наше знание древневосточных мифов, было найдено в храмовых запасниках или архивах. Это свидетельствует о существовании высокоразвитой городской цивилизации, базировавшейся на развитом сельском хозяйстве в долинах Нила, Тигра и Евфрата. Эти тексты показывают, что жители Египта и Месопотамии выработали сложную систему действий, которую мы называли «ритуал». Ритуалы исполнялись многочисленными жрецами в храмах этих государств. Все действия выполнялись в строго определенной последовательности, через равные промежутки времени и только теми, кто имел на это право. Только эти люди знали, каким образом совершать каждое действие. Любой сложный ритуал вырабатывался, чтобы обеспечить процветание общины, удерживая под контролем абсолютно непредсказуемые силы, окружавшие человека в жизни. Но теперь мы знаем, что ритуал состоял не только из действий; действия сопровождалась словами, песнопениями и заклинаниями. Их магическая сила была неотъемлемой частью ритуала. То есть ритуал состоял из двух частей: неких действий (греки называли эту часть «*dromenon*») и неких слов (эту часть называли «*muthos*», или миф). Миф описывал ситуацию, однако это делалось не для того, чтобы развлечь зрителей. Слово было силой. Повторение магических слов могло создать или воссоздать ситуацию, которую описывали эти слова. Позже мы увидим, что кульминацией праздника Нового года в Вавилоне был момент, когда жрецы рассказывали миф о творении «Энума Элиш». И декламация действительно оказывала воздействие: она вызывала изменения обстоятельств, воссоздаваемых данным обрядом.

В обществе, где ритуалы были важной частью жизни общины, историческая достоверность изложенных в мифе фактов в принципе не имела значения. Задача истории как науки состоит в том, чтобы выяснить и как можно точнее зафиксировать поведенческие нормы человеческих общин в прошлом, а затем передать знания следующим поколениям. Функцией же мифа было описание действий, жизненно необходимых для существования данной общины.

Долгое время человечество не испытывало потребности в науке, однако задолго до появления ранних форм исторических записей миф уже играл важную роль в жизни общины. Будучи неотъемлемой частью обряда, он мог обеспечить существование тех условий, от которых зависело благополучие общины. Поэтому мы называем подобные мифы обрядовыми. Это название происходит от функции, выполняемой этими мифами: они должны способствовать эффективности ритуала. Возможно, этот тип мифов появился раньше всех остальных.

Миф о происхождении

Эти мифы также относятся к одним из самых древних на земле. Некоторые ученые считают их самыми древними. Задача этих мифов – дать воображаемое объяснение происхождения обычая, имени или даже предмета. Например, мы увидим, что шумерский миф об Энлиле и мотыге призван объяснить, что наиболее ценные сельскохозяйственные орудия появились благодаря деятельности бога. Еще один пример – еврейский миф о конфликте Иакова со сверхъестественным существом. Эта история объясняет появление древнееврейского запрета на некоторые продукты питания.

Культовый миф

Развитие иудейской религии способствовало возникновению еще одного типа мифов. Три сезонных праздника, предписанные Книгой Завета, праздновались в святых местах, таких, как Бетель, Шехем и Шилох, на раннем этапе существования израильских поселений в Ханаане. Сюда приносили дары богам, и для каждого из праздников – Пасхи, Пятидесятницы и праздника Кушей – существовал собственный ритуал, сохраняемый и передаваемый из поколения в поколение местными священнослужителями. Частью ритуала каждого из этих праздников была декламация священнослужителями основных моментов истории Израиля. Она сопровождалась ответными возгласами слушателей. Одной из наиболее древних традиций Израиля является поминание освобождения израильского народа от египетского гнета. Во время празднования Пасхи в честь этого события соблюдался ритуал, корни которого уходят в глубь веков, то есть он сам гораздо старше, чем то событие, в память о котором осуществляется. Составной частью ритуала был культовый миф, описывающий событие, но не с исторической точки зрения, а с точки зрения аналогичных вавилонских и ханаанских мифов. Задача культового мифа – утвердить божественную связь между Яхве и Израилем, возвеличить силу и славу Яхве. В новой ипостаси миф лишился своей магической силы, присущей ему как мифу обрядовому. В культовом мифе развилась пророческая составляющая как средство утверждения идеи спасения народа Израиля. Миф по-прежнему описывает существование и по-прежнему выполняет задачу обеспечения продолжения существования – не важно, при помощи магических или нравственных сил. Но в культовом мифе это осуществляется на более высоком уровне, так как он использовался пророками Израиля.

Миф престижа

Среди мифов есть такие, которые отличаются от всех остальных. На них следует обратить особое внимание. Задача таких мифов – окружить рождение и подвиги героя аурой тайны и чудес. Вполне вероятно, что история рождения и явления миру Моисея в зарослях камыша зиждется на реальных событиях. Ее можно сравнить с аналогичными историями о рождении Саргона, Кира, Ромула и Рема и других легендарных героев. Рождение и подвиги Самсона окружены мистической аурой, чтобы возвеличить и прославить Данов род и его героя. Стоит отметить, что попытки отыскать какие-то черты мифа о боге-солнце в истории Самсона обычно вызывают неоднозначную реакцию. В эту же категорию мифов попадают повествования о подвигах Илии, хотя в этом случае также присутствует момент прославления Яхве. Мифы престижа, как правило, окружают истории о возникновении крупных городов. Троя построена руками богов, и даже Сион описывается в мистическом ключе: якобы он «построен на сторонах севера». Эта метафора часто используется в вавилонских и ханаанских мифах для описания обиталища богов.

Эсхатологический миф (миф о конце света)

Эсхатологические мифы являются отличительной чертой еврейской и христианской

мыслительной традиции. Возможно, кое-что они почерпнули из эсхатологии зороастризма. В писаниях пророков, а более всего в апокалиптической литературе значительное место занимает идея катастрофического конца света. Пророки полагали, что «история спасения» должна быть связана с решающим вмешательством божественных сил. «И будет в последние дни», – типичная фраза пророческой литературы. Когда пророки пытаются описать конец света, они вынуждены прибегать к языку мифов. Описание победы Мардука над драконом – повелителем хаоса в вавилонском эпосе о творении мира – дает им картины и образы, необходимые для описания решающей победы Яхве над силами зла. Как божественный акт создания лежит где-то вне исторических реалий и может быть описан только языком мифов, так и божественный акт, который завершает историю, может быть описан только таким же языком. Из иудаизма эсхатологическое использование мифа было перенесено в христианство, где в полном объеме проявилось в Откровении Иоанна Богослова.

Необходимо сказать, что использование этой категории мифов в евангельских текстах ни в коей мере не ставит под сомнение их историческую точность. Однако для тех, кто верит (как это делали пророки и первые ученики Христа), что Бог вошел в историю человечества, в истории есть некоторые моменты, когда случаются события, причины и природа которых лежат за пределами исторических причинных связей. Здесь функция мифа заключается в том, чтобы при помощи символических образов выразить то, что не может быть выражено по-другому. Так миф становится продолжением символизма.

Распространение и разрушение мифа

Есть два способа объяснить присутствие мифов в любом обществе: во-первых, они могут распространяться, а во-вторых, создаваться независимой работой воображения при столкновении с аналогичными ситуациями. Исследования Юзнера доказали, что миф о потопе в том или ином варианте существует практически во всех частях света. Когда мы будем рассматривать шумерский и вавилонский варианты мифа о потопе, то увидим, что их появление в долине Тигра и Евфрата может быть объяснено частыми наводнениями. Но когда мы находим мифы о потопе в странах, где подобные наводнения невозможны (как, например, в Греции или Ханаане), то становится ясно, что этот миф был «завезен» туда; увы, проследить, как именно это произошло, уже невозможно. Примером «путешествия» мифа могут служить найденные в Египте клинописные таблички с текстом вавилонского мифа об Адапе, о котором мы расскажем ниже. Их использовали египетские писцы, чтобы научиться искусству клинописи. Примерно то же самое произошло, когда отрывок мифа о Гильгамеше был найден во время раскопок в Мегиддо. Легенда о Кадме рассказывает нам, как финикийский алфавит был перенесен в Грецию и стал прародителем всех западных алфавитов. Таким образом, есть серьезные основания полагать, что путешествия, торговля, миграция людей и завоевательные походы были теми способами распространения, посредством которых мифы могли попадать из одной страны в другую. По мере того как ритуалы устаревали и исчезали либо трансформировались вместе с упадком цивилизации, в которой ранее они играли столь важную роль, связанные с ними мифы освобождались от обрядовых ассоциаций и становились чисто литературными формами, проникающими в культурные традиции других народов. Например, миф о победе над драконом, который является центральным элементом вавилонского мифа о творении, породил мифы о Персее и Андромеде, Геркулесе и лернейской гидре, Зигфриде и Фафнире, Беовульфе и Гренделе и до сих пор существует в легенде о святом Георгии и его победе над змеем.

Глава 1 Месопотамская мифология

Прежде чем мы начнем знакомство с самыми важными мифами, уходящими своими

корнями в историю Месопотамии, необходимо сказать несколько слов о древнейших культурных условиях, в которых появились эти мифы. Археологические раскопки на местах древних городов в долине Тигра и Евфрата свидетельствуют о том, что этот регион, известный под названием Шумер и Аккад, был населен еще в 4000 году до н. э. Некоторые ученые считают, что там есть следы и более ранних поселений, но полноценно развитая цивилизация, обнаруженная при раскопках таких городов, как Ур, Урук и Киш, была создана шумерами.

Судя по всему, они появились в дельте рек, перекочевав из горных районов к северо-востоку от Месопотамии. Их мифы показывают, что они пришли из местности, которая полностью отличалась от их новой родины. Клинопись была их изобретением, и именно они построили странные храмы-башни, известные как «зиккураты» и являющиеся отличительной чертой их городов. Раскопки сэра Леонарда Вулли в городе Ур свидетельствуют о том, что это была высокоразвитая цивилизация аграрного типа, с чудесными храмами, жрецами, законами, литературой и богатой мифологией. Уже после того, как в дельте Тигра и Евфрата появились шумерские поселения, район Шумера и Аккада захлестнула первая волна семитских завоевателей, которые постепенно завоевали шумеров, впитали их культуру и переняли их клинопись, но не язык. Язык семитских завоевателей известен как аккадский. Он является одной из важнейших ветвей великой семитской семьи языков. Вторая волна семитского нашествия (это был народ амурру, или амореев) привела к основанию в Вавилоне первой династии Амореев, к расцвету Вавилона при Хаммурапи и, как следствие, к его гегемонии над Шумером и Аккадом. Первый царь династии Амореев вззошел на престол примерно в 2200 году до н. э. Спустя пять веков после этого еще один семитский народ, живший выше по течению Тигра, завоевал Вавилон и создал в Месопотамии первую империю ассирийцев. Поэтому мифология Месопотамии дошла до нас в разных формах – шумерской, вавилонской и ассирийской. Хотя между вариантами любого конкретного мифа существует очень небольшая разница, тем не менее между шумерским и ассирийско-вавилонским вариантами мифа о творении разница очень существенна. Более того, некоторые шумерские мифы не имеют семитских аналогов. Мы начнем наш рассказ о месопотамской мифологии с шумерского материала.

Шумерские мифы

Среди огромного объема материала, который имеется в нашем распоряжении благодаря самоотверженному труду ученых-шумерологов, выделяются три мифа, которые нашли столь широкое распространение, что их можно считать базовыми мифами. Сейчас стало ясно, что, хотя эти базовые мифы занимают значительное место и в семитской мифологии, их корни кроются в культуре шумеров, поэтому мы должны начать свой рассказ о шумерской мифологии именно с них.

Миф о Думузи и Инанне

Первый из этих мифов с давних пор известен как миф о том, как Иштар спустилась в подземное царство, и существовал в виде отдельных фрагментов; однако благодаря усилиям профессора Крамера этот миф теперь известен в своей полной форме как миф о Думузи и Инанне. Думузи – шумерский аналог более известного имени Таммуз; а Инанна – шумерский аналог героини семитских мифов Иштар, богини небес. Думузи – это прототип всех богов растительности, которые умирают осенью и возрождаются вновь весной вместе с пробуждением всех растений. В варианте мифа, который стал основой культа Таммуза, центральным сюжетом является заточение бога в подземном царстве. Оно же является главной причиной для нисхождения Инанны в подземный мир. Однако в самом раннем варианте этого мифа, который приводится Крамером в «Древних текстах Ближнего Востока, относящихся к Ветхому Завету», причина путешествия богини в подземное царство так и

остается невыясненной. Приведенный ниже вариант мифа соответствует версии Крамера.

По каким-то невыясненным причинам богиня небес Инанна решает спуститься в подземное царство, «откуда нет возврата», где правила ее сестра, богиня Эрешкигаль. Крамер предполагает, что она могла руководствоваться исключительно своими амбициями, желанием подчинить подземное царство своей власти. Чтобы обезопасить себя от всех возможных неприятностей, Инанна дала своему визирю Ниншубуру самые подробные наставления: если она не вернется через три дня, он будет должен совершить погребальный обряд, по очереди посетить трех высших богов – Энлиля из Ниппура, Нанну, бога луны города Ура, и Энки, вавилонского бога мудрости, – и умолять их сделать все, чтобы Инанну не убили в подземном царстве. После этого Инанна надела свои царские одежды и украшения и приблизилась к воротам подземного царства. Там ее встретил Нети, страж семи ворот. По приказу Эрешкигаль и в соответствии с законами подземного царства, у каждых ворот Инанна снимает с себя по одному предмету одежды. Наконец она предстает перед Эрешкигаль и ануннаками, семью судьями подземного царства. Они обращают на нее свои «глаза смерти», и она превращается в труп, после чего ее подвешивают на шесте. Через три дня, поскольку Инанна не возвращается, Ниншубур исполняет то, что ему приказала Инанна. Энлиль и Нанна отказываются вмешиваться в это дело, но Энки совершает некие магические действия, при помощи которых Инанна возвращается к жизни. Из грязи из-под ногтей он создает две странные фигурки – *кургарру* и *калатурру* (значение этих слов остается неясным). Он отправляет их в подземное царство с живой пищей и живой водой. Они должны шестьдесят раз посыпать труп Инанны пищей жизни и столько же раз оросить его живой водой. Они делают это, и богиня возрождается к жизни. По законам подземного царства, никто не может уйти оттуда, не найдя себе замену. Поэтому далее миф рассказывает о возвращении Инанны в мир живых в сопровождении демонов, которые должны забрать в подземное царство замену Инанне. Демоны по очереди выбирают в качестве замены Ниншубура, Шара (бога Умма) и Латарака (бога Бадтибира), но всех их спасает Инанна. На этом месте текст, приведенный Крамером, обрывается, однако в примечании он упоминает о недавно сделанном открытии. Оказывается, Инанна и сопровождающие ее демоны приходят в ее город Урук и там обнаруживают ее мужа Думузи. Он не склоняет перед ней голову, как делали это вышеупомянутые трое, и в наказание она передает его в руки демонов, чтобы те увлекли его в подземное царство. Думузи умоляет Уту, бога солнца, спасти его, затем текст снова обрывается. Поэтому мы не знаем, был ли он в первоначальном шумерском варианте мифа все-таки унесен демонами в подземное царство или нет.

Это первый из трех основных мифов в его шумерском варианте. Вполне возможно, что шумеры принесли этот миф с собой, когда они стали заселять дельту реки, и что именно это его древнейшая версия. В этом варианте Инанна спускается в подземное царство вовсе не затем, чтобы спасти от смерти своего мужа Думузи (Таммуза). Напротив, в полном противоречии с более поздними вариантами мифа, именно Инанна позволяет демонам унести Думузи в подземное царство вместо себя, хотя причины, по которым она сама спустилась туда, остаются неясными. Тем не менее, ритуалы в честь культа Таммуза, которые принадлежат к шумерскому периоду, уже дают более поздний вариант мифа. Они описывают хаос и запустение, охватившие землю, когда Таммуз спускается в подземное царство; в них говорится о жалобах Иштар и о ее путешествии в подземный мир, чтобы спасти Таммуза; они завершаются описанием триумфального возвращения Таммуза в мир живых. Очевидно, что эти ритуалы составляют часть сезонного обряда, поэтому этот миф можно с полным основанием считать обрядовым. Объяснение изменениям, которые произошли в этом мифе, можно найти в том факте, что шумеры, придя в дельту, перешли от первобытной экономики к аграрной. В молитвах Таммуза и Иштар часто изображают как мужское и женское хвойное дерево, а хвойные деревья не растут в дельте Тигра и Евфрата. Они растут только в горах, откуда и пришли шумеры. Более того, тот факт, что «зиккураты» были частью шумерской храмовой архитектуры, тоже указывает на это. Первоначальный вариант мифа, скорее всего, возник под влиянием условий жизни, которые чрезвычайно

отличались от уклада, к которому шумеры должны были приспособиться, живя в дельте. Есть свидетельство того, что семиты и шумеры вместе жили в дельте задолго до нашествия амореев и последующего завоевания шумеров семитами. Мы знаем, что семиты переняли у шумеров клинопись, а также значительную часть их религии и мифологии. Это можно принять в качестве объяснения изменений в мифе о Таммузе-Иштар, которые произошли в ассирийско-вавилонский период. Далее мы узнаем, какие изменения претерпел этот миф, переходя из страны в страну.

Миф о творении

Вторым основополагающим мифом, который мы находим в шумерском варианте, является миф о творении. Следует отметить, что ни в одном из древних мифов о творении мы не находим идеи о создании мира «из ничего». То есть во всех этих мифах сотворение мира – это наведение порядка в существующем хаосе. Когда мы станем рассматривать ассирийско-вавилонские мифы, мы увидим, что космогонический миф существовал там в одном основном варианте, знаменитой «Энума Элиш», или «Эпосе о творении», как его сейчас называют. Однако в шумерском варианте ему нет аналога. Профессор Крамер показал, что шумерскую космогонию следует буквально складывать по кусочкам из различных мифов о происхождении мира. Приведенный ниже пересказ этих мифов основан как раз на исследованиях профессора Крамера. Однако он не забывает предупредить нас, что в наших знаниях о шумерах много белых пятен и что многие таблички, на которых, собственно, и были записаны эти мифы, оказались поломанными. Поэтому при нынешнем уровне наших знаний о шумерах просто невозможно дать абсолютно связный пересказ шумерской мифологии.

Шумерские мифы о творении можно разделить на три подгруппы: происхождение вселенной; устройство вселенной; сотворение человека.

Происхождение вселенной

На табличке со списком шумерских богов богиня Намму, чье имя изображается идеограммой, означающей «море», описывается как «мать, давшая жизнь небу и земле». Из других мифов становится ясно, что небо и земля первоначально представляли собой гору, основанием которой была земля, а вершиной – небо. Небо олицетворял бог Ан (Ану), землю – богиня Ки. От их союза родился бог воздуха Энлиль, который отделил небо от земли и создал вселенную в виде неба и земли, разделенных воздухом. Шумерская мифология не дает никаких объяснений появлению древнейшего моря.

Устройство вселенной

Этот аспект творения мира затрагивается в целом ряде мифов, которые рассказывают, как возникли божественные создания и другие элементы шумерской цивилизации. Первый из этих мифов описывает рождение бога луны Нанны, или Сина. Детали этого события неясны, и вполне возможно, когда-нибудь наши знания пополнятся новыми сведениями. Однако суть дела состоит в следующем: Энлиль, верховный бог в шумерском пантеоне богов, чей храм был в Ниппу-ре, влюбился в богиню Нинлиль и силой овладел ею, когда она плыла в лодке по Нунбирду. За этот бесчестный поступок Энлиль был низвергнут в подземное царство. Однако Нинлиль, носившая под сердцем дитя, отказалась оставаться без него на земле и последовала за ним. Поскольку это означало, что Нанна, бог луны, родится в темноте преисподней и не станет освещать небо по ночам, Энлиль разработал хитроумный план: Нинлиль стала матерью трех божеств подземного царства, заменивших там Нанну, который после этого смог подняться на небеса. Очевидно, что этот любопытный и долгое время пребывавший в забвении миф дает ключ к пониманию трансформации мифа о

Таммузе и Иштар, о котором мы уже говорили. Из текстов, связанных с культом Таммуза, мы знаем, что его второе имя – Энлиль, а Нинлиль – второе имя Иштар, поэтому путешествие Иштар в подземное царство, причины которого оставались непоясненными в древнейшем варианте шумерского мифа об Инанне, находит свое объяснение в этом мифе о рождении Нанны, бога луны.

В шумерском пантеоне богов Нанна, или Син, был главным астральным божеством, а бог солнца Уту считался сыном Нанны и его супруги Нингаль. В более поздней еврейской космогонии они поменялись местами, и солнце стало главным светилом, а луна получила в покровители богиню, как в классической мифологии. Шумеры представляли Нанну проезжающим по ночному небу в круглой лодке – такой, в каких сами шумеры плавали по Евфрату, – в сопровождении звезд и планет, происхождению которых не дается никакого объяснения.

После того как Энлиль отделил небо от земли, а небеса стали освещать Нанна, Уту, а также звезды и планеты, необходимо было довести до конца организацию жизни на земле. Элементом земного порядка посвящены разные мифы. Стоит отметить некоторую нелогичность представлений о том, что города и храмы богов существовали еще до сотворения человека, которое произошло в самом конце божественной деятельности по созданию земного порядка. Энлиль считается создателем всей растительности, скота, орудий сельского хозяйства и предметов цивилизации, хотя он действовал опосредованно – через создание менее значимых богов, выполняющих его задания. Чтобы дать земле скот и зерно, по предложению бога мудрости Энки (у вавилонян – Эа) Энлиль создал двух меньших божеств – Лахара, бога скота, и Ашнан, богиню зерна, чтобы дать богам еду и одежду. Миф описывает изобилие, созданное богами на земле. Однако они пьют вино, напиваются допьяна, ссорятся, забывают о своих обязанностях и просто не могут получить то, что им нужно. Человека создали именно для того, чтобы исправить это положение. Следующий отрывок из переводов Крамера является частью мифа о Лахаре и Ашнан:

В те дни, в жилище,
Где творили боги,
В Дулкуге рождены
Были Лахар и Ашнан.
А их творенье Ануннаки
Все ест и ест, насытиться
Не может.
С чистейших пастбищ
Молоко... и многое
Другое
Все Ануннаки пьет —
Насытиться не может.
Чтоб было молоко и многое другое
И чтоб на пастбищах
Гулял здоровый скот —
Был создан человек.

Помимо мифов, повествующих о сотворении пищи и одежды, существуют самые разнообразные мифы, в которых говорится о возникновении других элементов цивилизации и устройства вселенной. В длинной поэме, большая часть которой до сих пор не расшифрована, описывается создание Энлилем топора и то, как он подарил это ценное орудие труда «черноголовым людям», чтобы они могли строить дома и города. В другом мифе описывается деятельность богов по обеспечению шумеров самыми необходимыми элементами цивилизации. Там говорится, как Энки, побывав сначала у шумеров, проехал по всему свету, раздавая «таблицы судеб». Этим термином шумеры обозначали творческую

деятельность богов по наведению порядка во вселенной. Сначала Энки едет в Ур, потом в Мелухху (которая, вероятно, обозначала Египет), потом на Тигр и Евфрат, которые он наполняет рыбой, и, наконец, в Персидский залив. Во главе каждого из этих мест он ставит бога или богиню. Отрывок из перевода этого интересного мифа, сделанного Крамером, проиллюстрирует характер созидательной деятельности Энки:

Он (Энки) повелел создать плуг
И мотыгу,
Он заставил быка...
Он взывал к урожаем;
На бесплодных полях он
Взрачивал зерно;
Повелитель, драгоценность и
Украшение равнины;
...земледелец Энлиля
Энкимду, повелитель каналов и рвов;
Энки велел управлять ими;
Господин воззвал к полям
И повелел им рождать зерно;
Энки велел создать маленькие
И большие бобы...
...зерно, которое он складывал в хранилище;
Энки создал множество
Хранилищ;
Вместе с Энлилем он создал
На земле изобилие;
Та, чья голова... и чье лицо...
Башня, которая является силой земли,
Опорой «черноголовых людей»,
Это Ашнан, опора всех вещей,
Которую Энлиль поставил
Во главу всего.

Затем Энки назначает Кабту, бога камня, повелителем топора и мастерка. Он создает фундамент и строит дома, а богом строительства делает Мушдамма, «великого строителя Энлиля». Он заполняет равнину растительной и животной жизнью, а во главе этой жизни ставит Сумукана, «короля гор». Наконец, Энки строит конюшни и овчарни, а во главе всего домашнего скота он ставит бога-пастуха Думузи.

Последний миф, касающийся устройства мироздания, связан с деятельностью богини Инанны (или Иштар).

Мы уже упоминали о «таблицах судьбы», и мы еще увидим, когда будем говорить о вавилонских мифах, что эти самые «таблицы судьбы» играют очень важную роль в нескольких мифах. Обладание ими было одной из привилегий и атрибутом божества. Часто в мифах говорится о том, что эти таблицы были украдены или отняты у богов силой. Дело в том, что бог, обладающий «таблицами судьбы», получал власть над миропорядком. В мифе, о котором мы сейчас говорим, Инанна желает распространить блага цивилизации на свой город Урук. Для этого она должна получить «ме» – это шумерское слово, судя по всему, означает ту же силу и власть, которая заключена в аккадских «таблицах судьбы». «Ме» находятся в руках Энки, бога мудрости. Инанна направляется в Эриду, где Энки живет в своем доме Апсу, у источника сладкой воды. Энки гостеприимно принимает у себя свою дочь Инанну и устраивает в ее честь грандиозный пир. Став пьяным от вина, он обещает ей всевозможные подарки, в том числе и «ме», или божественные наказания, которые, по словам

Крамера, «являются основой шумерской цивилизации». В мифе перечисляются более сотни элементов, из которых состоит эта самая цивилизация. Инанна с радостью получает эти дары, нагружает ими свою лодку и уплывает в Урук. Обнаружив пропажу, Энки посылает своего слугу Исимуа вернуть священные «таблицы судьбы». Он пытается сделать это целых семь раз, но каждый раз ему мешает Ниншубур, визирь Инанны, о котором мы уже говорили. Таким образом, богиня приносит в Урук блага цивилизации. Следует отметить, что тема соперничества между шумерскими городами-государствами так или иначе просматривается во многих мифах. Первыми в списках «*ме*», которые Инанна привезла в Урук, значатся символы власти: корона, трон и скипетр. Из этого можно заключить, что борьба за главенство в шумерском государстве была одним из основных мотивов мифов, посвященных обустройству миропорядка.

Сотворение человека

Мы уже отмечали, что миф о Лахаре и Ашнан закончился сотворением человека, который должен был служить богам. Еще один миф, текст которого разрознен и труден для общего понимания, описывает процесс сотворения человека. Хотя по содержанию шумерские мифы существенно отличаются от вавилонского «Эпоса о творении», их объединяет одинаковое понимание цели, ради которой был создан человек. Человек был сотворен, чтобы служить богам, обрабатывать землю и освободить богов от необходимости самим создавать все необходимое для жизни. В шумерском мифе боги жалуются, что не могут добыть себе пищи. Энки, бог мудрости, к которому боги всегда обращаются за помощью, спит. Однако Намму, доисторический океан, мать всех богов, пробуждает его ото сна. По повелению Намму и Нинмах, богини рождения, при помощи других божеств, которых Крамер в своем пересказе мифа описывает как «добросердечных и благородных исполнителей», смешивают глину, взятую из источника сладкой воды, и создают человека. Затем текст, записанный на глиняной табличке, прерывается, поскольку табличка сломана. Тем не менее, выясняются некоторые любопытные детали. Энки устраивает богам обед в честь сотворения человека. Энки и Нинмах пьют много вина и быстро пьянеют. Нинмах берет немного глины и делает шесть различных человеческих созданий, чье происхождение покрыто тайной. Кое-что известно только о последних двух: это бесплодная женщина и евнух. Энки объявляет судьбу евнуха: он должен всегда быть рядом или даже перед царем. Далее миф описывает следующий шаг, который предпринимает Энки. Он создает человека слабого душой и телом и просит Нинмах как-нибудь улучшить это несчастное создание. Однако Нинмах ничего не может сделать и ругает Энки за то, что он создал такое существо. В иврите есть несколько слов, означающих «мужчина», «человек». Одно из них – «*enoch*», у корня которого есть значение «слабый» или «больной». Это качество человека очень часто упоминается и подчеркивается в еврейской поэзии. Возможно, именно этот элемент шумерской мифологии лежит в основе иудейского представления о человеке как существе, неспособном подняться до того места в мироздании, которое было предназначено ему божественным промыслом. Позднее мы увидим, что вавилонский миф о сотворении человека имеет весьма важные отличия, которые оказали влияние на еврейские мифы о сотворении человека.

Миф о потопе

Третьим основным мифом является миф о потопе. В своей работе Крамер показал, что миф об уничтожении человечества потопом в том или ином виде встречается во всех частях света. Основная идея мифа заключается в том, что боги решают уничтожить человечество; средство, при помощи которого они решили сделать это, имеет второстепенное значение – позже мы увидим, что боги прибегали не только к потопу. Издавна известно, что библейская история о потопе основана на вавилонском мифе, с которым мы познакомимся в следующей

главе нашего исследования. Однако до 1914 года, когда американец Арно Пёбл опубликовал фрагмент текста одной из глиняных табличек, никто не предполагал, что вавилонский вариант мифа, в свою очередь, основывался на еще более раннем шумерском мифе. Других табличек, относящихся к теме потопа, до сих пор не найдено. Вот краткое содержание шумерского варианта мифа о потопе. Повествование начинается с того, что один из богов объявляет о своем намерении спасти человечество от уничтожения, вопреки решению богов. Причины такого решения неизвестны. Именно Энки предпринимает меры для спасения человечества от гибели. Он велит набожному царю Сиппара Зиусудре встать возле стены, через которую он раскроет ему намерение богов и скажет, что надо сделать, чтобы спастись от потопа. Часть текста, где должно описываться строительство ковчега, отсутствует, но из следующего отрывка ясно, что он существовал:

Все штормы мира
Ударили единой мощью,
И в это время волны
Захлестнули все священные места;
Потоки вод носились
По земле
Неделю: семь ночей и
Семь тревожных дней —
Корабль огромный
По волнам мотало, словно щепку.
И вот выходит Уту, что
Проливает свет на небо и на землю.
Зиусудра открыл окно
В каморке корабля,
И Уту протянул лучи,
Как прочные канаты.
И вот царь Зиусудра
Простерся перед Уту
И в дар ему принес
Бычка и овцу.

Здесь в тексте обнаруживается пробел, а дальше на табличке описывается внешность царя Зиусудры:

Царь Зиусудра
Распластался перед Ану
И Энки.
И Ану, и Энки даровали
Ему милость,
А милость эта — жизнь,
Подобная богам;
И вечное, и легкое дыханье.
И вот царь Зиусудра хранитель имени и семени
Людского рода;
Явился на благословенную землю
По имени Дилмун.
Там ярко светит солнце, и там им было
Велено жить.

Из вавилонского мифа о потопе можно сделать вывод о том, что в шумерской версии

содержалось гораздо больше подробностей о причине потопа и строительстве ковчега; но мы оставим их рассмотрение в стороне. Вопрос о том, можно ли миф о потопе считать обрядовым мифом, довольно сложен. Однако его рассмотрение мы можем отложить до тех пор, пока не ознакомимся с ним полнее и оценим его связь с мифом о Гильгамеше.

Помимо трех основных описанных мифов существует еще великое множество шумерских мифов, которые следует включить в наш рассказ о древнейшей мифологии мира (ну, может быть, за исключением египетской). Следует также иметь в виду, что наши знания о шумерах далеки от полноты и значение многих слов в их языке остается не до конца ясным. Более того, тексты на табличках зачастую фрагментарны и обрывочны, и их очень трудно читать.

Поэтому, хотя данное изложение шумерских мифов и основывается на исследованиях лучших ученых, дальнейшие изыскания и раскопки, вполне вероятно, в будущем внесут в него что-то новое или дополняют его.

Миф об Энки и Нинхурсаг

Миф об Энки и Нинхурсаг не имеет аналога в аккадской мифологии, но именно его Крамер назвал одним из наиболее полных из дошедших до нас шумерских мифов. В «Древних текстах Ближнего Востока» этот миф описывается как миф о рае. Некоторые его элементы легли в основу еврейских мифов о рае.

Действие мифа разворачивается в Дилмуне, о котором говорится и как о стране, и как о городе. Современные ученые считают, что это – Бахрейн. Главными действующими лицами мифа являются бог Энки(бог воды) и богиня Нинхурсаг (богиня земли). Повествование начинается с описания Дилмуна как очень чистого, светлого и яркого места, где все животные живут в мире друг с другом и где никому не угрожают ни болезни, ни старость. Единственное, чего нет в Дилмуне, – это чистой воды. По просьбе Нинхурсаг Энки дает этому месту воду.

Далее в мифе говорится, что от союза Энки и Нинхурсаг родилась Нинсар (или Нинму), богиня растений. Беременность Нинхурсаг длится девять дней (по одному дню на каждый из девяти месяцев беременности земной женщины). После этого Энки вступает в связь со своей дочерью Нинсар, которая дает жизнь богине Нинкурра, а та, в свою очередь, опять-таки от Энки рождает Утту, богиню растений (не путать с богом солнца Уту). Затем Нинхурсаг предупреждает Утту о намерениях Энки и советует ей, как справиться с этой ситуацией. По совету Нинхурсаг Утту требует от Энки поднести ей в качестве свадебных даров огурцы, яблоки и виноград. Энки приносит эти дары, и Утту радостно приветствует его. Из их союза появляются восемь растений. Однако, прежде чем Нинхурсаг успевает дать им названия и определяет их свойства, Энки съедает их все. В ярости Нинхурсаг страшно ругает его и уходит. Боги пребывают в страхе, а Энки чувствует боль в восьми частях своего тела. С помощью хитроумной лисицы боги вызывают Нинхурсаг и заставляют ее вылечить Энки. Она делает это, создав по очереди восемь божественных существ – по одному для каждой части тела Энки, которая поражена болезнью. Отмечается, что есть прямая связь между именем каждого божества и конкретной частью тела Энки. Заключительные строки поэмы дают основание считать эти восемь божеств детьми Энки, чья жизнь и судьба определены Нинхурсаг. Этот миф не имеет аналогов в ближневосточной мифологии, за исключением самой идеи о золотом веке, которая была широко распространена, и темы инцеста между отцом и дочерью. Эта же тема нашла отражение в греческой мифологии – вспомним отношения между Сатурном и Вестой, как о них говорит Мильтон:

Рыжеволосая Веста
Любовью к Сатурну пылала.
Хоть дочерью ему была,
Никто не видел в том стыда.

Однако у нас нет ключа к толкованию деталей этого мифа. Профессор Торкильд Якобсен говорит, что этот миф пытается обнаружить причинную связь между разрозненными явлениями и событиями, однако эта связь является причинной только в поэтическом смысле слова. Хотя, если растения рассматривать как порождение почвы и воды, мы все же можем проследить эту связь, пусть и с некоторой натяжкой. Однако в конце повествования оказывается, что божества, рожденные, чтобы вылечить Энки, не имеют никакой внутренней связи ни с землей, которая дает им жизнь, ни с водой. Миф тем не менее свидетельствует о том, что, хотя вавилоняне очень многое позаимствовали из шумерской мифологии, ум семитов не смог воспринять многих ее элементов.

Миф о Думузи и Энкимду

Большой интерес представляет собой еще один шумерский миф, который словно эхо повторяется в истории о Каине и Авеле, только без ее трагического конца. Этот миф, по сути, касается многовекового соперничества между земледельческим и скотоводческим образом жизни. В нем рассказывается о том, что Инанна (или Иштар) должна выбрать себе мужа. Претендентов двое: бог-пастух Думузи (или Таммуз) и бог-крестьянин Энкимду. Брат Инанны Уту, бог-солнце, отдает предпочтение Думузи, но сама Инанна симпатизирует Энкимду. Думузи настойчив и говорит, что у него есть все, что может предложить Энкимду, и даже больше. Энкимду пытается задобрить Думузи и предлагает ему всевозможные дары, но Думузи тверд в своем решении завоевать Инанну и, очевидно, преуспевает в своем намерении, поскольку в других мифах он выступает как муж Инанны. Имеет смысл привести здесь заключительные строки мифа в пересказе Крамера. Энкимду говорит:

О пастух, зачем тебе эта ссора?
О пастух, зачем ты ее затеваешь?
Зачем ты сравниваешь меня с собой?
Пусть твои овцы едят траву,
Пусть твои овцы пасутся
У меня на лугах,
Пусть они травку едят на полях Забалама
И все твои стада пьют
Воду из моей реки Унун.
Думузи говорит:
Я пастух, а ты крестьянин,
Не мешай моей семейной жизни,
О Энкимду, как друга
Прошу я тебя.
Энкимду отвечает ему:
Я принесу тебе пшеницу и бобы,
Я принесу тебе бобы.
А дева Инанна, что так приятна тебе,
Дева Инанна...
Я принесу тебе.

Когда мы будем рассматривать древнееврейские мифы, увидим, что в мифе о Каине и Авеле прослеживаются черты более древних мифов, и вполне возможно, что отказ Думузи от всех предложенных ему богом-земледельцем даров — не что иное, как первоначальный вариант отказа Яхве от предложенных ему Каином подарков.

Мифы о Гильгамеше

Важной фигурой в аккадской мифологии является герой Гильгамеш, который, согласно «Эпосу о Гильгамеше», на две трети бог, а на треть человек. Но он также принадлежит и к шумерской мифологии. Три шумерских мифа, включенные в «Древние тексты Ближнего Востока» в переводе Крамера, содержат эпизоды с участием Гильгамеша. Следует отметить, что в списке шумерских царей Гильгамеш является пятым царем династии Урука, второй династии, правившей после потопа (согласно шумерской мифологии). Первый из этих текстов, озаглавленный «*Гильгамеш и Агга*», отражает борьбу за первенство, существовавшую между древними шумерскими городами. В нем рассказывается о конфликте между Гильгамешем из династии Урука и Аггой, последним царем династии Киш, первой династии, правившей после потопа. Большая часть поэмы не дошла до нас, но, судя по всему, в ней содержится рассказ о требовании Агги сдать ему Урук, о сопротивлении Гильгамеша, об осаде Урука Аггой и, наконец, о примирении двух царей. Боги не вмешивались в этот конфликт, поэтому, строго говоря, этот текст не является в чистом виде образцом шумерской мифологии. Он включен в сборник только потому, что он свидетельствует о том, что фигура Гильгамеша появилась еще в шумерских источниках. Второй текст, озаглавленный «*Гильгамеш и Земля живых*», явно содержит мифологический компонент, который был использован при создании аккадского «Эпоса о Гильгамеше». Его основной сюжет – поиск бессмертия, то есть тема, которая проходит через всю ближневосточную мифологию. Угнетенный мыслью о неизбежности смерти, Гильгамеш решает отправиться на поиски Земли живых. Его друг и слуга Энкиду, о котором мы подробнее узнаем в аккадском эпосе, советует ему сначала поговорить о своем намерении с богом солнца Уту.

Уту рассказывает Гильгамешу обо всех опасностях, но затем помогает ему перейти через семь гор и добраться до своей цели, которая оказывается горой, где живет великан Хувава. Гильгамеш и Энкиду отрубает великану голову. Здесь таблица с текстом заканчивается. Значение текста заключается в том, что он свидетельствует, насколько сильно мысли о смерти занимали шумеров, он также является тем источником, откуда вавилоняне почерпнули материал для завершения истории о Гильгамеше, появившейся в аккадской версии мифа.

Третий текст о Гильгамеше, «*Смерть Гильгамеша*», развивает тему смерти и поисков бессмертия. Судя по всему, Гильгамешу приснился сон, истолкованный ему богом Энлилем следующим образом: боги отказали людям в бессмертии, но Гильгамешу они вместо этого дали славу, богатство и успех на поле брани. Вторая часть поэмы описывает погребальный обряд, который может, по предположению Крамера, пролить свет на значение найденной сэром Леонардом Були гробницы при раскопках Ура. Возможно, что шумеры, как и древние египтяне, умерщвляли жен и слуг усопшего царя; сам текст подразумевает, что умерший царь – это Гильгамеш, и заканчивается священным песнопением в его честь.

Теперь мы можем оставить шумерскую мифологию и перейти к мифологии аккадской, а именно ассииро-вавилонской, большая часть которой, как уже отмечалось, основана на шумерских мифах. Необходимо иметь в виду, что семитские завоеватели переняли у шумеров клинопись и адаптировали ее к семитскому (аккадскому) языку, который абсолютно не похож на язык шумеров. Поэтому многие боги шумерского пантеона появляются в аккадской мифологии под семитскими именами. Инанна становится Иштар, Уту становится Шамашем, бог луны Нанна становится Сином. Тем не менее многие обрядовые и храмовые термины сохраняют свою шумерскую форму. Многие из молитв и песнопений по-прежнему декламировались на шумерском языке, который остался языком религиозных обрядов и литургий даже после того, как он перестал существовать в своей разговорной форме. Точно так же сейчас латынь продолжает оставаться языком церкви, хотя в обыденной жизни на ней никто уже давно не говорит. Таким образом, аккадские варианты шумерских мифов отражают как изменившуюся политическую ситуацию (завоевание шумеров семитами), так и совершенно иную ментальность семитов.

Вавилонские мифы

Для удобства мы обозначили мифы, описываемые в этом разделе, как вавилонские, хотя многие тексты были записаны ассирийскими писцами и хранились в библиотеке ассирийского царя Ашшурбанипала. Профессор Сидни Смит говорит: «Очевидно, что ассирийские писцы занимались переработкой литературных текстов, которые они позаимствовали у вавилонян. Они изменили стиль первой династии Вавилона и придали этим текстам форму, в которой они и находились в ассирийской библиотеке». Ассирийским богам поклонялись также и в Вавилоне, а ассирийские религиозные праздники отмечались в то же время и точно так же, что и в Вавилоне. Есть несколько мифов или легенд, которые мы можем назвать чисто ассирийскими. Например, легенда о Саргоне Аккадском, которая имела очень любопытную историю. Но в основном мифы, о которых мы будем говорить, имеют вавилонские корни и представляют собой семитское развитие более древнего шумерского материала.

Мы начнем со знакомства с вавилонским вариантом трех основополагающих мифов, о которых уже говорили в предыдущем разделе.

Сошествие Иштар в преисподнюю

Как в шумерском, так и в вавилонском варианте этого мифа не дается никакого объяснения причин сошествия Иштар в подземное царство. Однако в конце поэмы, уже после освобождения Иштар, Таммуза представляют как брата и возлюбленного Иштар, опять-таки не объясняя, как он оказался в подземном царстве. Следующие строки дают понять, что возвращение Таммуза в мир живых было встречено с радостью. И только из текста, входящего в ритуал поклонения Таммузу, мы узнаем о заключении Таммуза в подземном царстве и о запустении и отчаянии, поселившихся на земле во время его отсутствия. В вавилонской версии мифа о сошествии Иштар в «страну без возврата» есть описание того, как в ее отсутствие воцарилось всеобщее бесплодие: «быки перестали покрывать коров; ослы не оставляют свое семя в ослицах, а мужчины в девицах». С этими словами визирь великих богов Папсуккаль объявляет о том, что Иштар не вернется, и о последствиях этого. Описание сошествия Иштар в мир мертвых в основном совпадает с шумерским текстом, но есть и некоторые отличия. Когда Иштар стучится в ворота подземного царства, она угрожает снести эти ворота, если ее не пустят вовнутрь, и освободить всех мертвых, находящихся в подземном царстве. Вот как описывается эта сцена:

О страж ворот, отвори их,
Открой ворота и я войду!
Если ты не откроешь ворот,
Я сломаю засовы и снесу ворота; я снесу твою башню, и
приду туда;
Я подниму мертвых, пожирающих живых, чтобы их было
больше, чем
живых.

В этой версии мифа Иштар более агрессивная и даже грозная фигура, чем у шумеров. Угроза Иштар выпустить мертвых и натравить их на живых отражает страх вавилонян перед духами, который был отличительной чертой их религии. Как и в шумерской версии, проходя через каждые ворота, Иштар снимает с себя какую-то деталь одежды. Вавилонская версия, однако, не содержит в себе описания того, как страшные «глаза смерти» превращают Иштар в труп. Тем не менее на землю она не возвращается, и далее следует обращение Папсуккаля к

богам. В ответ на эту мольбу Эа (Энки в шумерском мифе) создает евнуха Асушунамира и посылает его вниз к Эрешкигаль за сосудом с живой водой. Благодаря своему обаянию ему удается уговорить Эрешкигаль дать ему живую воду, однако Эрешкигаль делает это очень неохотно: она приказывает своему визирю Намтару обрызгать Иштар живой водой. Иштар освобождена и возвращается на землю, получив обратно все украшения и одежды, которые она отдавала у каждых ворот подземного царства. Однако она должна заплатить выкуп за свое освобождение. Эрешкигаль говорит Намтару: «Если она не даст тебе выкуп за себя, верни ее обратно». В мифе не уточняется, что понимается под выкупом, но упоминание имени Таммуза в конце подразумевает, что именно он должен спуститься в подземное царство. Однако нет никаких указаний на то, как именно он туда попадает. Мы уже знаем, что существует шумерский миф о низвержении Энлиля в подземное царство и о том, что Инанна сопровождала его туда. Также в культовых текстах содержится указание на то, что Энлиль и Таммуз – это в принципе одно и то же божество. Поэтому вполне естественно, что по мере развития мифа сошествие Таммуза в подземное царство приобретает все большее значение и связывается с угасанием и возрождением растительной жизни. Когда со временем этот миф получил распространение в других странах, на первый план вышла тема его смерти и траура по нему. Отсюда упоминание Иезекииелем о женщинах Израиля, скорбящих по Таммузу, и миф о Венере и Адонисе, древнегреческий аналог рассматриваемого нами мифа. Смерть Баала в угаритской мифологии может представлять собой самую раннюю ступень развития мифа.

Миф о творении

Мы уже видели, что в шумерском мифе о творении вся созидательная деятельность была поделена между различными богами, причем главными фигурами здесь выступали Энлиль и Энки. В Вавилоне миф о творении занял главенствующее положение в иерархии мифов благодаря тому, что он ассоциировался с главным праздником Вавилона – Новым годом (или Акиту). Этот миф нашел свое воплощение в литургической поэме, известной по ее начальным строкам как «Энума Элиш» («Когда вверху...»). Главная роль отводится богу Мардуку. Именно он побеждает Тиамат, спасает «таблицы судьбы» и совершает различные созидательные действия, описанные в поэме. Семь табличек с текстом мифа были обнаружены британской экспедицией при раскопках Ниневии. Часть их была переведена и опубликована Джорджем Смитом в 1876 году. Некоторые ученые чересчур поспешно провели параллель между семью днями творения и семью табличками с текстом вавилонского мифа и выдвинули теорию о том, что еврейский пересказ истории о творении мира полностью заимствован из вавилонского мифа. Мы еще вернемся к этому, когда будем рассматривать еврейскую мифологию. Позже были найдены другие части текста и таким образом заполнены некоторые пробелы, имевшиеся в мифе. Большинство современных ученых датируют это сочинение началом второго тысячелетия до н. э., периодом, когда Вавилон выдвинулся на первый план среди аккадских городов-государств. Из культовой новогодней поэмы мы знаем, что во время встречи Нового года священнослужители дважды цитировали строки «Энума Элиш», сопровождая чтение магическими обрядами.

Раскопки на месте древнего города Ашшура, первой столицы ассирийской империи, обнаружили таблички с текстом ассирийского варианта «Энума Элиш», в котором место вавилонского бога Мардука занял Ашшур, главный бог Ассирии.

В общих чертах вавилонский вариант таков: первая табличка начинается с описания древнейшего состояния вселенной, когда еще ничего не существовало, кроме Апсу, океана чистой, сладкой (пресной) воды, и Тиамат, океана соленой морской воды. Из их союза появились на свет боги. Первая пара богов, Лахму и Лахаму (Якобсен толковал этих богов как ил, отложившийся при соединении океана и рек), дала жизнь Аншару и Кишар (линия горизонта моря и неба – в интерпретации того же ученого). В свою очередь, Аншар и Кишар дали жизнь Ану, богу неба, и Нудиммуду или Эа, богу земли и воды. Здесь проявляется

некоторое отличие от шумерской традиции. Энлиля, чья деятельность нам уже знакома по шумерской мифологии, заменяет Эа, или Энки, который в вавилонской мифологии обозначен как бог мудрости и источник волшебства. Эа дает жизнь Мардуку, герою вавилонского варианта мифа. Однако еще до рождения Мардука возникает первый конфликт между богами-прародителями и их отпрысками. Тиамат и Апсу раздражает шум, создаваемый младшими богами, и они совещаются со своим визирем Мумму, размышляя, как бы уничтожить их. Тиамат не особенно стремится к уничтожению собственных детей, но Апсу и Мумму разрабатывают план. Однако их намерение становится известно младшим богам, и это, естественно, беспокоит их. Однако премудрый Эа придумывает собственный план: он напускает сонные чары на Апсу, убивает его, ослепляет Мумму и вдевает ему в нос шнур. Затем он строит священную обитель и называет ее «Апсу». Там рождается Мардук, после чего следует описание его красоты и необычайной силы. Первая табличка заканчивается описанием подготовки к новому конфликту между старшими и младшими богами. Старшие дети упрекают Тиамат за то, что она пребывала в спокойствии, когда убивали Апсу. Им удастся «расшевелить» ее и принять меры по уничтожению Ану и его помощников. Она заставляет Кингу, своего первенца, возглавить атаку, вооружает его и дает ему «таблицы судьбы». Затем она дает жизнь орде ужасных созданий, таких, как человек-скорпион и кентавр, чье изображение мы видим на вавилонских печатях и пограничных камнях. Во главе этой орды она ставит Кингу и готовится отомстить за Апсу.

Вторая таблица описывает, как ассамблея богов воспринимает известие о предстоящем нападении. Аншар встревожен и, задумавшись, разрывает свое бедро. Сначала он напоминает Эа о своей прошлой победе над Апсу и предлагает так же расправиться с Тиамат; но Эа либо отказывается сделать это, либо ему просто не удастся победить Тиамат; на этом самом месте текст прерывается, и не вполне ясно, что же произошло с Эа. Затем совет богов посылает вооруженного Ану убедить Тиамат отказаться от ее намерений, но ему тоже не удастся этого сделать. Аншар предлагает, чтобы эту задачу поручили могучему Мардуку. Отец Мардука Эа советует ему согласиться выполнить это задание, и тот соглашается, но при условии, что ему дадут полную и безоговорочную «власть на совете богов», что при определении судьбы его слово будет решающим. На этом заканчивается вторая таблица.

Третья таблица еще раз повторяет решение, принятое богами, и заканчивается описанием пира, где Мардук официально получает власть, которую он требовал.

Четвертая таблица начинается с описания вручения Мардуку символа царской власти. Боги потребовали от него доказательства того, что он обладает достаточной силой, чтобы справиться с порученным ему делом. Для этого он своей волей заставляет свою мантию исчезнуть, а затем появиться вновь. Боги остались довольны и провозгласили: «Мардук – царь». Затем Мардук вооружается для битвы; его оружие – лук и стрелы, молния и сеть, которую за углы держат четыре ветра; он наполняет свое тело пламенем и создает семь страшных ураганов; он садится в свою повозку, запряженную бурей, и выступает против Тиамат и ее орды. Он вызывает Тиамат на поединок; он бросает сеть, чтобы пленить ее, а когда она открывает рот, чтобы проглотить его, въезжает в него на злом ветре и поражает ее стрелой прямо в сердце. Ее помощники-демоны бегут, но попадают в сети. Их вожак Кингу также пойман и связан. Затем Мардук берет у Кингу «таблицы судьбы» и привязывает их к своей груди, тем самым подчеркивая свое верховенство над богами. Вслед за этим он делит тело Тиамат надвое; одну половину он помещает над землей как небо, укрепляет его на шестах, ставит стражей. Затем он строит Эшарру, жилище великих богов по образцу жилища Эа – Апсу, и заставляет Ану, Энлиля и Эа обосноваться там. На этом заканчивается четвертая таблица.

Пятая табличка слишком фрагментарна, чтобы мы могли почерпнуть из нее сведения о первых шагах по устройству мироздания, однако ее начальные строки свидетельствуют, что прежде всего Мардук создал календарь (это всегда было одной из первейших обязанностей царя). Он определил месяцы года и их последовательность в соответствии с фазами Луны.

Он также определяет три земных «пути» – путь Энлиля на северных небесах, путь Ану в зените и путь Эа на юге. Планета Юпитер должна наблюдать за небесным порядком вещей.

Шестая табличка рассказывает о сотворении человека. Мардук заявляет о своем намерении сотворить человека и заставить его служить богам. По совету Эа, было решено, что предводитель восставших Кингу должен умереть, чтобы по его образу и подобию сотворить людей. Итак, Кингу казнен, а из его крови создаются люди, которые должны «освободить богов», то есть выполнять действия, связанные с осуществлением храмовых обрядов, и добывать для богов пищу. Затем боги строят для Мардука великий храм Эсагила в Вавилоне со знаменитым «зиккуратом». По повелению Ану они провозглашают пятьдесят великих имен Мардука. Их перечисление занимает всю оставшуюся часть поэмы. Таков сюжет вавилонского мифа о творении. В нем ясно прослеживается шумерская основа. Однако те элементы, которые разбросаны по нескольким шумерским мифам, в «Энума Элиш» сведены воедино и представляют собой связное целое. У нас нет никаких доказательств того, что различные шумерские мифы когда-либо являлись частью ритуала. Поэма «Энума Элиш» стала обрядовым мифом, обладающим магической силой и играющим жизненно важную роль в вавилонском празднике Нового года, в связи с драматическим воплощением сюжета о смерти и воскрешении богов.

Миф о потопе

Третий из наших основополагающих мифов – это миф о потопе. В рассматриваемом случае несколько фрагментарный шумерский миф был значительно расширен, и вавилонский вариант мифа о потопе стал частью «Эпоса о Гильгамеше». Непосредственно вавилонским вариантом «Эпоса о Гильгамеше» мы займемся несколько позже, однако миф о потопе связан с «Эпосом о Гильгамеше» как часть приключений героя.

Проблема смерти, болезней и поисков бессмертия практически отсутствовала в шумерской мифологии, но она очень заметна в семитских мифах. В «Эпосе о Гильгамеше» она возникает перед Гильгамешем, когда умирает его друг Энкиду, о котором мы еще поговорим при рассмотрении других частей эпоса. Сейчас нас больше интересует связь между эпосом и мифом о потопе. После описания смерти Энкиду и скорби Гильгамеша по другу миф рассказывает нам, что Гильгамеша потрясла мысль о том, что он тоже смертен. «Когда я умру, разве я не буду подобен Энкиду? Страх поселился во мне.

Страшась ее, я странствую по пустыне». Единственным смертным, которому удалось избежать смерти и найти тайну бессмертия, был предок Гильгамеша Утнапиштим. Это вавилонский аналог Зиусудры, шумерского героя сказания о потопе. Гильгамеш решает отправиться на поиски своего предка, чтобы раскрыть секрет бессмертия. Его предупреждают об опасностях, подстерегающих в пути. Ему говорят, что прежде, чем он доберется до цели, ему надо будет перейти горы Машу и реку смерти. Подобное оказалось под силу только богу Шамашу. Тем не менее, Гильгамеш преодолевает все препятствия и приходит к Утнапиштиму. Текст прерывается как раз в том месте, где описывается их встреча. Когда текст снова становится разборчивым, мы читаем, что Утнапиштим рассказывает Гильгамешу о том, что боги сохранили для себя секрет жизни и смерти. Гильгамеш спрашивает у него, как же ему удалось достичь бессмертия. В ответ Утнапиштим рассказывает ему историю о потопе. Она записана на одиннадцатой табличке «Эпоса о Гильгамеше». Это самая полная и хорошо сохранившаяся часть эпоса, который зафиксирован на двенадцати табличках. Этот миф был широко известен на Древнем Востоке. Подтверждают это недавно обнаруженные фрагменты хеттского и хурритского вариантов этого мифа.

Утнапиштим предупреждает Гильгамеша о том, что история, которую он собирается поведать ему, – это «тайна богов». Утнапиштим говорит о себе как о человеке из Шуруппака, древнейшего из городов Аккада. Эа тайно сообщает ему, что боги решили уничтожить все ростки жизни на земле, наслав на нее потоп. При этом о причинах такого решения ничего не

говорится. Эа велит Утнапиштиму построить ковчег, на который он должен принести «потомство всего живого на земле». В мифе приводятся размеры и форма корабля. Судя по этому описанию, корабль имел форму куба. Утнапиштим спрашивает Эа, как ему объяснять жителям Шуруппака свои действия, и Эа говорит, что он должен сказать, якобы он прогневал Энлиля, и тот изгнал его со своей земли. Утнапиштим говорит им: «Теперь я отправлюсь вниз, на самое дно, где буду жить со своим повелителем Эа». Затем он говорит, что Энлиль ниспошлет на них изобилие. Таким образом, жители обмануты относительно намерений богов. Далее следует описание процесса строительства корабля и его погрузки:

«Все, что я имел» погрузил я туда;
Все серебро сложил на корабль;
И золото все принес;
И всех божьих тварей согнал я туда.
А также семью и родных.
И с полей, и из степи
Всех букашек принес я туда;
И всех мастеровых привел на корабль.

Затем в красках дается описание бури. Адад гремит раскатами грома; Нергал сносит створы ворот, которые сдерживают напор вод верхнего океана; Ануннаки поднимают свои факелы, чтобы «воспламенить землю от их огня».

Сами боги встревожены происходящим и, как собаки, трусливо жмутся к стене небесного дома. Иштар, которая, очевидно, и подговорила богов погубить людей, сожалеет о содеянном, и боги вторят ей. Буря бушует шесть дней и ночей. На седьмой день она стихает. Утнапиштим выглядывает наружу и видит перед собой опустошенную равнину: «Все люди превратились в глину».

Корабль причаливает на горе Низир. Утнапиштим выжидает семь дней и посылает голубя, который возвращается, не найдя пристанища. Затем он отправляет в полет ласточку, но и она возвращается. Наконец, он высылает ворона, который находит пищу и не возвращается обратно. Утнапиштим выпускает с корабля всех собравшихся там и приносит жертву богам. Боги чувствуют аромат и, словно мухи, слетаются к месту жертвоприношения.

Приходит Иштар, дотрагивается до своего ожерелья, сделанного из ляпис-лазури, и клянется никогда не забывать случившегося. Она упрекает Энлиля за то, что он решил уничтожить ее людей. Затем появляется Энлиль. Он в ярости оттого, что кому-то из людей было позволено избежать смерти. Нинурта упрекает Эа в том, что он выдал секрет богов. Эа спорит с Энлилем, защищая Утнапиштима. Энлиль уступает и дарует Утнапиштиму и его жене бессмертие, которым обладают боги. Он повелевает, что отныне они будут жить далеко у устья рек. На этом заканчивается повествование о потопе. Оставшаяся часть этой таблички и вся двенадцатая табличка посвящены истории о Гильгамеше. Хотя раскопки в Месопотамии доказали, что в древности Ур, Киш и Урук не раз страдали от страшных наводнений, все же нет никаких оснований полагать, что какое-то из этих наводнений затопило всю страну, кроме того, наводнения случались в разное время и были различной силы. Тем не менее, этот миф основан на факте необычайно сильного наводнения, хотя он и был связан с погребальными ритуалами и идеей поиска бессмертия. Однако нет убедительных доказательств, что миф о потопе, подобно мифу о творении, стал обрядовым мифом. Сейчас мы перейдем к описанию других ассиро-вавилонских мифов, которые обнаружены в различных захоронениях, открытых археологами в последние годы.

Эпос о Гильгамеше

Это замечательное литературное произведение, в которое входит миф о потопе, является отчасти мифом, отчасти сагой. В нем описаны приключения полумифического царя

города Урук, который в шумерской летописи царей значится как пятый царь первой династии Урука, который якобы правил сто двадцать лет. В древности на Ближнем Востоке это произведение пользовалось необычайной популярностью. В архивах Богазкёя были обнаружены фрагменты перевода этого текста на хеттский язык, а также отрывки хеттского варианта этого произведения. Во время раскопок, проводившихся одной из американских экспедиций в Мегиддо, были обнаружены фрагменты аккадского варианта эпоса. Стоит процитировать слова профессора Спейзера, сказанные им об этом произведении: «Впервые в истории такое содержательное повествование о подвигах героя нашло столь благородное выражение. Размер и масштабность этого эпоса, его чисто поэтическая мощь определяют его вневременную притягательность. В древности же влияние этого произведения ощущалось в самых разных языках и культурах».

Аккадский вариант состоял из двенадцати табличек. Большинство фрагментов этих табличек хранилось в библиотеке Ашшурбанипала в Ниневии. Лучшее сохранилось одиннадцатая табличка, на которой записан миф о потопе. Эпос начинается с описания силы и качеств Гильгамеша. Боги сотворили его сверхчеловеком, обладающим необыкновенным ростом и силой. Его считали на две трети богом и на треть человеком. Однако знатные жители Урука жалуются богам, что Гильгамеш, который должен быть поводырем своего народа, ведет себя высокомерно, как настоящий тиран. Они умоляют богов создать существо, подобное Гильгамешу, с кем он мог бы померяться силой, и тогда в Уруке воцарится мир. Богиня Аруру лепит из глины фигуру Энкиду, дикаря-кочевника, наделяя его нечеловеческой силой. Он ест траву, дружит с дикими животными и вместе с ними ходит на водопой. Он уничтожает капканы, которые расставляют охотники, и вызволяет из них диких зверей. Один из охотников рассказывает Гильгамешу о характере и странных повадках дикаря. Гильгамеш велит охотнику отвести к водопою, где Энкиду пьет воду с дикими животными, блудницу из храма, чтобы она попыталась соблазнить его. Охотник выполняет приказ, и женщина лежит в ожидании Энкиду. Когда он приходит, она демонстрирует ему свои прелести, и его охватывает желание обладать ею. Через семь дней любовных утех Энкиду выходит из забытья и замечает, что в нем произошли какие-то перемены. Дикие животные в ужасе бегут от него, а женщина говорит ему: «Ты стал мудрым, Энкиду; ты стал подобен Богу». Затем она рассказывает ему о славе и красоте Урука и о силе и славе Гильгамеша; она упрашивает его сбросить с себя свою одежду из шкур, побриться, умастить себя благовониями и ведет его в Урук к Гильгамешу. Энкиду и Гильгамеш состязаются в силе, после чего становятся лучшими друзьями. Они клянутся друг другу в вечной дружбе. На этом заканчивается первый эпизод эпоса. Здесь нам неизбежно вспоминается библейский сюжет, когда змей обещает Адаму, что он станет мудр и подобен богу, познает добро и зло, если попробует запретный плод.

Вряд ли стоит сомневаться, что эпос в том виде, в котором он нам известен, состоит из различных мифов и народных сказаний, сведенных воедино вокруг центральной фигуры Гильгамеша.

Следующий эпизод повествует о приключениях Гильгамеша и Энкиду, когда они отправляются на битву с огнедышащим великаном Хуавой (или Хумбабой, в ассирийском варианте). Как Гильгамеш говорит Энкиду, они должны «изгнать зло с нашей земли». Вероятно, эти истории о приключениях Гильгамеша и его верного друга Энкиду легли в основу греческого мифа о подвигах Геракла, хотя некоторые ученые полностью отрицают такую возможность. В эпосе Хуава охраняет кедровые леса Амана, которые простираются на шесть тысяч лиг. Энкиду пытается отговорить своего друга от столь опасного предприятия, но Гильгамеш полон решимости осуществить задуманное. С помощью богов, после труднейшей битвы, им удастся отрубить великану голову. В этом эпизоде кедровые леса описаны как владения богини Ирнини (еще одно имя Иштар), тем самым этот эпизод эпоса соединяется со следующим.

Когда Гильгамеш с триумфом возвращается, богиня Иштар пленяется его красотой и пытается сделать его своим возлюбленным. Однако он грубо отвергает ее, напоминая о

печальной судьбе ее предыдущих возлюбленных. Разъяренная отказом, богиня просит Ану отомстить за нее, создав волшебного Быка и послав его разрушить царство Гильгамеша. Бык наводит ужас на жителей Урука, но Энкиду убивает его. После этого боги собираются на совет и решают, что Энкиду должен умереть. Энкиду снится сон, в котором он видит, как его увлекают в преисподнюю и Нергал превращает его в призрак. Этот эпизод содержит в себе очень любопытный момент – описание семитского представления о преисподней. Оно стоит того, чтобы его привести здесь:

Он [бог] превратил меня в нечто,
Мои руки – как крылья у птицы.
Бог глядит на меня и влечет
Прямо в Дом Темноты,
где правит Иркалла.
В тот дом, откуда нет выхода.
На дорогу, по которой не возвращаются.
В дом, где давно погашен свет,
Где прах – их пища, а еда – это глина.
И вместо одежды – крылья
А вокруг – одна темнота.

После этого Энкиду заболевает и умирает. Далее идет яркое описание горя, которое охватило Гильгамеша, и погребального ритуала, который он совершает по своему другу. Этот ритуал сходен с тем, который совершает Ахилл по Патроклу. В самом эпосе высказывается предположение, что смерть – это новый, очень мучительный опыт. Гильгамеш опасается, что и его постигнет участь Энкиду. «Когда я умру, разве я не стану как Энкиду? В меня вселился ужас. Страшась смерти, я брожу по пустыне». Он полон решимости отправиться на поиски бессмертия, и рассказ о его приключениях составляет следующую часть эпоса. Гильгамеш знает, что его предок Утнапиштим – единственный смертный, который обрел бессмертие. Он решает найти его, чтобы узнать секрет жизни и смерти. В начале путешествия он приходит к подножию горной гряды, которая называется Машу, вход туда охраняется человеком-скорпионом и его женой. Человек-скорпион говорит ему, что ни один смертный еще не переходил через эту гору, и предупреждает об опасностях. Но Гильгамеш сообщает о цели своего путешествия, тогда страж дает ему пройти, и герой идет дорогой солнца. Целых двенадцать лиг он бредет в темноте и, наконец, добирается до Шамаша, бога солнца. Шамаш говорит ему, что его поиски тщетны: «Гильгамеш, сколько бы ты ни бродил по свету, ты не найдешь вечной жизни, которую ищешь». Ему не удается переубедить Гильгамеша, и тот продолжает свой путь. Он приходит на берег моря и вод смерти. Там он видит еще одного стража, богиню Сидури, которая тоже пытается уговорить его не пересекать мертвое море и предупреждает, что никто, кроме Шамаша, не может сделать это. Она говорит, что стоит наслаждаться жизнью, пока есть такая возможность:

Гильгамеш, чего ищешь ты?
Жизнь, которую ты ищешь,
Ты нигде не найдешь;
Когда боги сотворили людей,
Они предназначали им быть смертными,
И они держат жизнь в своих руках;
Ты ж, Гильгамеш, попробуй радоваться жизни;
Пусть каждый день насыщен будет
Радостью, пирами и любовью.
Играй и веселись и день, и ночь;
Рядись в богатые одежды;

Дари свою любовь жене своей и
Детям – они твоя
Задача в этой жизни.

Эти строки перекликаются со строками Книги Екклесиаста. Невольно на ум приходит мысль о том, что еврейский моралист был знаком с этим отрывком эпоса.

Но герой отказывается прислушаться к совету Сидури и движется к завершающему этапу своего путешествия. На берегу он встречается с Уршанаби, который был рулевым на корабле Утнапиштира, и приказывает перевезти его через воды смерти. Уршанаби говорит Гильгамешу, что он должен пойти в лес и срубить сто двадцать стволов длиной в шесть локтей каждый. Он должен использовать их поочередно как понтонные шесты, чтобы самому ни в коем случае не дотрагиваться до вод смерти. Он следует совету Уршанаби и, наконец, добирается до жилища Утнапиштира. Он сразу же просит Утнапиштира сказать ему, как он получил бессмертие, которое он так страстно желает обрести. В ответ его предок рассказывает ему историю о потопе, с которой мы уже познакомились, и подтверждает все, что ему уже сказали человек-скорпион, Шамаш и Сидури, а именно: что боги приберегли бессмертие для себя и приговорили к смерти большую часть людей. Утнапиштим показывает Гильгамешу, что он даже не может сопротивляться сну, а уж тем более вечному сну смерти. Когда разочарованный Гильгамеш уже готов уйти, Утнапиштим в качестве прощального дара рассказывает ему о растении, которое обладает чудесным свойством: оно возвращает молодость. Однако, чтобы добыть это растение, Гильгамешу придется нырнуть на дно моря. Гильгамеш выполняет это и возвращается с чудодейственным растением. По дороге в Урук Гильгамеш останавливается у пруда, чтобы искупаться и сменить одежду; пока он купается, змей, почувствовав запах растения, уносит его, сбросив при этом кожу. Эта часть истории явно носит этиологический характер, объясняя, почему змеи могут, скинув кожу, начать жизнь заново. Таким образом, путешествие не принесло успеха, и этот эпизод завершается описанием того, как безутешный Гильгамеш сидит на берегу и жалуется на собственную невезучесть. Он возвращается в Урук с пустыми руками. Вполне вероятно, что первоначально на этом эпос и завершался. Однако в том варианте, в котором он известен нам сейчас, имеется еще одна табличка. Профессора Крамер и Гэдд доказали, что текст этой таблички является переводом с шумерского. Также доказано, что начало этой таблички является продолжением еще одного мифа, составной части «Эпоса о Гильгамеше». Это миф о Гильгамеше и дереве хулуппу. Судя по всему, это этиологический миф, объясняющий происхождение священного барабана-пукку и его использования в разного рода обрядах и ритуалах. Согласно ему, Инанна (Иштар) привезла дерево хулуппу с берегов Евфрата и посадила его у себя в саду, намереваясь сделать из его ствола себе кровать и стул. Когда враждебные силы помешали ей исполнить собственное желание, на помощь ей пришел Гильгамеш. В благодарность она подарила ему «пукку» и «микку», сделанные соответственно из основания и кроны дерева. Впоследствии ученые стали считать эти предметы магическим барабаном и магической барабанной палочкой. Следует отметить, что большой барабан и его барабанные палочки играли важную роль в аккадских ритуалах; описание процедуры его изготовления и ритуалов, сопровождавших ее, приведено в книге Тюрро-Данжена «Аккадские ритуалы». В аккадских ритуалах использовались и барабаны меньшего размера: вполне возможно, «пукку» был одним из таких барабанов.

Двенадцатая табличка открывается жалобой Гильгамеша из-за потери «пукку» и «микку», которые каким-то образом провалились в подземное царство. Энкиду пытается спуститься в преисподнюю и вернуть волшебные предметы. Гильгамеш советует ему соблюдать определенные правила поведения, чтобы его не схватили и не оставили там навсегда. Энкиду нарушает их и остается в подземном мире. Гильгамеш вызывает к Энлилю за помощью, но безуспешно. Он обращается к Син – и тоже тщетно. Наконец, он обращается к Эа, который велит Нергалу сделать в земле отверстие, чтобы дух Энкиду поднялся через него наверх. «Дух Энкиду, подобно дуновению ветра, поднялся из низшего мира».

Гильгамеш просит Энкиду рассказать ему, как устроена преисподняя и как живут ее обитатели. Энкиду рассказывает Гильгамешу, что тело, которое он любил и обнимал, поглощено топью и наполнено пылью. Гильгамеш бросается на землю и рыдает. Последняя часть таблички сильно повреждена, но, судя по всему, в ней говорится о разном участии тех, чье погребение прошло в полном соответствии с существующими обрядами, и тех, кто был погребен без проведения соответствующего ритуала.

Здесь заканчивается круг странствий Гильгамеша. Эпос явно представляет собой совокупность древних шумерских и аккадских мифов и сказаний. Некоторые из входящих в него мифов носят обрядовый характер, другие предназначены для того, чтобы объяснить происхождение некоторых верований и обрядов жителей Месопотамии. Тема страха смерти и горечи от утраты бессмертия красной нитью проходит через весь эпос.

Миф об Адапе

Проблеме смерти и бессмертия посвящен и другой миф, который был популярен и за пределами Месопотамии, поскольку его фрагмент найден в архивах Амарны в Египте. Специалист по ассирийской истории Эбелинг проводит параллель между именем героя этого мифа – Адапа – и еврейским именем Адам. Поэтому миф можно считать мифом о первом человеке. Согласно ему, Адапа был сыном Эа, бога мудрости. Он был жрецом-царем Эриду, самого старого из городов Вавилонского царства. Эа создал его как «модель человека» и дал ему мудрость, но не даровал вечной жизни. В мифе описаны его обязанности священнослужителя: в частности, он должен обеспечивать богов рыбой. Однажды он рыбачил, когда вдруг подул Южный Ветер и перевернул его лодку. В ярости Адапа сломал крыло Южному Ветру, и тот не дул целых семь лет. Высший бог Ану заметил случившееся и направил своего посланника Илабрата выяснить причины происшествия. Илабрат вернулся и рассказал Ану о том, что сделал Адапа. Ану повелел Адапе предстать перед ним. Эа, «который знает все, что происходит на небесах», дал своему сыну ценные советы относительно того, как вести себя с Ану. Он велел Адапе надеть траурные одежды и привести волосы в беспорядок. Когда он подойдет к воротам небес, увидит, что их охраняют Таммуз и Нингиззида. Они спросят его, что он хочет и почему он в трауре. Он должен ответить, что он скорбит по двум богам, которые исчезли с земли. Когда его спросят, что это за боги, он ответит: Таммуз и Нингиззида. Польщенные этим ответом, боги поддержат его перед лицом Ану и пригласят его к верховному богу. Эа предупредил своего сына, что, когда он предстанет перед Ану, ему предложат хлеб смерти и воду смерти, от которых он должен отказаться. Ему также предложат одежду и масло для тела, которые он может принять. Всем этим указаниям он должен следовать неукоснительно.

Все получилось так, как и сказал Эа. Адапа заручился благосклонностью богов, которые охраняли ворота, и они привели его к Ану. Ану благосклонно принял его и выслушал объяснения относительно того, что произошло с Южным Ветром. Затем Ану спросил у ассамблеи богов, что же делать с Адапой, и, якобы собираясь даровать ему бессмертие, приказал предложить ему хлеб жизни и живую воду. Адапа, следуя советам отца, отказался от этих даров, но надел предложенное ему платье и умастил тело предложенным маслом. Ану засмеялся и спросил, почему Адапа повел себя столь странно. Адапа объяснил, что сделал это по совету своего отца Эа. Ану сказал ему, что, сделав это, он лишил себя бесценного дара бессмертия. Конец таблички сломан. Судя по всему, Ану отослал Адапу обратно на землю, наделив его привилегиями, но с некоторыми ограничениями.

Эриду освобождался от феодальных повинностей, а его храму придавался особый статус. Однако уделом человечества должны были стать несчастья и болезни. Правда, болезни до некоторой степени смягчались благосклонностью Нинкаррак, богини врачевания.

В мифе есть и другие интересные моменты. Как часто встречается в подобных мифах, потеря бессмертия приписывается ревности того или иного бога, и выражается уверенность в

том, что боги приберегли бессмертие для самих себя. Мы также видим, что исчезновение Таммуза – повторяющийся элемент семитской мифологии. В одежде, подаренной герою, можно увидеть связь с еврейским мифом о грехопадении, в котором Яхве дает Адаму и Еве одежду из шкур. В мифе также присутствует этиологический элемент, который объясняет, почему священнослужители Эриду были освобождены от повинностей.

Миф об Этане и орле

На многих месопотамских цилиндрических печатях изображены сцены, которые связаны с мифологическими сюжетами. Считалось, что некоторые из этих сцен изображают подвиги Гильгамеша, но идентифицировать можно лишь некоторые из них. Особый интерес представляет тот факт, что можно с уверенностью узнать сцены из мифа об Этане на древнейших печатях. В хронологии шумерских царских династий первой, правившей после потопа, значится легендарная династия Киш. Ее тринадцатым царем был Этана – пастух, который вознесся на небеса. Печать представляет собой фигуру, поднимающуюся к небесам на спине орла, внизу пасутся овцы, а две собаки смотрят на возносящегося человека.

На этот раз в мифе речь идет не о смерти, а о рождении. Постепенно этот миф тесно переплелся с фольклорными произведениями об орле и змее. Миф начинается с описания положения людей после потопа, которые остались без указующей и направляющей руки царя. Символы царской власти – скипетр, корона, тиара и пастушья плеть – лежат на небесах перед Ану. Затем великие Ануннаки, вершители судеб, решают, что царская власть должна быть ниспослана на землю. Подразумевается, что Этана и есть этот самый ниспосланный царь. Для нормального существования царства в будущем нужен был наследник, а у Этаны не было сына. В мифе рассказывается, что Этана ежедневно приносил жертву Шамашу и умолял бога даровать ему сына. Он взывал к Шамашу: «О господин, услышь меня, даруй мне росток жизни, дай мне зародить жизнь, избавь меня от этого бремени». Шамаш велит царю преодолеть горную вершину, там он найдет яму, а в ней – плененного орла. Он должен освободить орла, в благодарность орел покажет ему дорогу к ростку жизни.

Здесь в миф вплетается народное сказание об орле и змее. В сказании говорится, что в начале всех вещей орел и змей поклялись друг другу в вечной дружбе. У орла гнездо с птенцом находилось в ветвях дерева, а змей со своим потомством жил у подножия горы. Они поклялись вместе защищать свое потомство и добывать для них пищу. Какое-то время все шло хорошо. Однако орел таил зло в своем сердце и нарушил клятву: когда змей был на охоте, орел склевал детенышей змея. Когда змей вернулся, он воззвал к Шамашу, требуя справедливости: он просил отомстить клятвопреступнику. Шамаш показал ему, как заманить орла в западню, сломать крылья и посадить его в яму. С тех пор орел остается там, тщетно умоляя Шамаша о помощи. Тут появляется Этана и освобождает орла, который обещает отвести его к трону Иштар, где он и сможет получить росток жизни. Именно этот эпизод и запечатлен на цилиндрической печати. Миф красочно описывает этапы восхождения Этаны к трону Иштар: постепенно живописный пейзаж становится все мельче и мельче и наконец вообще исчезает далеко внизу. Когда описание доходит до середины, текст на табличке обрывается (сломана сама табличка). Но, судя по всему, у этой истории хороший конец – ведь в хронологической таблице царей значится сын и наследник Этаны.

Можно также отметить, что сказание об орле и змее содержит в себе один из древнейших элементов этого литературного жанра. В этом сказании младший из детей орла обладает мудростью и предупреждает отца о том, что нарушение клятвы грозит неприятностями. Этот миф составляет основу обряда по случаю рождения человека на свет, точно так же, как «Эпос о Гильгамеше» содержит в себе элементы погребального ритуала.

Миф о Зу

Это еще один из немногочисленных мифов, запечатленных на цилиндрических

печатах, еще одна вариация на тему жизни и смерти, которая так часто возникает в аккадской мифологии. На печатах Зу изображен в виде птицеподобной фигуры. Франкфорт называет его человеком-птицей, но, скорее всего, это один из второстепенных богов, возможно, бог низшего мира, который, будучи одним из отпрысков Тиамат, является врагом высших богов. Его имя часто встречается в ритуальных текстах, причем он всегда находится в конфликте с великими богами. Еще одна тема этого мифа, также встречающаяся в других текстах, затрагивает вопросы значимости и сакральности царской власти в Аккаде.

Дошедший до нас в неполном варианте миф начинается с заявления о том, что Зу украл «таблицы судьбы», которые являются символом царской власти. В мифе о творении мы уже видели, что Мардук силой отнял у Кингу «таблицы судьбы» и тем самым установил свое верховенство над богами. Зу украл их у Эгглиля, когда тот купался, и улетел вместе с ними на свою гору. На небесах воцарилось отчаяние, и боги собрались на совет, чтобы решить, кому поручить найти Зу и отнять у него «таблицы судьбы». Вся сцена очень напоминает аналогичный сюжет из мифа о творении. Выполнить эту почетную задачу предлагают разным богам, но все они отказываются, и в конечном итоге жребий падает на Лугалбанду, отца Гильгамеша. Именно он взялся убить Зу и вернуть богам «таблицы судьбы». В гимне Ашшурбанипала мы встречаем имя Мардука, который «проломил череп Зу».

В одном из текстов, комментирующих ритуал, упоминается, что соревнования бегунов были составной частью вавилонского праздника Нового года. Они символизировали победу Нинурты над Зу. В ритуале создания священного барабана «лилиссу», переведенном Тюрро-Данженом в его «Аккадских ритуалах», упоминается о принесении в жертву черного быка. Перед тем как убить черного быка, священник шепчет магические заклинания в каждое ухо быка. При этом в правое ухо к жертвенному животному обращаются как к «Великому быку, который топчет священную траву», а в левое – как к «отродью Зу». Следовательно, этот любопытный миф играл важную роль в обрядовых традициях Вавилона.

Прежде чем мы оставим аккадские мифы, следует упомянуть еще об одном коротком, но очень интересном мифе. Он может служить примером того, как миф может быть использован в заклинаниях-оберегах и при изгнании злых духов. Так часто использовали миф о Таммузе, а в приведенном ниже примере использован миф о творении.

Червь и зубная боль

Вавилоняне верили, что различные болезни, которыми страдали жители Дельты, были вызваны нападением злых духов либо кознями волшебников или ведьм. Поэтому применение лекарств сопровождалось чтением заклинаний. В заключительных строках этого стиха говорится, что его следует повторить три раза над больным после того, как ему дадут лекарство или совершат какие-то процедуры.

Когда Ану сотворил небеса,
А небеса создали землю,
Земля родила реки,
А реки создали канал.
Потом появились болота,
Те – где живет червь.
К Шамашу пришел он плача,
И слезы лились перед Эа:
«Что же мне есть, скажи мне?
А еще скажи, что мне пить?»
Я дам тебе спелый финик,
А еще – я дам абрикос.
Зачем они нужны мне,
И абрикос и финик.

Подними меня и позволь
Жить среди зубов и смолы.
Кровь из зуба я буду пить,
А о смолу я буду точить их корни.
Возьми булавку и закрепи ее.
Ведь ты сам хотел так, червь,
И пусть рука твоя будет
Такой, как у Эа.

(Из наставления зубному врачу)

Глава 2

Египетская мифология

Хотя между египетской и шумеро-аккадской мифологией есть явное сходство, различия между ними все же очевиднее. Существует определенное сходство между природными условиями, в которых две цивилизации создавали свою мифологию. Оба государства лежали в долинах рек, и характер реки во многом определял образ жизни населения в них. Близость к пустыне также наложила свой отпечаток на мифологию обеих стран.

Но конфигурация и поведение великой египетской реки радикально отличают ее от системы Тигра и Евфрата. Нил делит Египет на две части: равнину и Дельту. От первого порога и до Мемфиса (нынешний Каир) Нил течет пятьсот миль между крутыми скалами Ливийского плато, даря воду узкой полоске наносной почвы шириной от шести до двенадцати миль. К северу от Мемфиса пейзаж резко меняется. Скалы расступаются, и долина простирается подобно огромному вееру – шестьдесят миль в ширину и четыреста миль в длину, – через который Нил стремится навстречу Средиземноморью. Французский ученый Морэ говорит: «Сама природа создала два Египта – средиземноморский и африканский». Разница между этими «двумя землями», как называли их египтяне, достаточно велика, чтобы оказать существенное воздействие на мифологическую и человеческую историю страны. Когда мы будем описывать мифологию Египта, мы увидим, насколько сильно это разделение на Верхний и Нижний Египет, и силы, которые их объединили в одну монархию, сказались практически на всех аспектах верований и обрядов Египта. Жизненная необходимость централизованного контроля над разливами Нила привела в Египте к созданию объединенного царства задолго до того, как шумерские и аккадские города-государства создали некое подобие союза при первой династии Амореев.

Поэтому в Египте царская власть приобрела совершенно другую форму, нежели в городах-государствах Шумера и Аккада. Шумеры верили, что «царство даровано небом» (как мы видим это из мифа об Этане). Шумерские, а позднее вавилонские и ассирийские цари объявляли себя избранными и назначенными богами. Они действовали как представители богов во время совершения ритуалов, а в некоторых случаях они обожествлялись после смерти. В Египте царь не был представителем богов, он сам был богом. При жизни он был Гором, а после смерти – Осирисом, повелителем мертвых. Поэтому многие египетские мифы связаны с царской властью и циклом Гора-Осириса. С культом Осириса и порожденными им мифами было связано особое отношение египтян к смерти и загробной жизни, что привело к возникновению уникальной практики мумификации усопших и сопутствующих ей мифов и ритуалов.

Параллельно с культом Осириса (а может, и задолго до него) существовал культ бога солнца Ра, вокруг которого возник еще один цикл мифов. Со временем эти два культа тесно переплелись, в результате чего мифы об Осирисе и Ра оказались тесно взаимосвязаны.

Третьим основополагающим элементом египетской религии был Нил, влияние которого на все стороны жизни египтян было грандиозным. Реке поклонялись как богу, а в египетских ритуалах и мифологии Нил занимал такое место, с которым не могут сравниться реки Шумера и Аккада. Чрезвычайная подвижность и изменчивость египетской религии затрудняют попытки создать четкую картину египетской мифологии. Поэтому, чтобы упорядочить наше исследование, мы сгруппируем все египетские мифы в три группы: мифы об Осирисе, мифы о Ра и мифы, посвященные Нилу.

Мифы об Осирисе

В основе сложной системы ритуалов и мифов, центральной фигурой которых является Осирис, лежат три основные темы. Первая тема – политическая. Миф о конфликте между Осирисом и его братом Сетом отражает борьбу, в результате которой Нижний и Верхний Египет объединились в одно царство.

Вторая тема – сельское хозяйство. Осирис – бог растительного мира. Подобно Таммузу, он умирает вместе с увяданием природы и возрождается с ее пробуждением весной.

Третьей темой является эсхатологический элемент. Осирис – правитель подземного царства. Он председательствует на суде, который определяет судьбу душ умерших, и в этом смысле он неразрывно связан со сложным обрядом мумификации.

Основной сюжет мифа об Осирисе содержится в трактате Плутарха «Об Исиде». Принято считать, что Плутарх использовал ранние египетские источники, такие, как «Тексты пирамид». Согласно версии Плутарха, Осирис был героем, который научил египтян искусству обработки металла, земли и многим другим вещам. Осирис был сыном Геба, бога земли. Его сестрой (и одновременно женой) была богиня Исида, которая вместе с ним правила Египтом и помогала в его деятельности на благо людей. На двадцать восьмом году своего правления Осирис был убит богом Тифоном (так Плутарх называет бога Сета). На празднике Сет вместе с другими заговорщиками уговорил Осириса на спор дать запереть себя в сундуке. Этот сундук был брошен в Нил. Он поплыл вниз по течению прямо в Средиземное море и был принесен волнами в Библос. Поэтому «Тексты пирамид» называют его «утопленником».

Исида бросилась на поиски мужа, нашла в Библосе сундук и принесла тело Осириса в гробу в Буто. Как пишет Плутарх, когда сундук с телом Осириса приплыл в Библос, вокруг него выросло прекрасное дерево и закрыло его от посторонних глаз. Царь Библоса пришел в восхищение от размера и красоты дерева, приказал срубить его и сделать из него колонну для своего дворца. Исида догадалась, что находится внутри этой колонны, и упростила царя подарить ее. Далее миф рассказывает о том, как Сет нашел сундук с телом Осириса, разрубил тело на мелкие кусочки и разбросал их по всему Египту. Исида нашла его разбросанные повсюду останки, за исключением детородного члена, который был съеден рыбой. Она соединила части тела Осириса, с помощью своей сестры, богини Нефтиды, совершила над телом магическую церемонию и вернула его к жизни. Однако воскресший Осирис не остался на земле, а стал царем «Западной страны», места, где обитают души умерших. Следующая часть мифа посвящена тому, как сын Осириса Гор отомстил за своего отца. Исида зачала Гору от умершего мужа при помощи волшебства. Молодой Гор, которого в искусстве Египта чаще всего изображают ребенком, сидящим на бутоне лотоса, посвятил всего себя мести за отца и утверждению законности своих прав.

В «Текстах пирамид» мы встречаем пространные описания, посвященные борьбе Гора и его сторонников с Сетом и его помощниками. В этой битве Гор потерял глаз, что является астральным элементом мифа, символизирующим лунное затмение. Далее описывается победа Гора над Сетом:

«О Осирис, вот идет Гор, и он обнимает тебя. Он заставит Тота повернуть вспять помощников Сета, и он привел их к тебе в оковах. Он заставил сердце Сета дрогнуть, потому что твое искусство выше, чем его, ты был рожден раньше него, и добродетель твоя

превосходит его. Геб увидел твои достоинства и поместил тебя на законное место. Гор заставил богов объединиться с тобой и стать твоими друзьями. Он заставил богов отомстить за тебя. Геб водрузил свою сандалию на голову твоего врага, который обитает далеко от тебя. Твой сын Гор нанес по нему удар, он отнял у него глаз и отдал его тебе; твоя душа вся внутри; и сила твоя внутри. Гор заставил тебя схватить твоих врагов, чтобы они не могли убежать от тебя. Гор схватил Сета и поместил его ниже тебя, чтобы он мог слышать тебя и трепетать перед тобой.

О Осирис, Гор отомстил за тебя!»

Еще один отрывок того же мифа описывает, как Осирис предстал перед судом богов, где председательствовал Геб, и как Гор был объявлен его законным наследником, которому власть над Верхним и Нижним Египтом дарована богами. Такова в общих чертах сюжетная линия мифа о Горе-Осирисе. Он нигде не представлен в виде целостного повествования, подобно аккадскому мифу о творении. Его приходится собирать по крупицам из разных источников. Миф отражает остроту борьбы за первенство между Верхним и Нижним Египтом, которая завершилась объединением двух земель в одно царство. Первоначальное деление на два государства сохранилось в своде законов Египта и нашло свое символическое отражение в том, что фараоны по торжественным случаям надевали «двойную» корону, состоявшую из красной и белой частей. Эти цвета были символами Верхнего и Нижнего Египта. Этиологический аспект мифа объясняет традиционный для царских династий обычай заключать браки между братьями и сестрами, который сохранился в Египте вплоть до эпохи Птолемеев и окончания монархического правления. Следует также отметить, что многие элементы мифа нашли свое отражение в ритуалах. Воскрешение Осириса воплощалось в церемонии выращивания дерева. Также в месяц Афир женщины делали глиняные фигурки Осириса и бросали их в Нил, символизируя тем самым тонущего в реке Осириса.

Мифы о боге солнца Ра

В Египте культ бога солнца играл гораздо большую роль, чем в ритуалах и мифологии Шумера и Аккада. Шамаш был гарантом справедливости, однако он никогда не был одним из великой триады богов. Он никак не был связан с мифом о творении. В Египте Ра, согласно традиции, был первым царем и как Атум он был творцом мира. Гелиополь был центром культа Ра, и, вероятно, именно там в период Древнего царства началось сращивание культа Осириса с культом бога солнца. С этого момента в истории Египта на карту-шах, где традиционно записывались официальные титулы фараонов, было зафиксировано тронное имя царя, указывающее, что он является сыном бога Ра. Гор-сокол, который на статуе фараона Хафре защищает его голову, свидетельствует о том, что Гор полностью идентифицировался с Ра, собственно, как и сама царская власть. Мы также видим, что мифы о Горе-Осирисе, прочно связанные с культом Ра, определяют порядок восшествия на престол и коронации фараона. Смерть Тутмоса III и восшествие на престол Аменхотепа II описаны следующим образом:

Царь Тутмос III поднялся на небо
И соединился с солнечным диском,
Тело царя соединилось с создателем.
Когда утром вошла заря,
Солнца диск появился на небе;
И оно озарилось светом чудесным,
А Аменхотеп II сменил своего отца.

Мы уже видели, что умерший царь стал Осирисом, и только что приведенный отрывок

показывает, что он также воссоединился с Ра. Очевидно, что мифы о Ра и Осирисе оказались теснейшим образом переплетены. Однако все же в мифах о боге солнца есть некоторые элементы, отсутствующие в мифе об Осирисе.

Мифы о творении

Благодаря изменчивости египетской религии (о чем мы уже упоминали) миф о творении имеет много форм и вариантов. Но в любом из них затрагивается тема того, как солнце воздействует на ил, оставленный отступающими водами Нила. Хотя в египетской мифологии также существует миф о победе над драконом, он никак не связан с идеей творения мира, как, например, в аккадском мифе о творении. Самая ранняя форма этого мифа, впоследствии несколько видоизмененная теологами Гелиополя и Мемфиса, знакомит нас с богом солнца Атумом-Ра, сидящим на древнейшей горе и творящим «богов, которые будут похожи на него». Однако, как гласит миф, сам Атум возникает из Нуна, океана-прародителя. В варианте мифа, который существовал в Гермополе (Средний Египет), появление Атума приписывается деятельности гермопольской огдоады – восьми изначальных богов. Они были созданы в виде животных – четырех змей и четырех лягушек, символизирующих доисторический хаос. Их звали Нун и его супруга Наунет, Кук и Каукет, Хух и Хаухет и, наконец, Амон и Амаунет. Атум, возникающий из воды, приводит эти элементы хаоса в порядок, так что в текстах они уже появляются как боги, действующие каждый на своем месте. В ранней форме мифа, если судить по «Текстам пирамид», Атум оплодотворяет себя и производит на свет Шу и Тефнут, воздух и влагу. Из союза этой пары родились Геб и Нут, бог земли и богиня неба. Здесь гелиопольская теология вводит персонажей из группы Осириса: Геб и Нут дают жизнь Осирису и Исиде, которые стали существовать бок о бок с Сетом и Нефтидой, завершив таким образом создание эннеады (девятки богов) Гелиополя.

Другой вариант мифа возник из желания Мемфиса заявить о своей важности как новой столицы первой династии египетских царей. Птах был местным богом Мемфиса, и «Мемфисская теология», как обычно называют документ, в котором содержится этот вариант мифа, трансформировала гелиопольскую эннеаду, отдав Птаху приоритет в сотворении мира. Птах сравнивается с Нуном, доисторическим океаном. Именно Птах своим божественным словом создал Атума и всех остальных богов гелиопольской эннеады. Основную мысль «Мемфисской теологии» может выразить следующий отрывок из этого текста:

Птах, сидящий на Великом троне,
Птах – Нун, тот, кто зачал Атума;
Птах – Наунет, родившая Атума;
Великий Птах – душа и язык эннеады,
Великий Птах, создавший всех богов.

Египтяне мыслили предельно конкретными образами, и в их понимании сердце и язык символизировали мысль и речь, которые являются прерогативой создателя и обожествляются как Гор и Тот. Через мысль и речь Птах создает богов, сотворяет из хаоса порядок. Подобно Мардуку он определяет судьбы, дает пищу людям, делит Египет на города и провинции, определяет «сферы влияния богов». Это описание созидательной деятельности Птаха завершается следующими словами: «И так отдыхал Птах (или был доволен), после того, как он создал все». Эта фраза не может не напомнить завершающие слова в божественном описании сотворения мира. Идентификация Птаха с Атумом-Ра образует связь между гелиопольским мифом о Ра как создателе мира и «Мемфисской теологией», которая берет этот миф за основание для своей сложной космологической философии. Интересно отметить, что создание человека не занимает отдельного места в египетской

мифологии. Мы знаем о том, что Хнум делал людей на гончарном круге: в египетской мифологии есть множество ссылок на созидательную деятельность бога Хнума. Но все же связь между богами и человеком здесь не настолько отчетлива, как в семитской религии, поэтому и тема сотворения человека занимает относительно небольшое место в египетской мифологии.

Старость Ра

Хотя разливы Нила временами могли представлять опасность, в египетской истории не было столь разрушительных и страшных наводнений, как те, что были вызваны разливами Тигра и Евфрата. Поэтому в египетской мифологии нет темы потопа, уничтожившего человечество. Однако у египтян есть миф об уничтожении человечества, связанный с Ра. Согласно ему, Ра постарел и почувствовал, что его власть над богами и людьми ослабела. Он собрал всех богов и сказал им, что люди организуют против него заговор. Он попросил совета у Нун, старшего из богов, и тот посоветовал послать на людей глаз Ра в обличье богини Хатор. Хатор начала настоящую бойню и пролила реки крови. Но Ра не желал полностью уничтожить человечество: он придумал сделать семь тысяч кувшинов ячменного пива, окрашенного красной охрой, чтобы по виду оно напоминало кровь. Напиток вылили на землю. Когда богиня увидела эту гладь, сверкавшую в лучах рассвета, в которой отражалась ее красота, она испила этой жидкости, опьянела и забыла о своем гневе на людей. Так человечество было спасено от полного истребления. Текст, в котором до нас дошел этот миф, судя по всему, использовался как магическое заклинание, чтобы защитить тело умершего царя. Возможно, в нем также имеется этнологический элемент, объясняющий происхождение ячменного пива.

Убиение Апопа

Во многих мифах имеются ссылки на победу над злейшим врагом Ра, змеем Апопом. В одном из текстов победителем назван Сет, точно так же, как в аккадском мифе Мардук является орудием в руках богов в их борьбе с драконом Тиамат.

В другом мифе боги, которым Ра дал жизнь, используют свои волшебные чары, чтобы уничтожить Апопа. Эта деятельность богов описывается так: «Когда заговорили боги, которые обладали магической силой, это был сам дух (Ка) магии, и они повелели уничтожить моих врагов силой своего магического слова. Я выслал вперед тех, кто появился из моего тела, чтобы они поразили моего злейшего врага (т. е. Апопа)». Затем следует описание того, как был побежден змей. В другом тексте, содержащем проклятия в адрес врагов фараона, говорится: «Они [враги царя] будут подобны змею Апопу в новогоднее утро», – змей символизирует темноту, которую солнце побеждает каждое утро, когда оно начинает путешествие по небу, а особенно в новогоднее утро. Здесь мы прослеживаем очень интересную параллель с победой Мардука над драконом Тиамат в вавилонском празднике Нового года.

Тайное имя Ра

Еще один интересный миф, связанный с солнцем, касается магической силы имени бога. Согласно ему, Исида решила узнать тайное имя Ра, чтобы использовать его в своих заклинаниях. Для этого она создала змею и положила ее на тропинку, по которой Ра выходил из своего дворца. Когда Ра вышел из дворца, змея укусила его, и Ра ощутил жгучую боль. Он собрал совет богов, которые пришли к нему утром, и среди них была и Исида со своими магическими заклинаниями. Ра рассказал им о случившемся и попросил Исиду облегчить его страдания. Исида сказала, что для этого ей надо знать его имя – иначе ее заклинания окажутся неэффективными. Ра сказал ей, что утром его зовут Хепри, днем – Ра, а вечером

Атум. Однако Исида сказала, что ни одно из них не является его тайным именем власти, а поэтому боли его остались такими же сильными. Наконец, он раскрыл ей свое тайное имя при условии, что это имя не узнает ни один из богов, кроме Гора. Тогда Исида, используя тайное имя власти Ра, произнесла заклинание, которое нейтрализовало действие яда змеи. Текст заканчивается разъяснениями по применению этого заклинания против укуса змеи.

Египетских мифов, связанных с Ра, слишком много, чтобы их можно было здесь рассмотреть во всех деталях, но еще один мифологический сюжет заслуживает нашего внимания.

Тот, замещающий Ра

Согласно этому мифу, Ра приказывает Тоту предстать перед ним. Когда Тот появляется, Ра велит ему замещать его в подземном царстве, когда Ра будет сиять на небесах. Ра говорит: «Видишь, вот я на небе на положенном мне месте. Чтобы свет был и в подземном царстве, и на острове Баба, ты будешь следить там за порядком и за всеми, кто может задумать восстать против меня, а также за последователями этого ненастного существа (возможно, это намек на Апопа). Ты будешь там на моем месте, будешь моим заместителем там. И звать тебя будут Тот, замещающий Ра».

Это явно этиологический миф, который объясняет, почему ночью светит луна. Темнота – обиталище врагов Ра, а также всех демонов низшего мира. В мифе Тот предстает богом луны и одновременно заместителем Ра. В додинастический период Тот был богом в обличье птицы ибис, и этот же миф объясняет, почему ибис стал символом Тота.

Мифы, посвященные Нилу

Естественно, Нил занимает важное место в мифологии Египта. Мы уже знаем, что в Египте философская мысль была одновременно консервативной и восприимчивой. Египтяне никогда ни от чего не отказывались, но синтезировали ранние и приходившие им на смену системы, как мы уже видели в случае мифов об Осирисе и Ра.

Теперь нам предстоит убедиться, что мифы о Ниле тесно вплетены в погребальные ритуалы и мифы как об Осирисе, так и о Ра.

Реку обожествляли и поклонялись ей как богу под именем Хапи. В музее Ватикана стоит знаменитая статуя бога Нила: он держит колосья пшеницы и рог изобилия и его окружают шестнадцать детей, каждый ростом с локоть. Статуя символизирует, что если уровень воды в Ниле упадет ниже шестнадцати локтей, то в стране наступит голод. На одной из могил в Абидосе мы видим изображение двух Ниллов, несущих папирус, лотос, а также еду и напитки. Миф о двух Нилах включен в знаменитый гимн Атону (или солнечному диску). В нем объявляется, что Атон создает Нил в Нижнем мире и выводит его на поверхность земли, чтобы поддержать жителей Египта. Он также создает божественный Нил, чтобы дать воду людям в других странах. Однако наиболее важным и значимым аспектом мифологии, посвященной Нилу, является то, что он связан с мифом об Осирисе. В гимне Осирису Рамзес IV говорит: «Ты велик, о Нил; твои воды дают жизнь богам и людям». Мы уже видели, что одним из элементов мифа об Осирисе является рассказ о том, как он утонул и был найден Исидой. Плутарх говорит, что в месяц Атур священнослужители шли ночью к реке и наполняли золотой корабль сладкой водой. После этого прислуживающие во время ритуала кричали: «Осирис найден!» Этот миф играет важную роль в сезонных ритуалах Египта. Пики ежегодного подъема и снижения уровня воды в Ниле были мифологизированы и воплощены в истории о смерти Осириса, его обнаружения Исидой и Нефтидой. Каждый элемент мифа нашел свое выражение в ритуалах, сценой действия которых был Нил. Нельзя также забывать, что все мифы и ритуалы, связанные с Осирисом-Нилом, были также неразрывно связаны с функциями царской власти в Египте.

Представленный здесь материал – лишь небольшая часть из обширного и затейливо сплетенного наследия египетской мифологии.

Глава 3

Угаритская мифология

От мифологии двух великих цивилизаций Вавилона и Египта теперь мы перейдем к Ханаану, населенному исключительно представителями семитской языковой группы. До первой четверти XIX века о мифологии Ханаана было мало что известно. Исключение составляли фрагменты записей, сохранившиеся в работах древнегреческих историков. Однако после того, как в 1928 году были обнаружены таблички Рас Шамры на месте раскопок одного из древнейших городов Сирии Угарита, упоминавшиеся в египетских, вавилонских и хеттских записях, эта ранее непознанная территория приоткрыла свои тайны. Среди большого количества табличек, найденных в Рас Шамре (Угарите), было несколько таблиц, написанных клинописью. Однако вид этой клинописи был неизвестен даже знатокам. Немногочисленность использованных значков наводила на мысль о том, что тексты составлены при помощи алфавита, и вскоре эта догадка подтвердилась. Алфавит состоял из двадцати восьми букв никому доселе не известного языка. Этот язык, теперь известный как угаритский, судя по всему, принадлежал к семитской группе языков и был близок к арабскому, арамейскому и древнееврейскому языкам. Упоминание некоторых событий в этих текстах дало возможность установить, что они были написаны в XIV веке до н. э., но нет никакого сомнения в том, что ханаанские мифы и легенды, которые записаны на этих табличках, имеют гораздо более раннее происхождение. Многие из табличек сломаны, текст часто неразборчив, поэтому в нем остается много неясных моментов. Тем не менее основные сюжетные линии мифов определены с большой степенью достоверности, и поэтому представляется возможным дать их пересказ.

Ханаанские мифы и легенды можно условно разделить на три группы. Самая большая группа рассказывает о приключениях и подвигах бога Баала и его отношениях с другими богами. Следует отметить, что имена многих из этих богов и богинь знакомы нам по Ветхому Завету, а элементы угаритской мифологии явно прослеживаются в еврейской поэзии.

Вторая группа состоит из легенды о Керете, царе Хубура. Возможно, у нее есть историческая основа, как мы это уже видели в случае с «Эпосом о Гильгамеше». Однако в нем трудно отделить мифологический элемент от исторического, и вряд ли мы должны забывать об этом, говоря о ханаанской мифологии.

Третья группа состоит из сказки или легенды об Акхате, сыне Данэла, еще одного легендарного ханаанского царя. Эта легенда, как и предыдущая, содержит в себе столько мифологического материала, что она, безусловно, должна быть включена в наш обзор.

Мифы о Баале

Семь табличек с мифом или мифами о Баале находятся в столь плачевном состоянии, что просто невозможно определить изначальный порядок этих табличек или выяснить, представляли ли собой отдельные эпизоды, зафиксированные на них, единое целое, как то было в вавилонском мифе о творении. Более того, поскольку тексты записаны без гласных, а язык, хотя и явно относящийся к семитской группе, труден для понимания, очень многое так и остается нерасшифрованным. До сих пор ученые расходятся во мнении и в отношении перевода, и в отношении толкования угаритских текстов. Сравнение более ранних переводов, сделанных Вироло, и более поздних, сделанных Гинсбергом, Гастером, Гордоном и Драйвером, показывает, с одной стороны, насколько вообще могут отличаться переводы, а с другой стороны, что все-таки в этих переводах есть очень много общего. Выбранные здесь

эпизоды иллюстрируют характер мифа о Баале. Именно относительно этих эпизодов у ученых нет серьезных разногласий.

Миф о Баале и водах

В этом эпизоде мы встречаемся со следующими персонажами: высший бог Эл (Илу) по прозвищу Бык Эл, отец всех богов, живущий в доме у устья всех рек; его сын Баал, бог плодородия, которого часто называли «всадником облаков» и которого как бога молнии и грома часто называли Хадад; бог морей и рек Йам-Нахар: между ним и Баалом идет постоянная борьба. Йам-Нахар – любимец Эла, в то время как Баал восстал против своего отца. Другими персонажами мифа являются бог ремесленников Котари-Хасис, который появляется в нескольких мифах о Баале; богиня солнца Шапаш (угаритский вариант аккадского Шамаша), которую часто называют «светоч богов»; Асират (Ашера), жена Эла и мать всех богов, а также владычица моря, которая готовит трон Баала для своего любимого сына Астара, и Анат, сестра Баала, которая играет важную роль во многих мифах о нем.

В мифе, который мы сейчас описываем, Йам-Нахар посылает своих гонцов на совет богов, чтобы они потребовали доставить к нему Баала. Боги в страхе склоняют голову в знак согласия, и Эл обещает, что Баал будет передан Йам-Нахару. После этого Баал обвиняет богов в трусости и нападает на посланцев, но его останавливают Анат и Асират. После этого Котари-Хасис дает Баалу два магических орудия – «йагруш» и «аймур». Баал атакует Йам-Нахара и ударяет его в грудь йагрушем, но Йам-Нахар еще не побежден; затем он бьет его по лбу аймуром, и тот падает на землю. Баал предлагает убить Йам-Нахара, но Асират останавливает его. Она напоминает, что Йам-Нахар теперь их пленник. Баалу становится стыдно, и он щадит поверженного врага. В этом мифе Йам-Нахар в своем высокомерии символизирует враждебное начало моря и рек, которые грозят затопить и уничтожить землю. В это же время Баал воплощает в себе живительное начало воды в виде дождя. Баал ездит по небу на облаках, посылает на землю гром и молнию, чтобы показать свою силу и власть, но он же посылает на землю живительную влагу в сезон дождей, делая землю плодородной. Когда мы будем рассматривать еврейскую мифологию, мы увидим, что часть мифа о Баале была перенесена в миф о Яхве, когда евреи заселили страну Ханаан. В другом варианте мифа торжество Баала над силами хаоса и беспорядка выражено в его победе над семиглавым драконом Лотаном (у евреев – Левиафан), где, судя по всему, есть свидетельство влияния ханаанской мифологии на аккадский миф о победе Мардука над драконом Тиамат.

Анат убивает врагов Баала

Этот эпизод связан с мифом о победе Баала над Йам-Нахаром и имеет параллели в египетской мифологии – миф об уничтожении человечества богиней Хатор. Сестра Баала, богиня Анат, приказывает устроить грандиозный пир в честь победы Баала над Йам-Нахаром. Пир проходит во дворце Баала на горе Цафон, горе богов на «стороне севера». Это место часто упоминается в еврейской поэзии как обиталище богов. Украсив себя румянами и хной, Анат закрывает двери дворца и начинает убивать врагов Баала. Она навешивает на себя головы и руки убитых и ходит по колена в их крови. Эта деталь также встречается в описании уничтожения Хатор врагов Ра.

Строительство дома для Баала

Следует вспомнить, что после победы Мардука над Тиамат в мифе о творении дается описание строительства богами храма Эсагила в честь Мардука. Точно так же после победы над Йам-Нахаром Баал жалуется, что у него нет такого дома, как у других богов. Он и его сестра Анат просят владычицу моря Асират, чтобы она поговорила с Элом и испросила разрешение на строительство дома для Баала. Асират седлает своего осла и едет на север на

гору Цафон, к жилищу Эла. Она говорит Элу приятные слова и получает от него разрешение на строительство дома для Баала. Здесь в тексте есть небольшой разрыв, но, судя по всему, хотя у Баала уже есть дом из дерева и кирпича, он не считает это жилище достойным того положения среди богов, на которое он претендует. Анат спешит сообщить брату, что Эл разрешил ему построить дом, и объявляет, что дом этот должен быть из золота, серебра и ляпис-лазури.

Они отправляют посланников к богу-мастеровому Котару, который приходит; его встречают с почетом и устраивают пир в его честь. Между Баалом и Котаром вспыхивает спор о том, должен ли этот дом иметь окна или нет. Котар говорит, что у дома должны быть окна, но Баал не согласен, так как считает, что через них за ним сможет подглядывать Йам-Нахар. Котар сумел отстоять свою точку зрения, и дом был украшен окном, через которое Баал может посылать гром, молнию и дождь. Завершение строительства отмечается великим пиром, куда Баал приглашает всех своих родственников и детей Асират. На пиру Баал объявляет о своем верховенстве над богами и говорит, что он не будет посылать дань новому любимцу Эла Моту, богу бесплодия и преисподней. Таким образом, в мифе возникает новый персонаж, и следующие эпизоды связаны с борьбой между Баалом и Мотом. Ответив на вызов вод, воплощенных в фигуре Йам-Нахара, Баал теперь должен защитить плодородные земли от наступления бесплодной степи, воплощенной в образе Мота. Вероятно, существует связь между именем Мот и еврейским словом, означающим «смерть». Было высказано предположение, что в Ветхом Завете есть некая ссылка на Мота; вместо общепринятой версии последних строк псалма 48: «И он будет поводом нашим, даже если поведет нас к смерти», некоторые ученые приводят другой вариант: «Он поведет нас против Мота».

Баал и Мот

Таблички, на которых записан миф о противостоянии Баала и Мота, находятся в очень плохом состоянии. Дальнейшие исследования и находки новых материалов помогут заполнить белые пятна. То, что приведено здесь, основывается на варианте, с которым согласны большинство экспертов по угаритской мифологии.

Видимо, Баал направил своих посланников Гапна и Угара к Моту, чтобы они передали отказ платить дань. Они возвращаются с угрожающим посланием от Мота, которое приводит Баала в ужас, и он униженно отвечает ему: «Будь милостив, божественный Мот; я твой верный раб, связанный с тобой навсегда». Мот радуется и объявляет, что Баал подчинен навсегда. Затем рассказывается, что посланники прибывают в дом Эла и говорят, что Баал найден мертвым, но не ясно, что стало причиной его смерти. Из последующего можно понять, что Баал, подобно Таммузу, оказывается в подземном царстве. Услышав эту новость, Эл сходит со своего трона и садится на землю, посыпает голову пеплом, надевает на себя мешковину и бьет себя камнями по щекам. Он оплакивает смерть Баала. Анат бродит в поисках брата, а обнаружив его тело с помощью Шапаш, несет на Цафон, хоронит и устраивает погребальный пир. Предполагается, что Баал отсутствует на земле семь лет, и это были годы голода и засухи. Затем Анат захватывает Мота, мечом рубит его, сжигает на костре, перемалывает на ручной мельнице и зарывает в землю – все эти действия символизируют процесс обработки зерна.

Затем мы узнаем, что Элу снится сон, что Баал жив. Он смеется от радости, возвышает свой голос и объявляет, что Баал жив. Он объявляет об этом девице Анат и Шапаш. Но хотя предполагается, что Баал жив, никто не знает, где он, и раздается возглас: «Где же Баал? Где господин, хозяин земли?» Во время отсутствия Баала возникает вопрос о его преемнике, и Асират предлагает своего сына Астара в качестве претендента на трон. Астар восходит на трон, но видит, что его ноги не достают до пола, когда он сидит на нем, а голова не касается вершины трона. Поэтому он сходит с трона и объявляет, что не может править на вершине Цафона.

Затем следует описание запустения земли из-за отсутствия Баала, и Шапаш, «светоч богов», отправляется на поиски пропавшего. Заключительная часть этого, можно сказать, «эпоса о Баале и Моте» рассказывает, как Баал вновь воцаряется на Цафоне и возобновляет свой конфликт с Мотом, который, по-видимому, вернулся к жизни. Между ними завязывается отчаянная борьба, два бога бросаются друг на друга, как разъяренные быки, пинают друг друга, как жеребцы. Шапаш встает между противниками, и наступает нечто вроде перемирия: Баал снова воцаряется на троне и щедро награждает своих сторонников. В конце поэмы указаны имя писца, а также имя угаритского царя Никмада, в чье правление она была записана. Это дает нам возможность датировать поэму эпохой Амарна, то есть примерно серединой XIV века до н. э. Однако мифологический материал, лежащий в основе поэмы, значительно древнее. Угарит находился в сфере влияния и ассирийцев, и египтян, и эти мифы с севера Ханаана несут в себе явные черты как аккадской, так и египетской мифологии.

Есть еще два мифа, связанные с Баалом, которые не являются частью «Эпоса о Баале», но их нельзя не рассмотреть в нашем обзоре.

Миф о Хададе

Табличка с текстом этого мифа сильно повреждена, и поэтому текст трудно разобрать. Более того, не вполне ясно, был ли на этой табличке записан весь миф целиком. Однако те части мифа, которые удалось расшифровать, дают нам дополнительную информацию о цикле мифов о Баале. Хадад – еще одно имя Баала. Оно часто упоминается в Ветхом Завете, например в именах сирийских царей – Бен-Хадад, Хадад-Эзер. В этом мифе служанки богини Асират, владычицы моря, и Йариха, бога луны, отправляются к Элу с просьбой о помощи против атак ужасных существ, посланных Баалом, которые пожирают их, словно червей. Эл велит им идти в дикие заросли и, укрывшись там, дать жизнь диким зверям с рогами и горбами, как у буйволов. Баал-Хадад видит их и бросается за ними в погоню. Они делают все, что им велено, и Баала охватывает желание поохотиться на существ, которым они дали жизнь. Однако погоня за ними оборачивается для бога бедой: чудовища берут его в плен, и он исчезает на семь лет. Во время его отсутствия на земле воцарился хаос.

Его родственники идут на поиски и, к своей радости, находят его. Совершенно очевидно, что это – еще один вариант мифа о смерти Баала и поисках Анат. Он также в какой-то мере повторяет сюжет шумеро-аккадского мифа о сошествии Таммуза в подземный мир и освобождении его Иштар.

Анат и буйвол

Этот фрагмент представляет интерес, поскольку он доказывает, что зоофилия, практика, которая каралась смертью у евреев, в Ханаане была разрешена и имела сакральное значение. Миф рассказывает о том, как Анат расспрашивает всех, где можно найти Баала, и ей говорят, что он охотится. Она следует за Баалом, и при виде сестры его охватывает страстная любовь к ней. Обратившись в буйвола, он вступает с ней в связь. Этот фрагмент заканчивается тем, что Анат заявляет Баалу, «что дикий буйвол рожден от Баала, буйвол рожден от всадника облаков». Баал вне себя от радости. Миф также отражает практику установления брачных отношений между братьями и сестрами, которая у фараонов Египта была скорее правилом, чем исключением. Возможно, что греческий миф о Зевсе и Ио также уходит своими корнями в этот ханаанский миф.

Легенда о Керете

Эта любопытная история записана на трех табличках, две из которых прекрасно

сохранились, а третья находится в весьма плачевном состоянии. В тексте есть пробелы, и возможно, что некоторые таблички просто потеряны. Однако большинство ученых сходятся во мнении о сюжете этого мифа, хотя толкуют его абсолютно по-разному. Некоторые считают, что миф основан на определенных исторических фактах, в то время как другие видят в нем культовую легенду с сильно выраженным мифическим началом. Есть предположение, что поэма была написана, чтобы прославить угаритского царя Никмада, приписав ему божественного предка Керета, царя Хубура, который и является героем этой поэмы. Мифологический элемент здесь достаточно очевиден, чтобы оправдать включение этого произведения в обзор ханаанской мифологии.

Согласно этой легенде или этому мифу, Керет, царь Хубура, потерял жену, детей и дворец. Когда он оплакивал свою несчастную судьбу, ему во сне явился Эл и приказал снять траур, вымыться, умастить себя маслами и благовониями и подняться на высокую башню, где он должен принести жертву Элу. Затем он должен организовать поход на город Удом, который некоторые ученые идентифицируют с библейским и историческим Эдомом. Царь Удома Пабил хочет откупиться от него и предлагает ему все свое богатство, но Керет отказывается от даров и требует в жены дочь Пабила Хурию. Керет выполняет все требования Эла, и на пути к Удому он клянется Асират из Сидона отдать ей огромное количество золота и серебра, если она поможет ему. Керету удается заставить Пабила отдать дочь. Он празднует свадьбу с грандиозным размахом. На пиру присутствуют все боги Угарита, Эл благословляет Керета и обещает, что у него будет семь сыновей и дочь. Один из них будет вскормлен богинями Асират и Анат и сменит Керета на троне. Эти обещания сбываются, но Керет нарушает клятву, данную Асират, – и его постигают несчастья. Судя по всему, они вызваны гневом Асират. Керет заболевает и, видимо, находится на пороге смерти. Один из его сыновей, Элху, в отчаянии; он всю жизнь верил, что его отец – божественного происхождения и поэтому бессмертен. В мифе также говорится, что в результате болезни царя перестали идти дожди и урожай оказался под угрозой. Это тема, с которой мы уже встречались в мифе о Баале. Керет говорит Элху, что не стоит терять времени, оплакивая его, а лучше послать гонца за его сестрой Титманат, чье имя обозначает «восьмая». Она должна вместе с Элху начать готовиться к жертвоприношению Элу; Элху предлагает Баалу в качестве дара масло, чтобы он вернул земле плодородие. Лутпан, то есть Эл, семь раз взывает к собравшимся богам, пытаясь узнать, есть ли у кого-нибудь лекарство от болезни Керета. Когда выясняется, что ни у кого этого лекарства нет, Эл объявляет, что он сам произнесет заклинание, изгоняющее болезнь, и для этого отщипывает кусочек навоза.

На этом месте текст прерывается; в следующем отрывке мы уже видим, что Эл послал Керету богиню врачевания по имени Шатакат. Она должна облететь сотни больших и малых городов, чтобы найти нужное лекарство. Ей удается сделать это, и скоро распространяется известие о том, что ей удалось победить смерть. К Керету возвращается аппетит, и он снова воцаряется на троне. Тем временем его старший сын Йассиб, который замыслил занять место отца, идет в комнату, где лежит Керет, и требует, чтобы тот отказался от своего трона и передал власть ему, Йассибу. Поэма заканчивается эпизодом, в котором разъяренный отец проклинает своего сына.

В основе этой весьма любопытной легенды лежит некий субстрат исторических событий, однако ясно, что в основном это мифологическое произведение, а некоторые элементы, скорее всего, связаны с обрядовой традицией.

Легенда об Акхате

Дошедшие до нас части легенды сохранились на трех табличках, две из которых находятся в хорошем состоянии, а третья сильно повреждена. Однако специалисты по угаритской мифологии в основном сходятся во мнении относительно главных сюжетных линий этой истории.

В начальной сцене поэмы царь Данэл (Данниилу, или Даниэл) устраивает пир для

богов, чтобы они даровали ему сына. Баал от имени Данэла обращается к Элу, и тот обещает, что у царя будет сын. Эту новость сообщают Данэлу, который искренне радуется и идет к своей жене. Вскоре она рождает сына, который продолжит род Данэла и будет исполнять свои сыновьи обязанности.

Затем мы видим, как Данэл раздает дары вдовам и сиротам. Появляется бог ремесел Котари-Хасис: он несет с собой лук и стрелы. Царь велит жене устроить пир в честь Котара и его спутников и во время пира убеждает своего божественного гостя дать ему лук и стрелы, которые кладет на колени своему сыну.

Затем оказывается, что богиня Анат, увидевшая, как ловко Акхат управляется с луком и стрелами, хочет получить этот лук. Она предлагает Акхату за него деньги и золото. Акхат отказывается расстаться с луком и советует ей сделать для себя такой же. Богиня упорствует и обещает дать Акхату бессмертие, как Баалу, если он отдаст ей лук. Акхат решительно отказывается сделать это, говоря, что, во-первых, она не может даровать бессмертие обычному человеку, которому суждено умереть. А во-вторых, этот лук не может быть отдан женщине. Тогда Анат летит к Элу и с угрозами, которые звучат странно по отношению к царю всех богов, добивается у него разрешения осуществить свои планы. После этого она идет к Йатпану, который был одним из второстепенных, но весьма воинственных богов, и предлагает превратить его в грифа, чтобы он полетел к Акхату, когда тот принимает пищу, ударил его клювом и завладел луком. Однако богиня не намеревается убивать Акхата, она только хочет, чтобы он на какое-то время потерял сознание. Но, осуществляя план

Анат, Йатпан убивает Акхата. Он забирает лук, но лук по каким-то причинам не годен к использованию, и Анат впадает в отчаяние. Она оплакивает смерть Акхата и говорит, что вернет его к жизни, чтобы он все-таки смог отдать ей лук и стрелы. К тому же после смерти Акхата земля истощилась и лишилась своего плодородия, как и после смерти Баала, и она хочет, чтобы жизнь вернулась на землю.

Здесь на сцену выходит новый персонаж – Пугхат, сестра Акхата. Она видит грифов и следы опустошения на земле и умоляет Данэла предпринять что-нибудь. Все его попытки заканчиваются ничем, и на земле семь лет царят засуха и голод, точно так же, как это было в мифе о Баале.

Гонцы приносят известие о том, что Акхат мертв по вине Анат. Данэл клянется отомстить за своего сына. Он молится Баалу, чтобы тот дал ему возможность узнать, кто именно из грифов склевал останки Акхата, чтобы он мог отыскать их и захоронить со всеми почестями. Баал одного за другим убивает грифов, пока Данэл не находит останки своего сына в Сумул, матери грифов. Он проклинает три города, лежащие поблизости от места убийства Акхата, а затем возвращается в свой дворец и семь лет носит траур по Акхату. Тем временем Пугхат пытается осуществить задуманный ею план и хочет, чтобы Йатпан стал орудием ее мести. Она не знает о его роли в уничтожении Акхата. Легенда должна закончиться воскрешением Акхата, но ясно, что несколько табличек с текстом утеряны.

Данэла часто называют «человеком из Рафы». Сохранились (но, к сожалению, лишь частично) три таблички, на одной из которых упоминается Данэл, человек из Рафы, и которая описывает фрагменты жизни некоторых существ, называемых «рефаимами». На табличках также есть упоминание о коронации Баала. Таким образом, демонстрируется связь между Данэлом, «рефаимами» и Баалом, однако эти таблички не имеют отношения к легенде об Акхате. Мы упоминаем о них только потому, что они каким-то образом связаны с еврейской мифологией. В Ветхом Завете есть несколько упоминаний о «рефаимах» как а) о тенях умерших; б) о народе или племенах, населявших Ханаан еще до прихода туда евреев.

Во фрагментах, упомянутых выше, рефаимов приглашают на пир и на ритуал жертвоприношения, который связан с возвращением Баала из подземного царства и его коронацией. Всего их восемь, а во главе стоит некто по имени Рефу-Баал. Они прибывают на пир в повозках либо верхом на лошадях или ослах. Поэтому несколько затруднительно считать их тенями или призраками. Наибольший интерес представляет мнение доктора Джона Грея, который видит в них культовых персонажей, отвечающих за соблюдение

ритуалов, которые обеспечивают плодородие полей и играют особую роль в церемонии коронации Баала. Поэтому три этих отрывка могут содержать обрядовый миф, который декламировался на некоторых праздниках.

Есть еще два угаритских мифа, которые стоит упомянуть в этом обзоре.

Рождение рассвета и заката (Шахар и Шалим)

В этом тексте есть все элементы, присущие обрядовому мифу. Он поделен на несколько эпизодов, сопровождаемых указаниями на то, как правильно совершать обрядовые действия. Поэма или гимн начинается с обращения к щедрым богам, которое повторяется несколько раз. Щедрые боги – это боги-близнецы Шахар и Шалим, чье рождение и описывается в мифе. Чтобы оградить таинство рождения от всех злых сил, совершается ритуал, во время которого образ бога бесплодия Мота подвергают избиению и поношениям.

Затем описываются подготовительные ритуалы, среди которых ритуал, запрещенный древнееврейскими правилами жертвоприношений: приготовление козленка в молоке. Затем происходят различные обряды, призванные увеличить силу Эла, от которого зачинают детей Асират и Рахмая. Сначала они дают жизнь двум богам-близнецам Шахару и Шалиму, а затем – второй паре богов, которые становятся богами моря.

Миф о Никкаль и Катират

В этой поэме описывается свадьба Никкаль, богини плодов земли и дочери бога лета Хариби, и бога луны Йариха. Мудрые богини Катират должны обеспечить все необходимое для свадьбы. Объявляется, что в качестве выкупа за невесту Йарих должен принести богатые дары. Возможно, Катират – это аналог граций из греческой мифологии. Их упоминают в связи со свадьбой Данэла, и их называют «ласточками», потому что именно ласточки считались символом плодородия и рождения детей. Судя по всему, Хариби выступал в качестве некоего посредника и предлагал Йариху других невест, однако божественный жених объявляет, что он твердо решил жениться только на Никкаль. Далее описывается, как взвешивают выкуп, принесенный Йарихом. Заканчивается поэма обращением к Катират, которые веселыми песнями отмечают свадьбу героев. Высказывается предположение, что эта поэма является эпिताмой невесте-смертной и что слово «катират» произошло от имени реально существовавшей невесты. Но если это так, то, скорее всего, эта невеста была царских кровей (как и жених), и поэму, прославляющую царскую свадьбу, можно сравнить с аналогичными эпитамами в еврейской мифологии.

Заканчивая наш краткий обзор угаритской мифологии, следует отметить, что тексты, откуда взяты эти мифы, находятся в очень плохом состоянии, так что очень многое в них остается нерасшифрованным, а потому переводы во многом основываются на предположениях. Тем не менее приведенный обзор основан на единодушном мнении ученых относительно сюжетных линий и значимости этих интереснейших мифов. Они со всей очевидностью доказывают факт влияния на них египетской и вавилонской мифологий, причем влияние вавилонской мифологии гораздо значительнее. Также было установлено, что ханаанская мифология оставила заметный след в еврейской поэзии и мифологии.

Глава 4 Хеттская мифология

До середины XIX века о хеттах было известно только то, что они упоминаются в Ветхом Завете как народ, населявший Ханаан до заселения его израильтянами. Авраам купил у хеттов пещеру недалеко от Хеврона, и приближение их армии заставило сирийцев снять осаду Самарии во время правления династии Омни. Пророк Иезекииль упрекал жителей

Иерусалима за то, что в их крови течет кровь хеттов. Однако во второй половине XIX века раскопки, проведенные Ринклером в Богазкёе, древней столице хеттской империи, и упорная работа многих ученых, занимавшихся расшифровкой и переводом хеттской клинописи, доказали, что хетты (следует отметить, что они никогда не называли себя этим именем) были завоевателями несемитского происхождения, которые поселились в Малой Азии примерно в начале третьего тысячелетия до н. э. и играли очень важную роль в политической жизни древнего Ближнего Востока. В архивах Богазкёя было обнаружено более десяти тысяч табличек, и этот важнейший литературный свод включал в себя очень интересный мифологический материал, который нельзя не упомянуть в нашем обзоре. Изучение культуры хеттов находится на начальном этапе развития, и большую часть мифов нам еще предстоит найти и расшифровать. Однако имеющийся в нашем распоряжении материал говорит о том, какое влияние на хеттскую мифологию оказала религия Вавилона, хотя у каждой из них есть свои характерные особенности. В хеттской мифологии больше фольклорных элементов, чем в тех текстах, которые мы только что рассмотрели. Многие всем известные сказки берут свое начало в этих мифах и легендах.

Подробнее узнать о происхождении, литературе, искусстве и религии хеттов можно из восхитительной и заслуживающей всяческого доверия книги доктора О.Р. Керни «Хетты».

Три приведенных в этой книге мифа переведены профессором Альбрехтом Гетцем. Полный текст этих мифов можно найти в монографии Причарта «Древние тексты Ближнего Востока, относящиеся к Ветхому Завету», о которой мы уже не раз здесь упоминали.

Миф об Улликумми

В основе мифа лежит уже знакомая нам тема о соперничестве между старшими и младшими богами. Бог неба Анус (в аккадской мифологии Ану) сместил с трона своего отца Алалу, но сам был свергнут своим сыном Кумарби. В ходе борьбы между Кумарби и Анусом происходит много разных событий. Эта борьба заканчивается рождением бога бури, и соперничество между отцом и сыном разгорается с новой силой. Миф начинается с рассказа о том, что Кумарби вынашивает планы создания соперника богу бури. Он отправляет своего посланника Имбалури к Морю, чтобы попросить помощи. Оно вызывает Кумарби к себе и устраивает в его честь пир. По совету Моря Кумарби посылает своего визиря Мукисану в Водам. Что было дальше, не вполне ясно, но затем мы узнаем, что у Кумарби родился сын, скорее всего от богини земли. Он называет его Улликумми и отправляет Имбалури к Ирширрам, богам подземного царства. Он приказывает им отвезти Улликумми в темную землю и поместить его на правое плечо Убеллури, где он должен превратиться в гигантский столб. Убеллури – это бог, который, подобно Атланту, держит на своих плечах весь мир. После этого описывается, как растет Улликумми. Он поднимается из моря подобно башне, пока не достигает в высоту и в ширину девяти тысяч лиг. Он дотягивается до небес. Все боги – в ужасе. Жена бога бури Хебат выходит из своего храма. Она отправляет посланника к своему мужу, и он отправляется искать помощи у Эа в его доме Алсу. Здесь очевидно заимствование из аккадского мифа о творении. На совете богов Эа спрашивает, почему они позволяют этому ужасному созданию уничтожить человечество. Энлиль не знает, что происходит. Эа отправляется к Убеллури, который тоже не знает, что несет на себе дополнительный груз, и разворачивает его так, чтобы он смог увидеть человека, стоящего на его правом плече. Тогда Эа просит старших богов принести древний медный нож, которым он в свое время отделил небо от земли. Эа говорит: «Слушайте, старые боги, вы, которым знакомы древние слова! Раскройте старые запасники ваших отцов и дедов. Пусть эти запасники отдадут нам старые печати наших отцов, а после снова запрут их внутри. Пусть они отдадут нам старый медный нож, который отделил небо от земли. Пусть этот нож разрежет ноги Улликумми, этого диоритового человека, который был создан «как соперник богов». Затем Эа объявляет совету испуганных богов, что он искалечил Улликумми, и призывает их вступить в борьбу с гигантом. Бог бури садится в свою колесницу и выезжает

на битву с Улликумми. Здесь табличка обрывается, но нет сомнения, что на ней была описана победа бога бури над гигантом. Этот миф как эхо повторяет эпизод из Книги пророка Даниила, в котором описывается уничтожение огромного истукана Навуходоносора камнем, оторванным от горы без помощи рук. Камень ударяет по железной и глиняной ногам истукана и уничтожает его. Этот миф также представляет собой еще один вариант мифа об уничтожении человечества и о спасительном вмешательстве Эа.

Миф об Иллуянке

Этот миф существует в двух вариантах – раннем и позднем. Его сюжет связан с уничтожением дракона Иллуянки. Как и в предыдущем мифе, в нем много фольклорных элементов. В предисловии к более ранней версии мифа говорится, что это культовая легенда, связанная с праздником Пурулли в честь небесного бога бури, и что этот вариант мифа больше не рассказывается. Упомянутый праздник – это, скорее всего, праздник Нового года, а миф имеет параллели с мифом о победе над драконом Тиамат, который прославляется в вавилонском мифе о творении. В более древней версии мифа дракон Иллуянка побеждает бога бури. Он обращается к собранию богов за помощью, и богиня Инара делает ловушку для змея. Она наполняет много сосудов вином и другими напитками и просит человека по имени Хупасия помочь ей. Он соглашается на это при условии, что она разделит с ним ложе. Она соглашается, после чего прячет его недалеко от жилища змея. Она прихорашивается и выманивает дракона из дома вместе с детьми. Они выпивают вино из сосудов до последней капли и не могут вернуться в свою пещеру. После этого Хупасия выходит из засады и связывает дракона веревкой. Появляется бог бури и остальные боги и убивают дракона Иллуянку. Далее описывается сцена, которая не совсем связана с основным сюжетом мифа и является чисто фольклорным произведением. Инара строит себе дом на скале, на земле Тарукка, и поселяет там Хупасию. Она предупреждает его, что в ее отсутствие он не должен смотреть в окно, потому что там увидит свою жену и детей. Когда ее не было дома целых двадцать дней, он выглянул из окна и увидел жену и детей. Когда возвращается Инара, Хупасия умоляет ее разрешить ему вернуться к своей семье, после чего богиня убивает его за то, что он ослушался. Остальная часть этой версии мифа не вполне ясна, однако в ней есть ссылка на центральную роль царя на празднике Пурулли. Что касается темы любви бессмертного к смертному и желания смертного вернуться на родную землю, то она весьма распространена в фольклоре разных стран.

Некоторые элементы более поздней версии этого мифа отсутствуют в раннем варианте. Так, когда дракон победил бога бури, он вынул его сердце и глаза. Подобная деталь имеется в египетском мифе о сражении между Гором и Сетом, в котором Гор потерял глаз. Чтобы отомстить дракону, бог бури взял в жены дочь бедного человека, и она родила ему сына. Когда сын вырос, он женился на дочери Иллуянки. Бог бури сказал сыну, что, когда тот войдет в дом своей жены, он должен будет попросить вернуть ему сердце и глаза отца. Сын так и сделал, и ему отдали глаза и сердце отца, которые он вернул богу бури. Когда бог бури получил утраченные некогда части тела, он взял оружие и пошел на битву с драконом. Когда он был близок к победе, его сын воскликнул: «Лучше убей меня, не щади меня!» Тогда бог бури убил обоих: и дракона, и собственного сына, отомстив дракону. Здесь текст прерывается, а когда начинается следующий отрывок, он уже касается некоего обряда, представляющего собой соревнование или забег, по результатам которого определяется ранг и значимость богов. В комментариях к обрядам праздника Нового года в Вавилоне также упоминается соревнование по бегу, в котором сын Мардука Набу убивает бога Зу – этот эпизод также связан с воскрешением мертвого бога. Таким образом, оба варианта предполагают, что вавилонский миф о победе над драконом Тиамат, который декламировали во время празднования Нового года, во многом повлиял на формирование хеттского обрядового мифа Пурулли.

Миф о Телепине

Этот миф посвящен той же теме, что и мифы о Таммузе в подземном царстве и исчезновении Баала. Исчезновение бога ведет к полному умиранию природы – и растений, и животных. Судя по всему, этот миф существовал в нескольких вариантах, где исчезали разные боги, в том числе и бог солнца, однако основной вариант мифа, текст которого приведен в данной книге, рассказывает о приключениях бога Телепина. Этот миф может быть отнесен к обрядовым мифам, поскольку в него включен ритуал, обеспечивающий возвращение исчезнувшего бога.

Начало текста отсутствует, поэтому мы не знаем, что вызвало гнев бога. История начинается с описания гнева Телепина. Он надевает левый башмак на правую ногу, что означает: он настолько сердит, что не знает, что делает. Телепин уходит в степь и не возвращается оттуда: он не может найти дорогу обратно. Он измучен усталостью и, обессиленный, засыпает. Затем описываются последствия его отсутствия на земле: все окутано туманом; в очагах погас огонь; овцы не кормят ягнят, а коровы не кормят телят; повсюду засуха и голод, так что и боги, и люди гибнут от нехватки еды. Бог бури начинает беспокоиться о своем сыне Телепине, и начинаются поиски. Бог солнца посылает быстрокрылого орла с наказом обыскать все горы и долины, но орел возвращается ни с чем. Тогда богиня Ханнаханна призывает бога бури предпринять хоть что-нибудь. Он идет к дому Телепина и стучит в ворота. Он ломает молоток, но не находит исчезнувшего бога и отказывается от поисков. Затем Ханнаханна предлагает отправить на поиски пчелу, но бог бури высмеивает это предложение, так как пчела слишком мала, чтобы выполнить задачу, с которой не справились великие боги.

Ханнаханна все же отправляет в путь пчелу и велит ей ужалить Телепина в ноги и руки, залепить воском его глаза и ноги, очистить его и привести обратно к богам. После долгих поисков пчела находит Телепина и выполняет наказ богини. Телепин просыпается ото сна, но его гнев еще сильнее прежнего, и боги в растерянности. Затем бог бури говорит: «Найдите человека! Пусть он возьмет воды из источника Хатара на горе Аммуна! Пусть он заставит его двигаться с помощью орлиного крыла!» Здесь, видимо, содержится ссылка на какой-то ритуал, значение которого остается неразгаданным. После разрыва текста, где, вероятно, говорится о том, что Камрусеп, богиня врачевания, приходит к богам, следует описание обряда очищения. Телепин возвращается верхом на орлином крыле и в сопровождении грома и молнии. Камрусеп успокаивает его, и его гнев постепенно стихает. Она предлагает принести в жертву двенадцать баранов. Зажигают и гасят факелы, что символизирует возникновение и исчезновение божественного гнева. Затем произносится заклинание, очевидно, это делает упомянутый выше человек. Цель заклинания – спустить все зло, порожденное гневом Телепина, в подземное царство. Заключительные слова заклинания таковы: «Страж открыл семь дверей, открыл семь замков. Там внизу, в темной земле, стоит бронзовый сосуд, с крышкой из мягкого металла и с ручками из железа. Все, что попадает в него, уже не возвращается – оно исчезает навеки. Пусть они там внизу тоже получают гнев и злобу Телепина. И пусть они не возвращаются!» Миф заканчивается возвращением Телепина в свой дом и восстановлением плодородия и процветания. Телепин заботится о царе и царице и дает им вечную жизнь и силу. Интересно, что в конце ритуала перед богом ставят столб, с которого свисает шкура овцы. Заключительные строки мифа объясняют, что шест с подвешенной на нем шкурой символизирует жир овцы, зерна пшеницы, вино, скот, овец, долгую жизнь и много детей.

Его аналогом можно считать столб, увитый листьями, который часто изображается на ассирийских и вавилонских печатях, с почтительными фигурами по бокам, занятыми выполнением какого-то обряда. Выращивание дерева в обряде, посвященном Осирису, также можно упомянуть в этом контексте.

Таковы основные мифы хеттов. Были также обнаружены и другие фрагменты мифов, обзор которых доктор Керни дал в своей книге «Хетты», но и приведенные здесь мифы дают

достаточное представление о характере хеттской мифологии. Они показывают ее явную зависимость от вавилонской мифологии, а также то, как много сюжетов греческой и западной мифологии уходят своими корнями в этот чрезвычайно любопытный материал.

Глава 5

Еврейская мифология

Исследуя литературу Израиля, мы находимся на куда более твердой почве, чем когда говорим о других древних культурах – хеттской, ассирийской, ханаанской и других. Шумерский язык до сих пор представляет для переводчиков большую трудность, равно как и тексты на угаритском языке, а также плохая сохранность табличек. Все это является препятствием на пути к полному пониманию мифов и легенд этих народов. Что касается литературы Израиля, охватывающей период в более чем тысячу лет, то она дошла до нас в хорошо сохранившемся состоянии. Поэтому тексты в основном не представляют большой трудности для перевода. Никто не станет отрицать, что Ветхий Завет содержит в себе большое количество мифологического материала, и это порождает проблемы, которые не возникают в связи с мифологиями народов и стран, окружавших Израиль.

В основе текстов Книги Бытия, судя по всему, лежит история двух древних исходов народов в страну Ханаан, которые, собственно, и стали началом истории Израиля. Первое из этих «великих переселений» произошло под предводительством Авраама, «еврея» – как называли его в некоторых древних источниках. Эти люди пришли из Ура Халдейского примерно в середине XVIII века до н. э. и в конечном итоге расселились вокруг Хеврона. Вторая волна переселенцев состояла из кочевых или полукочевых племен арамейцев, пришедших во главе с Иаковом, также именуемым Израиль, далеким предком израильтян. Третья волна еврейского расселения, частично состоявшая из племен, долгое время проживших в Египте, вторглась в Ханаан с юга и востока ближе к концу XIII века до н. э. Все эти группы, из которых и сформировался народ Израиля, в основном вели полукочевой образ жизни. Придя в Ханаан, они оказались в стране, уже населенной давно живущими там людьми, семитами, как и они сами. Основным занятием для них было земледелие. Наш обзор ханаанской мифологии показывает, что она сформировалась в земледельческой среде. Это была религиозная практика, к которой пришельцам необходимо было адаптироваться. Позднейший и несколько тенденциозный рассказ о поселении евреев, приведенный в Книге Иисуса Навина, предполагает, что уничтожение местного населения входило в цели переселенцев, что земледельческие обряды и сезонные праздники коренного населения были восприняты пришельцами и сохранялись, несмотря на порицания пророков, вплоть до изгнания. В той форме, в какой мы его знаем сейчас, Ветхий Завет является продуктом многовековой «редакторской» деятельности. Многие элементы были сглажены или модифицированы по мере того, как в учении пророков развивалась концепция о природе Яхве. Этот процесс особенно затронул мифологический материал. Поэтому, когда мы изучаем мифологию Ветхого Завета, мы сталкиваемся с тремя главными проблемами. Прежде всего, мы должны выяснить, что было источником и первоначальной формой мифов, которые мы встречаем в Ветхом Завете; во-вторых, мы должны понять, какие изменения внесли еврейские авторы и «редакторы» в тот мифологический материал, который они заимствовали у ханаанцев и других народов; в-третьих, мы должны определить, создали ли евреи какие-то собственные мифы.

В окончательной редакции Ветхого Завета большая часть мифологического материала заключена в первые одиннадцать глав Книги Бытия; а остальные мифы и легенды во фрагментарной форме разбросаны по сагам и поэтическим произведениям Израиля.

Мифы о творении

В первых двух главах Книги Бытия содержатся две истории, представляющие собой две стадии развития религии Израиля. Ученые сходятся во мнении, что первая является продуктом обработки мифологического материала писателями после изгнания, в то время как вторую относят к более раннему периоду истории Израиля, возможно, ко времени формирования царской власти. В ней тоже видны следы литературной обработки, однако в ее современном виде эта история производит неизгладимое впечатление. Различия между этими двумя историями можно схематично представить себе таким образом:

Глава 1

1. Первоначальное состояние вселенной – водный хаос.
2. Сотворение мира приписывается Элохиму и представляет собой шесть отдельных актов, каждый из которых длился один день.
3. Последовательность творения такова:
 - а) свет;
 - б) свод – небеса;
 - в) отделение суши от моря;
 - г) растительность трех видов;
 - д) небесные светила – солнце, луна и звезды;
 - е) птицы и рыбы;
 - ж) животные и человек, причем мужчина и женщина созданы одновременно.

Глава 2

1. Первоначальное состояние вселенной – это безводная и бесплодная пустыня, без всякой растительности.
2. Сотворение мира приписывается Яхве Элохиму; никаких временных рамок не указано.
3. Последовательность творения такова:
 - а) человек, созданный из праха;
 - б) райский сад на востоке в Эдеме;
 - в) самые разнообразные деревья, включая древо жизни и древо познания Добра и Зла;
 - г) животные (дикие и домашние) и птицы (о рыбах не упоминается);
 - д) женщина, сотворенная из тела мужчины.

Помимо этого в древнееврейской поэзии имеются самые разнообразные указания на божественную роль в сотворении мира, что предполагает наличие и других вариантов мифа о творении.

Существует описание (Пс, 73: 12–17) того, как Яхве в сражении с водами убивает многоглавого бога Левиафана, а затем приступает к созданию дня и ночи, небесных светил и устанавливает порядок времен года. Мы уже видели, что в аккадском мифе о творении за победой Мардука над драконом Тиамат следует создание вселенной и строительство Эсагилы. Вполне возможно, что еврейский поэт был знаком и с ханаанской формой мифа. Мы также знаем, что еще одним вариантом борьбы Баала с силами разрушения был его конфликт с Мотом, который в конечном итоге закончился победой Баала. Упоминание об этом элементе угаритского мифа содержится в псалме 47: 15, который читается следующим образом: «Ибо сей Бог есть Бог наш на веки и веки; Он будет вождем нашим до самой смерти». Однако в первоначальном варианте это звучало иначе: «Наш Бог, который существует всегда, наш поводырь в борьбе против Смерти (на еврейском – *mot*)», – и этот текст имеет явную связь с угаритским мифом. Вполне вероятно, что отрывок из псалма 73 связан с тем же источником; если только мы не считаем миф о строительстве дома для Баала символизирующим деятельность по сотворению, то другого угаритского мифа о творении не

было обнаружено.

В псалме 103, который представляет собой размышления о том, как Яхве сотворил мир, также проявляются черты мифа о творении. Там упоминается Левиафан, хотя, судя по всему, не как враг. Яхве закладывает фундамент своих покоев в воде, что наводит на мысль о водных чертогах Эа. Он ездит на облаках – а ведь то же самое говорится о Баале в угаритских текстах. Есть также упоминание о создании солнца и луны, а также определении времен года.

Следы мифа о творении, которые не имеют явной связи с двумя основными версиями, помещенными в Книге Бытия, имеются в главе 38 Книги Иова, одном из лучших произведений еврейской поэзии. Скорее всего, оно было создано уже после изгнания. Здесь Яхве описывается как демиург, сотворивший землю «при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божий восклицали от радости» (Иов., 38: 7). Этот элемент мифа не имеет параллели в других текстах Ветхого Завета, но вот в аккадском мифе о творении мы видим аналогичную сцену, когда боги радуются победе Мардука, а также сцену, когда Баал готовит пир для богов и богинь по поводу завершения строительства своего дворца. Мы также видим сцену укрощения моря, которому Яхве говорит: «Доселе дойдешь, и не перейдешь, и здесь предел надменным волнам твоим» (Иов., 38: 11). В Книге Иова имеются два упоминания о Левиафане: непонятный намек на «способных разбудить Левиафана» (3: 8) и описание Левиафана в главе 41, которое обычно толкуется как аллегорическое сравнение с крокодилом. Здесь чудовище окончательно де упоминание о Левиафане заставляет предположить, что имя Левиафана упоминалось в магических заклинаниях. В имени Раав, что означает «дерзкий», мы находим еще одну ссылку на убийство дракона хаоса, укрощение моря и принятие решения о творении: «Своей силой он успокаивает море, и с его помощью он побеждает Раава. От его духа небеса становятся прекрасны, и его рука пронзила змея»¹. Ясно, что в Книге Иова миф о творении не представляет собой единого целого и в высшей степени поэтизирован.

Наконец, миф о драконе хаоса переходит в разряд эсхатологических в произведениях пророков, живших после изгнания. В Книге пророка Исайи, 27: 1 сказано: «В тот день поразит Господь [Яхве] мечом Своим тяжелым, и большим, и крепким левиафана, змея прямо бегущего, и левиафана, змея изгибающегося, и убьет чудовище морское». В том же источнике мы находим еще один вариант того же мифа. Он приобрел некие исторические черты как символическая ссылка на освобождение Израиля от египтян: «Восстань, восстань, облекись крепостию, мышца Господня! Восстань, как в дни древние, в роды давние! Не ты ли сразила Раава, поразила крокодила? Не ты ли иссушила море, воды великой бездны, превратила глубины моря в дорогу, чтобы прошли искупленные?» (Ис, 51: 9, 10).

Теперь мы можем вернуться к двум версиям истории о творении мира, которые редактор Книги Бытия поставил рядом в самом начале книги. Здесь следует отметить, что, хотя гипотеза Графа и Вехаузена, проанализировавших Пятикнижие с точки зрения литературных источников, была отвергнута некоторыми учеными, она все еще остается важным средством разграничения разных слоев в Пятикнижии и ранних исторических книгах. В случае двух историй творения мира, которые мы сейчас рассматриваем, первая обычно помечается буквой Ж и приписывается перу жрецов, которые собрали и соединили в одно целое историю Израиля после изгнания. Вторая помечается буквами Я-Э и считается плодом совместной работы последователя Яхве и последователей Элохима, имена которых стали обозначением двух направлений (а может, отдельных писателей), которые были весьма активны в ранний период существования царской власти и редактировали древнюю историю Израиля, сохранившуюся в устной и письменной форме. Буквенные обозначения связаны с использованием имен Яхве и Элохима обоими направлениями. Сейчас мы рассмотрим

¹ «Силою Своею волнует море, и разумом Своим сражает его дерзость. От духа Его – великолепие неба; рука Его образовала быстрого скорпиона» (Иов, 26: 12, 13).

каждый вариант по отдельности и сравним их отличительные черты. Поскольку вторая создана раньше первой версии, то и начнем мы с нее.

Версия Я-Э. Из приведенного выше сравнения мы видим, что в традиции, которой следовал яхвист, первоначальное состояние вселенной до начала творения коренным образом отличалось от состояния вселенной, описанной жрецами. Здесь следует отметить, что ни один из вариантов не ставит проблем, с которыми приходится сталкиваться уму современного человека, а именно – проблему абсолютного начала, создание из ничего. Оба варианта предполагают, что с самого начала существовал некий материальный мир, и ставят вопрос лишь о том, каким образом возникла упорядоченная вселенная. В обоих вариантах акт сотворения мира состоял в наведении порядка из хаоса, а не в сотворении материи из ничего.

В теории, используемой последователями бога Яхве, местом деятельности Создателя по сотворению мира была безлюдная пустыня, не возделанная рукой человека, иссохшая и неплодородная. Эта картина полностью отличается от той, которая нарисована в жреческом варианте, где первоначальное состояние вселенной – это водный хаос, как и в вавилонских и аккадских мифах. Вариант Я-Э начинается словами: «В день, когда бог Яхве сотворил землю и небо, на земле еще не было ни одного дерева. Даже травинка не взошла на безводной земле: ведь Яхве не послал на землю дождя, и не было на земле человека, который бы обрабатывал ее...» Ясно, что вариант под литерой Ж, описывая водный хаос, представляет точку зрения, содержащуюся в месопотамском мифе, а яхвист отстаивает идею, согласно которой работа по сотворению мира осуществляется на почве, потенциально плодородной, но голой и бесплодной из-за отсутствия дождя, пока Яхве не принес на землю дождь и не создал человека, чтобы тот обрабатывал эту землю. И долина Нила, и дельта Тигра-Евфрата полностью зависели от ирригации, только реки могли сделать их плодородными. А вот в Палестине культивация земель зависела от сезонных дождей осенью и весной, которые считались даром Яхве. Поэтому и основа данного варианта мифа лежит не в месопотамской или египетской мифологии, а в палестинской и представляет собой раннеханаанскую теорию о том, как в стране Ханаан появилась жизнь и как люди начали обрабатывать землю. Однако еще до того, как Яхве послал на землю дождь, произошло некое таинственное событие, которое не приписывается деятельности Яхве. В стихе 9 говорится, что нечто просочилось на землю и смочило почву. В обоих вариантах встречается еврейское слово, обозначающее туман; еще раз оно встречается лишь в Книге Иова, 36: 27, и его значение все-таки остается не вполне ясным. В обеих версиях значение слова толкуется как «фонтан» или «источник», нечто поднявшееся из глубин земли, и некоторые из этих значений кажутся наиболее приемлемыми. Предполагается, что почву смочил некий выброс воды и тем самым подготовил ее для начала созидательной деятельности. Яхве начинает лепить человека из влажной земли, как гончар. Еврейское слово, обозначающее «сделал», – это не то слово, которое используется в варианте Ж (Быт., 1: 27). Это термин, используемый для обозначения деятельности гончара. Во многих месопотамских мифах о творении создание человека описывается как некий волшебный акт, при помощи которого группа богов, посоветовавшись, лепят мужчину из глины, чтобы он служил богам. В вавилонском мифе о творении бог Мардук после победы над драконом Тиамат лепит человека из глины, смешанной с кровью бога Кингу. В варианте, исповедуемом последователями Яхве, кровь бога, как жизненно важная основа процесса создания человека, заменена божественным дыханием: Яхве вдыхает в ноздри человека «дыхание жизни».

Идея о сотворении человека (мужчины) как результата работы божественного гончара также может быть обнаружена в египетском мифе, где бог Хнум делает первых мужчину и женщину на гончарном круге. Однако в основе палестинского мифа, скорее всего, лежит месопотамский миф, как о том свидетельствуют другие элементы истории.

Затем из той же самой почвы по воле Яхве вырастают самые разные деревья, и в первоначальном варианте стиха 15 2-й главы Книги Бытия он поручает мужчине, которого только что вылепил из глины, задачу обработки почвы. В древнееврейском варианте стиха 15

последователи Яхве вводят в сюжет новый элемент – рассказ о рае, которого не было в первоначальном тексте.

Затем (и опять из почвы) Яхве лепит животных и птиц, чтобы посмотреть, смогут ли они помочь мужчине, но, поскольку тот не считает ни одно из созданных существ пригодным для этой цели, Яхве напускает на него волшебный сон (еврейское слово *tardemah* означает «сверхъестественно глубокий сон»), вынимает у него ребро (еврейское слово имеет еще одно значение – «сторона») и делает из него женщину. Когда мужчина просыпается от своего забытья, он видит женщину и дает ей имя Хавва, Ева, что означает «жизнь». Еще одна форма обращения к ней «*Ishshah*» – это не имя собственное, а еврейское слово, означающее «жена», существительное женского рода от «*Ish*» – мужчина, или муж.

Вот что лежит в основании древнего палестинского мифа о творении, которое последователи Яхве использовали в своем повествовании. Мы выясняем, что в этот миф в его палестинской окраске они вплели еще один с совершенно другой основой, миф о рае. Этот элемент впервые возник в главе 2: 8, где говорится, что Яхве «посадил сад в Эдеме, на востоке»; в стихе 9 в истории появляются два мифических дерева; в стихе 15 говорится, что сад Эдема возник на месте, где раньше была только «почва»; а в стихах 16–17 звучит запрещение есть плод, который растет на дереве, стоящем в середине сада. В первоначальном варианте этого запрещения о природе этого дерева ничего не говорится. Затем в главе 3 следует история о первом непослушании мужчины, о змее-искусителе, о том, как человек вкушал плод дерева, и что из этого последовало, об изгнании провинившейся пары из сада, если они не вкусят плода с древа жизни и не станут бессмертными, как боги. Многие ученые полагают, что полумифическое местоположение рая (2: 10–14) не было описано в повествовании от Яхве, а является своего рода дополнением, отражающим очень древние представления о том, где находится рай.

Даже без учета этих стихов, в которых отчетливо виден месопотамский след, мы можем сказать, что основой для мифа о рае служит не палестинский миф о творении, который последователи Яхве сделали частью своего повествования. Место, где Яхве посадил сад, лежит далеко на востоке, в местности под названием Эдем. Конечно, в Ветхом Завете упоминается местечко Эдем (Вторая книга Царств, 19: 2; Книга пророка Иезекииля, 27: 23, Книга пророка Амоса, 1: 5), однако в этом древнем мифе Эдем скорее лежит «к востоку от солнца и к западу от луны», чем в какой-либо конкретной точке на карте. Аккадское слово «*edinu*» означает «равнина» или «степь», и было высказано вполне правдоподобное предположение, что сад возник в одно мгновение, как по мановению волшебной палочки выпрыгнул из песчаной бесплодной и безводной степи. Вполне возможно, что яхвист в это время представлял себе, какая разница между влажной плодородной почвой его страны и пустыней, где кочуют бедуины и где только Божественное провидение могло создать сад. Мысль о могуществе Яхве, который сумел сотворить Эдем среди пустыни, является любимой идеей пророков (Книга пророка Исаи, 41: 19; 51: 3).

Еще один вариант мифа о рае можно найти в Книге пророка Иезекииля, где присутствуют элементы, которых нет в мифе из Книги Бытия. Нам эти аллюзии могут показаться не вполне ясными и внятными, однако, как в угаритских мифах, сад находится на горе, где живут боги. Бог-царь Тира имеет там свои чертоги, и о нем самом говорится, что он «ходит среди огненных камней»; там звучит музыка, а в конце мифа обитатель сада богов изгоняется как нечестивец. Идея об обитателе сада как о воплощении мудрости упоминается в Книге Иакова, где первый человек на земле якобы является обладателем мудрости и посвященным в тайные решения советников Бога.

Поэтому становится ясным, что создатель мифа о Яхве-Творце в своих собственных целях использует миф, который был частью древнееврейской традиции. В этой связи следует сказать несколько слов об источнике этого мифа и форме, в которой яхвист использовал его.

Последние исследования шумерской культуры показывают, что в шумерской мифологии распространена концепция божественного сада и страны, где нет места ни болезням, ни смерти и где дикие звери не охотятся друг на друга. Описание рая на земле

содержится в шумерской поэме, которую доктор Крамер назвал «Эпосом об Эммеркаре»:

Дилмун – это чистое место,
Дилмун – это светлое место,
Дилмун – это тихое место,
Там ворон не каркает
И змей не шипит;
Нет там львов, убивающих ланей,
И волков, бегущих за рысью;
Там нет ни шакалов, ни вепрей.
Там нет ни больных, ни слепых и ни старых.
Там дождь не падает с небес,
И вся земля пустыня.
Кто реку [смерти] перейдет,
Не молвит больше слова,
Ни жалоб нет, ни песен нет,
Все тихо и безмолвно.

Позднее в семитской обработке шумерских мифов Дилмун стал жилищем бессмертных, где Утнапиштим и его жене разрешили жить после потопа. Судя по всему, это место было расположено в устье Персидского залива.

Согласно шумерскому мифу, единственное, чего не было в Дилмуне, – это пресной воды; бог Энки (или Эа) приказал Уту, богу солнца, принести с земли чистую воду, чтобы полить сад. Видимо, отсюда пошло таинственное «ed», которое пробивается из глубин земли, чтобы оросить сад. В мифе об Энки и Нинхурсаг болезни поражают восемь частей тела бога. Одним из пострадавших органов было ребро, и богиня, которая должна была лечить именно ребро, получила имя Нинти, что означает «женщина ребра». Однако шумерское слово «ti» могло также означать «женщина жизни». Мы уже знаем, что в еврейском мифе женщина, созданная из ребра Адама, была им названа Hawwah (Хавва), что означает «жизнь». Поэтому ясно, что один из наиболее интересных элементов еврейского мифа о рае берет свое начало в немного примитивном шумерском мифе.

Другие элементы яхвистского варианта мифа о рае имеют ярко выраженные параллели в различных аккадских мифах. Одной из часто повторяющихся тем является мысль о важности обладания знанием, которое всегда является магическим. Мы видели, что в мифе об Адаме и в «Эпосе о Гильгамеше» речь идет о поисках бессмертия, проблеме смерти и существования болезней. Эти и другие примеры, которые мы уже приводили, призваны показать, что в аккадских мифах поднимались проблемы, которые позднее возникнут в яхвистской истории о рае. Жители долины Тигра и Евфрата на протяжении всей жизни сталкивались с самыми разными природными явлениями. Это были разрушительные наводнения, необходимость беспрерывно работать на полях, чтобы добыть средства к существованию, тайна рождения, тайна жизни и смерти, а также тайные пути дракона. Поэтому ничто не было так важно, как обладать знанием обо всех этих вещах. Но не для того, чтобы удовлетворить естественное любопытство о природе вещей, а чтобы быть в состоянии управлять ими или хотя бы приспособливаться к своим нуждам таинственные силы, стоящие за этими явлениями. Знание о добре и зле не было нравственным знанием, но знанием о дружелюбных и враждебных силах, знанием о мощных заклинаниях и ритуалах, посредством которых можно было управлять этими силами. Как мы уже видели, различные ритуалы имели «произносимую» часть, то есть миф, обладающий такой же магической силой, как и действия, которые этот миф сопровождал и описывал. Это был источник мифов о рае, творении, потоке и другого подобного материала, который стал частью истории народов, испытавших на себе влияние месопотамской культуры. Материал, который последователь Яхве обнаружил в традициях своего собственного народа, он ввел в свой

рассказ, воплощая свои собственные представления об отношениях между Богом и человеком; представления, которые скрывают под древними одеждами, столь тщательно сохраняемыми последователями Яхве.

Прежде чем мы начнем рассматривать жреческий вариант мифа о творении, желательно все-таки разобраться, что еврейский писатель, которого мы условно называем яхвистом, сделал с мифами, которые мы описали.

В результате прихода семитских народов в Месопотамию древние и достаточно примитивные мифы претерпели значительную обработку. Если мы сравним вавилонский миф о творении с шумерскими мифами, то станет ясно, что многие изначальные элементы оказались в тени, а на первый план вышло литературное мастерство редактора. Но поскольку семитские поселенцы восприняли или уже имели те же общие идеи о природе вселенной, что и их шумерские предшественники, то никаких фундаментальных изменений в мифы внесено не было. Однако, когда мы рассматриваем изменения, внесенные рукой еврейского писателя, мы видим, что они были значительными. Его отношение к историческому материалу определялось концепцией, которая начисто отсутствовала в мировоззрении тех, кто сочинял или передавал из рук в руки эти мифы. Обращаясь к истории Израиля, он видит в ней некий разумный план, в котором можно различить руку Бога, который предстает нравственным началом, всемогущим и мудрейшим. План начинает воплощаться с сотворения, и писатель прослеживает его ход через божественный выбор своего собственного народа Израиля как инструмента его осуществления и далее к будущему, пришествие которого определено, говоря словами мифа: «И было начало». Яхвист пишет то, что было торжественно названо «историей спасения».

Поздние еврейские писатели часто настаивают на том, что среди людей не было свидетелей божественного акта творения мира. Автор Книги Иова говорит о том, как Яхве иронически спрашивает Иова: «Где был ты, когда Я полагал основания земли?» (Иов, 38: 4). Поэтому единственно возможным способом рассказать о начале и о конце этой самой «истории спасения» был миф. Образы и символы мифа – победа над драконом, сад, древо познания Добра и Зла, змей – становятся языком для выражения того, что просто было невозможно выразить другим способом. Другие мифы из первых двух глав Книги Бытия, которые нам еще только предстоит рассмотреть и которые изначально были эпизодическими и разрозненными, вплетены в повествование, темой которого является воплощение божественной цели.

Вариант Ж. Когда после возвращения из Вавилона некоторых изгнанников (что стало результатом либеральной политики Кира) был восстановлен иерусалимский храм и его культ, жреческое сословие, называющее себя писцами, прототипом которых был писец и жрец Эзра, обратило внимание на формирование правовой и исторической традиции своего народа. По свидетельству еврейских литературных источников, этим занимались набожные и хорошо образованные люди, которые придали литературе Израиля ту форму, в какой мы ее знаем сейчас, а именно – собрание книг, которые мы называем Ветхим Заветом. Мало кто может сомневаться, что среди документов, которыми они пользовались, создавая историю Израиля, у них в распоряжении были хроники древней истории человечества и предков еврейского народа в той форме, которую им придали последователи Яхве и Элохима. Отдельные части вариантов Я-Э уже были сведены воедино и прошли несколько этапов редактирования. Жреческий редактор почти ничего не изменил в истории о творении мира и рае в изложении яхвиста, поэтому мы можем предположить, что он был согласен с этой версией событий. Однако перед историей о творении в варианте Я-Э он добавил свой вариант, который, как мы уже отметили, отличается от первого весьма значительно. Поэтому мы должны задать себе вопрос: какие источники лежат в основе этого рассказа, каковы религиозные воззрения самого редактора и почему он считал необходимым добавить второй рассказ о творении к варианту Я-Э?

Разрыв между вариантами Ж и Я-Э происходит в стихах 2–4 1-й и 2-й глав Книги Бытия. Вариант Ж заканчивается словами, которые как бы суммируют все вышеописанные

события: «Вот происхождение неба и земли, при сотворении их, в то время когда Господь Бог создал землю и небо». Мы уже видели, что и в египетском, и в вавилонском мифах деятельность по сотворению состоит в процессе зачатия. А начальные строки аккадского мифа о творении содержат генеалогическую таблицу, заимствованную из более древней шумерской версии. Идея о том, что творение состояло из акта произведения потомства, сохранилась и в варианте Ж в слове «поколения», однако она полностью утратила свое первоначальное значение и оказалась демифологизированной.

Мы уже знаем, что в основе варианта Я-Э лежит месопотамский миф, хотя в нем и присутствует сильный палестинский налет, что предполагает, что месопотамский материал был впитан ханаанской культурой до того, как его использовал израильский литератор. Общеизвестно большое сходство между рассказом о творении, содержащимся в вавилонском мифе, и текстом, написанным израильским писателем. В отличие от безводной пустоши, которая, по версии варианта Я-Э существовала до начала созидательной деятельности Яхве, и изначального состояния вселенной, которая по версии Ж представляла собой водный хаос, это состояние очень близко к тому, как описывается доисторическое состояние вселенной в шумерских и вавилонских мифах о творении мира.

Более того, еврейское слово, используемое для обозначения водного хаоса, – «t'hom» – искаженный вариант имени Тиамат, дракона хаоса, которого победил Мардук, прежде чем приступить к сотворению мира. Мы уже знаем, что в «Энума Элиш» Мардук разрубает тело Тиамат на две части; одну часть он закрепляет на небе, чтобы удерживать верхние воды на своем месте. Это перекликается с текстом варианта Ж, где описывается сотворение тверди, которая изображена как твердый свод, протянутый над землей.

Описание последовательных действий по творению мира, которые длились шесть дней, очень напоминает череду событий, приведших к сотворению в вавилонском мифе. Поэтому несмотря на то, что автор-жрец подверг вавилонский материал всесторонней обработке, невозможно не прийти к выводу, что в основе его повествования о творении лежит материал вавилонского происхождения, не испорченный, как это случилось с вариантом Я-Э, ханаанским влиянием.

Однако нам еще предстоит ответить на вопрос, почему церковный литератор поместил второй вариант мифа перед тем, который он нашел в документах яхвистской общины, и почему принятый церковью текст говорит о семи днях создания.

Стоит вспомнить, что школа, или гильдия, писцов, к которой принадлежал и Эзра, состояла из священнослужителей. Сферой их интересов были храм и культ. Их отношение к материалу, с которым они работали, было скорее литургическим, чем историческим. Именно благодаря им псалмы стали использоваться, как им и положено, на великих праздниках священного года евреев; именно они расположили части Пятикнижия в привычном нам порядке; именно благодаря им Пятикнижие и остальная часть Ветхого Завета стали использоваться в массовых богослужениях. Они всеми силами стремились сохранить и передать следующим поколениям порядок традиционных сезонных праздников. Последние исследования ученых свидетельствуют о том, что с самых древних времен евреи традиционно праздновали праздник Нового года, основные черты которого в некоторой степени напоминают праздники Нового года, который отмечали в Месопотамии. Одной из отличительных черт этого праздника была коронация царя как представителя бога, Ашшура или Мардука, сопровождаемая рассказом о победе бога над Тиамат и декламацией хвалебных гимнов Мардуку, в которых перечислялись все пятьдесят его имен. В Вавилоне миф о творении занимал в этих церемониях особое место и его читали как магическое заклинание – обращение к животворящей силе в тот момент совершения ритуала, когда бог возвращается к жизни.

В последних исследованиях высказывается предположение о том, что у праздника еврейского Нового года были общие черты с вавилонским праздником и что коронавание Яхве и празднование в честь его великих деяний занимали центральное место в ритуале. Мы уже знаем, что в еврейской поэзии сохранился миф о победе Яхве над драконом хаоса.

Вариант Ж имеет не повествовательную форму, как вариант Я-Э, а составлен из строф с периодически повторяющимся рефреном. Более того, мы знаем, что праздник еврейского Нового года отмечался в течение семи дней, что объясняет, почему действия по сотворению мира были разбиты на семь этапов. Поэтому предполагается, что отдельные части варианта вслух зачитывались священниками во время празднования Нового года, что в Книгу Бытия была включена литургия о творении, которую читали во время праздника, и что его естественное место в новогодней литургии было в самом начале раздела, посвященного созидательной деятельности Яхве.

Миф о Каине и Авеле

Мы уже указывали, что цель, ради которой яхвист собрал мифы, относящиеся к истории его народа, и расположил их так, чтобы они представляли собой связное повествование, заключалась в том, чтобы представить историю человечества и народа Израиля как «историю спасения». Порядок, установленный Яхве в ходе творения мира, был разрушен из-за непослушания человека, и еврейский писатель поставил перед собой задачу: во-первых, зафиксировать катастрофические последствия нарушения человеком его договоренностей с Создателем; а во-вторых, показать, что настойчивая деятельность Яхве была направлена на восстановление нарушенного порядка. Именно имея в виду эту цель, яхвист выбрал миф, который демонстрирует первые последствия первоначальной катастрофы, а именно – разрыв семейных связей, братоубийство.

Когда анализируешь эту историю, становится ясно, что рассказ о Каине и Авеле относится к другому источнику и происходит из другого цикла древней традиции, нежели мифы о творении и о рае. Легко увидеть, что миф о Каине и Авеле искусно связан с мифом о рае и что яхвист соединил в нем, казалось бы, не имеющие ничего общего пласты истории.

В повествовании яхвиста Каин и Авель – дети Адама и Евы, рожденные после их изгнания из Эдема. Каин – земледелец, Авель – скотовод.

Братья приносят подношения Яхве. Каин приносит богу плоды своего труда на земле, а Авель приносит первенцев своего стада. Яхве отвергает дары Каина, а вот дары его брата с удовольствием принимает. В ярости оттого, что его дары отвергнуты, и зависти оттого, что дары брата приняты, Каин убивает брата. Далее рассказывается о том, как Яхве проклинает Каина, о его бегстве с места преступления и защитном «знамени», которым Яхве помечает беглеца. Затем Каин поселяется на земле Нод, строит город и становится предком людей, которые якобы заложили основы цивилизации.

Тщательное изучение мифа в том виде, в котором он помещен в библейское повествование, показывает, что в нем есть черты и мифа, и саги, которые изначально представляли собой независимый литературный материал и которые никогда не имели ничего общего с мифом о рае. Согласно тексту этого мифа, Адам и Ева и их дети, Каин и Авель, являются единственными жителями земли. Однако миф предполагает, что после содеянного Каин бежит прочь, боясь возмездия людей; он говорит: «Тот, кто найдет меня, покарает меня». Предполагается, что в это время уже существовал ритуал жертвоприношения, а уровень развития цивилизации был достаточно высок: существовали города, обрабатывались металлы и даже имелись музыкальные инструменты. Все это абсолютно несовместимо с состоянием начала жизни на земле после изгнания Адама и Евы из рая. Анализ мифа позволяет понять, что в нем переплелись три разных исторических направления. Либо это было сделано обработчиком мифа – яхвистом, либо они уже были сплетены воедино в источниках, которыми он пользовался.

Первый из этих пластов отражает существовавшее издревле противостояние между пустыней и пашней, между оседлыми крестьянами и кочевниками-скотоводами. Мы уже знаем, что эта тема возникала в шумерском мифе о Думузи и Энкимду, где Думузи – это бог-пастух, а Энкимду – бог-крестьянин, приносящий свои дары Иштар. Однако, как мы помним, конец этого мифа далек от трагического.

Второй пласт содержит сюжет обрядового мифа, которому ученые уделяют особое внимание. Он никак не связан с мифом о рае, но подразумевает существование достаточно развитого общества с устоявшимся церковным институтом. Каин и Авель представляют два разных типа общин, каждая из которых соблюдает собственные ритуалы жертвоприношения. Если отвергаются подношения земледельческой общины, то это знак грядущего неурожая, естественно, это влечет за собой выполнение еще одного обряда – обряда задабривания богов. Необходимость такого обряда становится ясна из разговора между Каином и Яхве. С течением времени еврейский текст подвергся значительным изменениям. Его содержание подразумевает, что члены земледельческой общины, чьи подношения были отвергнуты и, соответственно, не достигли цели, посоветовались с оракулом и получили от него ответ. Оракул сказал, что он знает, какой именно обряд нужно совершить и что существует некий враждебный им демон, которого нужно задобрить.

Следующая часть начинается с многозначительной фразы, которой нет в еврейском тексте. Она гласит: «И сказал Каин брату своему Авелю: «Пойдем с тобой в поле». Эта деталь присутствует и в шумерском мифе как некое упоминание, где бог-крестьянин приглашает бога-пастуха привести своих овец и пустить их пастись на его лугах. Именно на этом поле, обработанной почве, чье бесплодие, собственно, и стало причиной этой ситуации, и происходит убийство пастуха: тем самым предполагается, что убийство было ритуальным, а не импульсивным действием, вызванным завистью. Это было обычное ритуальное убийство, совершенное, чтобы сделать землю плодородной, пропитав ее кровью жертвы. Говоря словами мифа, «земля раскрыла рот, чтобы принять кровь брата».

Затем следует проклятие Каина, его побег с места убийства и защитное клеймо, которое он получает от Яхве. Здесь мы видим две существенные трудности. Яхве проклинает убийцу и в то же время берет его под свое покровительство; кстати, защитное «знамение» было предметом самых разных предположений.

Сэр Джеймс Фрезер полагает, что Бог, возможно, раскрасил Каина черной, красной или белой краской или, возможно, использовал сочетание этих цветов, как это делали многие племена дикарей. Фрезер завершает свое исследование мифа следующим ироническим замечанием: «Разукрашенный таким образом, первый господин Смит – поскольку Каин означает смит, «кузнец» – без малейшего страха обошел все пустоши земли, ведь он не боялся быть узнанным и преследуемым призраком своей жертвы. Это объяснение появления у Каина защитного «знамения» имеет то преимущество, что избавляет библейский текст от бросающегося в глаза абсурда. Ведь в общепринятой интерпретации Бог сделал Каину «знамение», чтобы спасти его от потенциальных убийц, очевидно забыв, что покушаться на него было просто некому, поскольку на земле жили лишь сам Каин (убийца) и его родители. Поэтому, предположив, что врагом, от которого убийца бежал в страхе, был призрак, а не живой человек, мы избегаем обвинения божества в элементарном склерозе и не лишаем его «божественного величия».

Как бы ни изящно было объяснение, все же существует еще одно, и гораздо лучшее – стоит лишь провести параллели между некоторыми сезонными ритуалами, такими, как праздник вавилонского Нового года и аналогичный афинский праздник.

Во время праздника вавилонского Нового года, смысл которого был исключительно прагматическим (сельскохозяйственным), ответственный за жертвоприношение священнослужитель и непосредственный исполнитель очищали алтарь бога Набу, сына Мардука, шкурой убитой овцы, забрызгивая стены храма ее кровью; после этого они должны были удалиться в пустыню, пока не закончится праздник, поскольку акт жертвоприношения делал их нечистыми. В еврейском празднике Вознесения, который изначально был частью осеннего праздника Нового года, мы находим сходную комбинацию ритуального убийства и дальнейшего бегства, но здесь люди заменены жертвенными животными, а именно двумя козами, одну из которых убивают, а вторую отпускают в пустыню. В афинском празднике жертвенным животным был бык. А два его главных врага, совершив убийство, бежали.

Таким образом, предполагается, что побег Каина воплощал в себе обрядовый побег.

Совершивший жертвоприношение считался опозоренным и «нечистым» и изгонялся из общины до тех пор, пока не очистится. При этом его вина была общей виной, а не только отдельного человека. Это объясняет, почему убийца получил защитную метку. Он был не простым, обычным убийцей, он был человеком, освященным печатью Божьей, – он совершил это деяние на благо всей общины. Совершенное повлекло за собой обрядовое покаяние и временное бегство убийцы, однако личность его была неприкосновенной. Более того, объяснение этой защитной метки – это то, что она представляла собой некую татуировку или какой-то другой символический знак, указывающий на принадлежность беглеца к священной группе. Мы имеем подтверждение тому в Ветхом Завете, где говорится, что у пророков были подобные метки, и объясняется, что эти метки использовались как отличительный знак принадлежности к храму как собственности Бога.

Таким образом, оригинальная форма первой части яхвистской истории о Каине и Авеле была, вероятно, обрядовым мифом, описывающим ритуал жертвенного убийства, который должен был обеспечить богатый урожай; после жертвоприношения исполнитель спасался бегством, но у него имелаась защитная метка, указывающая на его принадлежность к священной группе людей.

Однако, подобно другим мифам, этот миф прошел долгий путь трансформаций, приобретая новое значение и использование: лишь после этого он попал в руки яхвиста и был использован им в религиозных целях. Он говорит о вражде, которая существовала между оседлыми крестьянами, обрабатывавшими землю, и кочевыми племенами, которые жили на границе плодородных земель и неоднократно пытались вторгнуться в них. Миф также приобрел этиологический характер, объясняя происхождение кровной мести. Иногда высказывается предположение, что миф призван объяснить предпочтение, которое Яхве отдавал жертвоприношениям животных. Однако это предположение не является удовлетворительным, поскольку в Левитском кодексе нет упоминания о подобных предпочтениях: одинаково ценились и подношения в виде овощей, и жертвоприношения животных.

Вторая часть мифа, которая в ее нынешнем виде повествует о дальнейших приключениях Каина, берет свое начало в других источниках и представляет собой совершенно определенную традицию. Вероятно, это фрагмент древней истории кенитского клана, о котором в истории евреев содержится довольно много информации. Однако очевидно, что фрагмент истории Кенитов, который лежит в основе второй части мифа о Каине и Авеле, переплелся с другими элементами, чуждыми кенитской истории. Кениты всегда были кочевым (или полукочевым) народом и в основном жили в палатках. Однако предок Кенитов в этой части мифа выступает как строитель городов, обитатель земли, географическое местонахождение которой определить невозможно. Он предстает основателем рода, который дал начало всем росткам цивилизованной жизни. Если мы сравним генеалогию Каина, представленную яхвистом в 4: 17–18, с генеалогией варианта Ж, приведенной в 5: 1-30, то станет ясно, что эти две генеалогии идут параллельно истории о предках первого человека. Это видно из следующей таблицы.

Вариант Я-Э	Вариант Ж
1. Адам	Адам
2. —	Сет
3. —	Энох
4. Каин	Кенан (Каинан)
5. Энох	Малелеил
6. Ирад	Иаред
7. Мехиаэль (Малелеил)	Энох
8. Мафусаил	Мефуселак
9. Ламех	Ламех
10. —	Ной

Если сравнить эти два списка, то мы увидим, насколько близко их сходство. Во-первых, отцом Каинана в списке Ж является Энос, но это всего лишь еще одно еврейское слово для обозначения слова «мужчина» и синоним Адаму, первому человеку. Каинан – это еще одно еврейское имя Каина, так что в первоначальной форме обоих списков первый человек был отцом Каина. Далее, Ирад – это то же самое, что и Иаред; Энох появляется в обоих списках; Мехиаэлю соответствует Малелеил, а Мафусаилу Мафусала, или Мефулселах; и, наконец, Ламех появляется в обоих списках. Поэтому не подвергается сомнению тот факт, что мы имеем дело с двумя вариантами одного и того же списка и что список потомков Каина в списке Я-Э, по сути, является генеалогией первых обитателей земли, а вторая часть мифа является рассказом об истоках различных элементов ранней цивилизации.

Поэтому мы имеем дело с тремя линиями, которые последователь Яхве либо сплел воедино в связное повествование и объединил историей о рае, либо обнаружил уже соединенными в истории клана Кенитов и использовал их в собственных религиозных целях. Связи Кенитов с евреями установились, еще когда Моисей (согласно саге) женился на девушке из рода Кенитов (Книга Судей, 4: 11, где «зять» должен стать «тестем»), и это может дать объяснение, почему последователь Яхве смог найти и использовать в своем повествовании о корнях Израиля элементы кенитской истории. Следует также добавить, что фрагмент древней поэмы, помещенный в 4: 23-4, где усиливается элемент кровной мести как части законов пустыни и где говорится, что он берет свое начало в истории предков Кенитов, укрепляет нас во мнении, что именно в кенитской истории яхвист черпал материал для своего варианта мифа. Три линии, которые были таким образом сохранены, трансформированы и соединены в связное повествование, это – обрядовый миф, описывающий ритуал жертвоприношения и обрядовое наказание; этиологический миф, объясняющий происхождение кровной вражды, существующей у кочевых народов, и древнее генеалогическое древо, являющееся воплощением одного из многих вариантов происхождения цивилизации у древних семитов. Этот миф о Каине и Авеле иллюстрирует, какие изменения, возможно, претерпевает миф, такой, как, например, шумерский миф о крестьянине и пастухе, в ходе своих странствий по свету.

Следующим мифом, который последователь Яхве вплетает в свою «историю спасения», является, возможно, самый распространенный из всех мифов – миф о потопе. Мы уже рассмотрели формы этого мифа, распространенные среди шумерских, а потом и семитских завоевателей, и выяснили, что у египтян его не было, хотя у них и был миф об уничтожении человечества. Мы еще увидим, что миф о потопе не был единственной формой мифа об уничтожении человечества, известной еврейским писателям. Однако прежде, чем мы приступим к рассмотрению еврейского варианта мифа о потопе, следует упомянуть весьма важный мифологический вариант, который был использован в качестве связующего звена между мифом о Каине и Авеле и мифом о потопе.

Мы уже указывали, что генеалогическое древо десяти поколений от Адама до Ноя является вариантом списка потомков Каина, приведенного в главе 4. Однако в первом списке имеются две отличительные черты, на которые стоит обратить внимание. Мы видели, как жреческий автор использует в окончательном варианте Книги Бытия то, что мы называем версией Я-Э, добавляя к ней собственные детали. Здесь он добавляет к истории о Каине и Авеле генеалогический список, который содержит десять имен вместо восьми (в списке Я-Э) и приписывает десяти именам чрезвычайно длинную жизнь, за исключением Эноха, у всех них была жизнь длиной в тысячу лет. Чтобы объяснить этот феномен, мы должны обратиться к тем ранним шумерским источникам, которые были известны редакторам еврейских мифов о творении.

Вавилонский жрец по имени Бероз, который жил при правлении Александра Великого, написал на очень плохом греческом пересказ древней истории Вавилона. При этом доказано, что он пользовался древними списками шумерских царей. Было обнаружено два таких списка в шумерском городе Ларса, в одном из которых восемь имен, а в другом – десять. Оба заканчиваются именем Зиусудры (или Утнапиштира в аккадской версии), героя мифа о

потопе. Судя по обоим спискам, цари, правившие до потопа, находились у власти невероятное количество лет – от двадцати до семидесяти. В конце списка царей Ларса писец приписал следующее: «Наступил потоп. После потопа царство спустилось с небес. После того как Зиусудра и его жена стали бессмертными и переселились в Дилмун, царство оказалось без законного наследника престола, и поскольку нормальная жизнь не представлялась возможной без царской власти, то она была ниспослана с самих небес». Вполне возможно, что за этими странными цифрами стоят некие астрологические или культовые причины, однако в данном случае они не являются предметом нашего исследования. Нас интересует связь между списками шумерских царей и генеалогическим древом, приведенным в Книге Бытия. Во-первых, и в том и в другом случае мы имеем дело со списками, в которых упомянуто десять имен (до потопа); во-вторых, в каждом списке упомянутым в них правителям отведена ненормально долгая жизнь; в-третьих, седьмой человек в каждом списке отмечен схожими качествами. Седьмой царь в шумерской истории считался обладающим особой мудростью во всем, что касалось отношений с богами и первым человеком на земле, которого обожествили. Седьмое имя в списке Ж – Энох, о котором сказано, что «он шел с Богом», и которого, как сказано в более поздней еврейской истории, взяли на небеса до того, как он закончил свой земной путь. Возможно, это чистое совпадение, что в одном из списков Ларсы – восемь имен, а во втором – десять, точно так же, как в списке Я-Э восемь имен, а в списке Ж – десять. Однако остальные совпадающие элементы слишком бросаются в глаза, чтобы быть случайными. Трудно не предположить, что служитель церкви предварил свой рассказ о потопе списком десяти патриархов, проживших небывало длинные жизни, потому что к тому времени этот элемент вавилонской мифологии уже стал частью истории его собственного народа.

Было высказано предположение, что невероятные числа и даты, приведенные в списках шумерских царей, являются продуктом астрологических расчетов, чего не было в еврейской литературе до появления апокалиптических текстов. Однако более правдоподобной причиной появления столь невероятных цифр в церковной генеалогии представляется то, что они должны полностью соответствовать церковной хронологии, которая отвела определенное количество лет периоду от сотворения мира до основания Храма Соломонова. Этот период был разделен на эпохи, первая из которых, от сотворения до потопа, составляла 1656 лет.

В вавилонском мифе о потопе боги решили уничтожить человечество по довольно абсурдной причине: якобы люди стали производить столько шума, что мешали богам спать по ночам. Древним мифотворцам даже в голову не пришло изобрести сколько бы то ни было нравственный повод для такого сурового решения. Однако для еврейского писателя миф о потопе, созданный в традициях его народа, как показывают различные поэтические и пророческие элементы, стал ужасным событием, катастрофой, вызванной восстанием человека против Бога. Он стал эпизодом «истории о спасении», потому что спасенному предстояло выполнить божественный план воссоздания жизни на земле. По этой причине любой другой мифологический материал используется как некое вступление к мифу о потопе, чтобы показать, насколько испорченным стало к тому моменту человечество. В главе 6: 1–4 мы видим фрагмент мифологического материала, изначально никак не связанного с мифом о потопе, но использованного Яхвистом, чтобы показать растущее неповиновение законам и агрессивность человечества, что и заставило Яхве уничтожить его. Миф о союзе между божественными существами и смертными, в результате которого на свет появились полубоги или герои, мы находим в древних шумерских и вавилонских источниках, чье влияние на ханаанскую мифологию проявляется в угаритских текстах. Мы уже заметили это влияние на примере еврейских мифов о творении, а греческая мифология является доказательством его распространения уже на раннем этапе.

За короткими и несколько туманными фразами в Книге Бытия (6: 1–4) скрывается гораздо более известный миф о роде полубогов, которые восстали против богов и были низвергнуты в преисподнюю. Существа, которые в стихе 4 названы нефалимами, и великаны

из Шестикнижия, считавшиеся детьми союза между «сыновьями Господа» и дочерьми людей, упомянуты в стихе 1. Собрание меньших по значимости богов, о которых часто говорится в шумерских, вавилонских и угаритских мифах, а также в еврейской мифологии и поэзии, трансформировалось в своего рода божественный совет «сынов Господа», на котором председательствовал Яхве. Вспомните, например, сцену в главе 1 Книги Иова, где сыны Господа приходят представиться Яхве (Иов, 1: 6). Элементы этого мифа можно также найти в Числах, 13: 33, где нефалимы предстают в качестве спасшихся представителей рода великанов, которых евреи обнаружили в Ханаане, когда пришли в эту страну. Еще одно возможное упоминание о них имеется в Книге Иезекииля, 32: 27, где содержится лишь аллегорическое упоминание о великанах. В апокалиптической литературе и Новом Завете миф подвергся дальнейшей трансформации и превратился в миф о падших ангелах, столь превосходно воссозданный Мильтоном. Фрагмент этого мифа, сохраненный яхвистом, первоначально был этиологическим мифом, объясняющим веру в существование исчезнувшей расы великанов. Однако яхвист использует его, чтобы поддержать идею о постоянной деградации человеческой расы, и таким образом соединяет его с целью Яхве стереть человечество с лица земли.

Миф о потопе

Мы уже знаем, что среди древних традиций Израиля существовало несколько версий мифа о творении. То же относится к мифу о потопе. В том виде, в котором мы находим его в Книге Бытия, он представляет собой переплетение двух версий одного и того же повествования. Со второй версией мифа об уничтожении рода человеческого мы разберемся позже. Что касается еврейской поэзии и пророческих писаний, то в них тоже упоминается миф о потопе. Если мы проведем сравнительный анализ двух версий этого мифа (у ях-виста и жреческого автора), то увидим сходство и различие между ними, а также связь обеих версий с месопотамскими источниками.

Шумерский	Вавилонский	Яхвист	Жреческий автор
Энлиль повелевает уничтожить человечество, т. к. люди мешают ему своим шумом	Боги велят устроить потоп	Яхве велит уничтожить людей из-за их порочности	Элохим велит уничтожить все живое из-за его порочности
Нинту (Иштар) протестует	Иштар протестует	—	—
Зиусудра (аккадский Атрахасис) — герой потопы	Утнапиштим — герой потопы	Ной — герой потопы	Ной — герой потопы
Благочестие Зиусудры	—	Яхве благоволит к Ною	Ной — единственный праведный человек перед Элохимом
Энки (Эа) предупреждает Зиусудру во сне через стену тростниковой хижины	Эа предупреждает Утнапиштима через стену хижины	—	Элохим предупреждает Ноя
Судно Зиусудры — большой корабль	Корабль — куб (120 × 120 × 120, семь этажей, девять отсеков)	—	Ковчег (300 × 50 × 50), три этажа
—	Все виды животных	Повеление взять в ковчег семь пар чистых и две пары нечистых животных	По одной паре всех животных
—	—	Яхве закрывает Ноя внутри	—
Потоп и буря	Буря и проливной дождь	Дождь	Разверзлись хляби небесные
Длительность потопы семь дней	Длительность потопы шесть дней	Длительность потопы сорок дней (ослабевает после двух (трех) периодов по семь дней)	Приведены точные даты начала и конца потопы. Длительность потопы сто пятьдесят дней
—	Корабль причаливает к горе Ницир	—	Ковчег причаливает к горе Арарат

Продолжение табл.

Шумерский	Вавилонский	Яхвист	Жреческий автор
—	Утнапиштим выпускает голубя, ласточку и ворона	—	Ной выпускает ворона и голубя
Зиусудра приносит жертву богу солнца на корабле	Утнапиштим приносит жертву на горе Ницир	Ной приносит жертву на алтаре	—
—	Учуяв жертвенный запах, слетаются боги	Яхве чувствует благоухание	—
Зиусудра наделен бессмертием	Утнапиштим и его жена получают в награду бессмертие	Яхве во имя человека решает больше не проклинать землю	Бог дает Ною обещание больше не насылать потоп на землю
—	Ожерелье Иштар из ляпис-лазури — памятный подарок	—	Бог дарит на память радугу

Из приведенной таблицы ясно видны месопотамские корни мифа о потопе, уже не говоря о поразительном сходстве вавилонской и древнееврейской версий. Различия между яхвистской и жреческой версиями предполагают, что они опирались на различные варианты мифа, при этом жреческая версия ближе к месопотамским источникам. В более поздней еврейской литературе миф о потопе упоминается довольно часто. В псалме 29: 10 говорится, что Яхве воцарился на троне во время потопа, а в Книге пророка Исаии, 54: 9 о потопе упоминается как о «водах Ноя». Здесь Яхве вспоминает о своем обещании не уничтожать человечество с помощью потопа еще раз (это обещание упоминается в жреческой версии). Размеры корабля, приведенные в вавилонском мифе, больше напоминают дом, нежели корабль; при этом выдвигается весьма сомнительная теория о том, что в этих размерах сохранена история о том, что «зиккураты» первоначально проектировались как места, где можно укрыться от наводнений.

Вполне возможно, что жреческий автор не включает в свой текст упоминания о чистых и нечистых животных и описания жертвоприношений, потому что он считает, что все эти понятия появились только при Моисее. В его версии мы обнаруживаем модель, которую он применил к истории взаимоотношений рода человеческого и Божественного провидения. Он видит, как эта цель постепенно раскрывается, причем на каждом этапе появляется договор, отмеченный особым знаком. Сначала это договор с Ноем, отмеченный радугой; затем это договор с Авраамом, отмеченный обрезанием; и, наконец, договор с Израилем, отмеченный субботой. В повествовании от яхвиста нет упоминаний о подобных договоренностях, поскольку он считает, что поклонение Яхве и институт жертвоприношений существовали и до потопа.

Миф о Вавилонской башне

Это последний из мифов, которые составители Ветхого Завета включили в первые одиннадцать глав Книги Бытия. Миф помещен в сборник этнологических и генеалогических примечаний, сделанных частично последователями Яхве, а частично — жреческим автором. Все вместе они запечатлели древнееврейское представление о народах, живших вокруг Израиля, в особенности ассирийцах, вавилонянах и египтянах. Хотя детали зачастую неточны, однако в целом эти представления о этнологии и географии соответствуют картине Древнего мира на заре еврейской истории. Сыновья Иафета, народы иафетской группы,

населяют Кавказ и северо-запад Малой Азии, сыновья Хама, или хамитская группа, представленные египтянами и ливийцами, расселены в Египте, Нубии, Эфиопии и Северной Африке. Что касается ханаанцев и южных арабов, которые принадлежат к семитской группе, они тоже включены в хамитскую группу, что неверно с современной точки зрения. Сыновья Сима, которых мы сейчас считаем семитскими народами, согласно жреческой версии, включают в себя эламитов (которые не относятся к семитской группе) и лудов (тоже не семитов). Что касается яхвистской версии мифа, то потомки Сима в большинстве своем отнесены к южноарабским народам, а генеалогия Евера не идет дальше его старшего сына Фалека, имя которого не вызывает этнических ассоциаций.

Такова панорама, на фоне которой разворачивается действие мифа о Вавилонской башне. Некоторые современные ученые считают, что в основе современного текста этого мифа лежат две отдельные истории. Одна из них связана со строительством города Вавилона и происхождением различных языков; вторая сосредоточена на строительстве башни и расселении народов на земле. Обе истории соединены яхвистом в связное повествование. Правда, вполне возможно, что это переплетение уже существовало в источнике, которым он пользовался.

Совершенно очевидно, что миф абсолютно независим как от этнологического окружения, в которое он был помещен, так и от мифа о потопе. Он повествует о первых людях, поселившихся в дельте Евфрата, о начале использования глины для производства кирпичей, о строительстве города и башни. Несмотря на очевидное месопотамское влияние, эта история не может быть вавилонской по происхождению. В вавилонском мифе не могло быть ссылки на «зиккураты» как на нечестивую попытку добраться до небес, ведь вавилоняне считали «зиккураты» связующим звеном между небом и землей. К тому же в вавилонском мифе священное слово «Вавилон» («ворота бога») никак не могло бы происходить от еврейского корня *bll* («путаница»), с которым оно не имеет никакой этимологической связи. Скорее этот миф отражает отношение кочевников, пришедших на плодородные равнины дельты, которых охватили изумление и ужас при виде огромных башен вавилонских городов и которые были ошеломлены многочисленностью народов, говорящих на самых разнообразных наречиях древнего Ближнего Востока.

В рассказе библейского автора о расселении на земле потомков Ноя появление различных народов и языков считается естественным результатом роста населения и движения народов, а не результатом Божественного провидения. Так, хотя автор воспринял эту историю и сохранил ее в окончательном варианте Ветхого Завета, она, очевидно, была частью источника, которым он пользовался при компиляции этнологических ссылок в главе 10. Это повествование не связано и с историей о потопе, и ее можно сравнить с коротким фрагментом из версии яхвиста, включенным в библейскую генеалогию в главе 5: 29. Единственной ссылкой на историю о потопе можно считать освоение винограда, которое произошло после потопа, но это открытие вряд ли можно считать утешением для поколения, погибшего при потопе.

Яхвист использует этот миф, чтобы подкрепить свою точку зрения на природу человека и на божественную деятельность, пример которой мы нашли в мифах о творении и потопе. Он считает, что даже после потопа природа человека осталась неизменной (8: 21); «помышление сердца человеческого – зло от юности его», и в этом мире он видит лишь доказательство того, что человек по-прежнему стремится стать равным Богу, что привело к его первому падению. Он по-прежнему считает Яхве превосходящим человека в знании и силе, пресекающим тщетные попытки человека встать вровень с небом и привносит в миф историю о милости Яхве, который вознаграждает человека за послушание и веру.

Как и в случае с большей частью мифологического материала, напрямую или опосредованно позаимствованного иудейскими авторами из месопотамских источников, этот миф был трансформирован таким образом, чтобы через символы передать картину божественной деятельности и отношения между Богом и человеком в интерпретации пророков Израиля.

Мы наблюдаем аналогичный процесс в развитии египетской религии, а также шумерской мифологии. Первоначальная форма египетского мифа о творении подверглась значительной трансформации мемфисскими теологами, а мифы шумерского царства видоизменились, чтобы выразить идеологию ассирийской и вавилонской религии. Но если мы говорим об использовании месопотамской и ханаанской мифологии израильтянами, то следует отметить, что процесс трансформации проходил куда более радикально и имел под собой более глубокую религиозную подоплеку, что делает необходимым более глубокое и всестороннее изучение еврейской мифологии. Однако мифами, собранными в первых одиннадцати главах Книги Бытия, не исчерпывается мифологический материал, содержащийся в еврейской литературе.

Миф о разрушении городов равнины

Мы уже знаем, что широко распространенный миф об уничтожении человечества принял различные формы в Египте, Месопотамии и, возможно, в угаритской мифологии, если мы можем считать таковым миф о победе Анат над врагами Баала. В основе содержащейся в Книге Бытия истории об уничтожении Содома и Гоморры и спасении Лота ясно просматривается еще одна форма мифа об уничтожении человечества, которая сохранилась и в христианской эсхатологии.

В дошедшем до нас виде история о разрушении Содома и Гоморры является составной частью повествования об Аврааме. Она вбирает в себя разные пласты древнееврейской истории, один из которых отражает миф об уничтожении человечества, не связанный с мифом о потопе. В главе 13 Книги Бытия содержится рассказ о том, как Лот ушел от Авраама вместе со всем своим имуществом и избрал для себя «окрестность Иорданскую». Эта земля, «прежде нежели истребил Господь Содом и Гоморру, вся до Сигора орошалась водою». Здесь содержится намек на то, что в соответствии с исторической традицией, на которую опирается яхвист, Мертвое море и состояние безжизненности и запустения юга Иордании были результатом деятельности Божественного провидения, которое разрушило города равнины, или «окрестности». Согласно его повествованию, города были разрушены потоком огня и серы, обрушившимся с небес. Судя по всему, причиной тому была развращенность жителей городов, точно так же, как потоп был вызван испорченностью человечества. Лот был спасен благодаря вмешательству Авраама. Ангелы, способствовавшие его спасению, повелели ему не оборачиваться. Кстати, этот элемент часто повторяется в фольклоре. Однако жена его оборачивается и превращается в соляной столб, и единственными выжившими оказываются Лот и его две дочери. Затем следует история двух главных врагов Израиля, Моава и Аммона. Их рождение приписывается инцесту между Лотом и его дочерьми, что произошло, когда Лот был пьян, что сродни стыду и опьянению Ноя после спасения от потопа. В главе 19: 31 дочери Лота говорят: «Нет человека на земле, который вошел бы к нам по обычаю всей земли», имея в виду полное уничтожение человечества. Поэтому становится ясно, что здесь мы имеем дело с фрагментом мифа об уничтожении человечества, свободным от влияния месопотамских источников, на которые опираются еврейские истории о потопе. Рассказ о божественных гостях и их радушном приеме Авраамом, который контрастировал с приемом, оказанным им людьми Содома, эхом повторяется в рассказе Овидия о приеме Зевса и Гермеса Филемоном и Бавкидой, после чего водный поток уничтожил негостеприимных жителей городка.

В писаниях пророков Израиля содержится много ссылок на этот миф, причем таких, что предполагают наличие еще одной формы того же мифа. Они используют слово «опрокинуть», чтобы описать разрушение злонравственных городов. Причем в еврейском языке это слово чаще всего используется применительно к землетрясению.

Культовые мифы

Уже упоминалось, что среди мифов, которые мы относим к числу обрядовых, сам ритуал сопровождался чтением текстов или распеванием псалмов. Эта часть ритуала называлась «миф», который описывал разыгрываемую в ритуале ситуацию. Вавилонский миф о творении, который распевался (или декламировался) служителями культа на празднике Нового года, описывал ситуацию, центральным сюжетом которой была победа Мардука над драконом Тиамат и ее последствия: сотворение мира, наведение порядка из доисторического хаоса. Ситуация была реальной, хотя ее никак нельзя назвать историческим фактом: каким-то образом в определенный период времени началась деятельность по наведению порядка. Эта деятельность была описана через символические образы богов и драконов, поколения, смерти и воскрешения. Но за этими символами была определенная реальность.

Мы знаем, что большая часть древнего мифологического материала была включена в традиции Израиля, однако там происходило и нечто абсолютно новое, не имеющее аналогов в других традициях. Рождалось новое понимание реальности, реальности Господа Израилева. Его возникновение окутано тайной; возможно, все началось с Авраама, который больше не считается мифической фигурой. А возможно, все началось с Моисея, однако к тому времени, когда яхвист составлял и создавал древнейшие хроники Израиля, сам Яхве, Господь Израилев, стоял как скала на фоне туманных концепций многобожия. По контрасту с расплывчатыми фигурами египетских, вавилонских или ханаанских богов Яхве был реальной личностью со своим характером, нравственными установками и целью, которая придавала смысл событиям истории Израиля.

Одним из результатов этого развития стало новое использование мифа применительно к времени и обстоятельствам. Сказания о патриархах в Книге Бытия свидетельствуют о том, что племенные традиции, относящиеся к древнейшему периоду, были сохранены в устной или письменной форме. Истории освобождения израильтян из египетского рабства при Моисее, о многолетних странствиях по пустыне и о завоевании страны Ханаан при Иисусе Навине показывают, что национальные исторические традиции также были сохранены с самых древних времен. Археологические раскопки свидетельствуют, что, когда евреи вошли в Ханаан и расселились там, они заняли такие великие культовые центры, как Шехем, Бетель и Шилох, и сделали их племенными или территориальными центрами культа Яхве. Еще до того, как Соломон сделал Иерусалим главным культовым центром, именно в этих местных центрах поклонения Яхве и праздновались все основные праздники. Во Второзаконии описан один из таких сезонных обрядов, который совершался в местном храме во время праздника сбора урожая, позже названного праздником Кущей. Израильтянин приносил свои подношения, передавал их служителю культа, а тот складывал их у алтаря. Затем следовало то, что мы сейчас называем праздничной литургией, сопровождаемой антифональным пением. Судя по всему, этот фрагмент Второзакония призван показать, что традиции и история Израиля, относящиеся к далекому прошлому, были сохранены служителями культа в местных храмах, приобрели форму литургии и были переданы последующим поколениям израильтян. Точно так же, как миф о победе Мардука над Тиамат декламировался на вавилонском празднике Нового года, так и на сезонных праздниках Израиля мифы, обрядовые чтения о великих деяниях Яхве были их центральной частью. Здесь также следует отметить, что пророки Израиля, которые интерпретировали прошлое Израиля в рамках «истории спасения», использовали мифологические образы Вавилона, чтобы описать освобождение народа Израиля из египетского рабства как результат воли и действий Яхве. Египет обрел образ дракона, пораженного мечом Яхве. Это называется историзированием мифа, но было бы правильнее считать этот процесс новым использованием мифологического повествования. Далее мы приведем некоторые из таких важнейших культовых мифов.

Пасхальный культовый миф

Не подлежит сомнению, что в основе Книги Исхода, повествующей о бегстве

израильтян из Египта, лежат исторические события, тем не менее форма, в которую облечен рассказ об этом событии, не является историей. Повествование о десяти бедствиях, из-за которых фараон был вынужден отпустить израильтян, о том, как расступилось Красное море, чтобы израильтяне могли пройти через него, о силе, заключенной в посохе Моисея, и об огненном столпе, посредством которого Яхве продемонстрировал свое присутствие своему народу, – все это составляет форму, в которой сохранено описание могущественных деяний Яхве и которая декламируется в литургической антифонию каждую весну на празднике еврейской Пасхи. В Книге Исхода ясно показано, что миф, сопровождающий обряд Пасхи, получил форму литургических ответов, а вся «служба», как здесь называется все действо, имела своей целью прославление Яхве и напоминание о его спасительной деятельности. Возможно, ритуал зарождался как чисто семейный обряд, но скоро превратился в праздник, проходящий у центрального святилища. Впоследствии его стали отмечать исключительно на территории иерусалимского храма. Тщательное изучение деталей всех десяти несчастий, обрушившихся на египтян, показывает, что здесь речь идет не об исторических событиях. Например, после того, как Моисей превратил всю воду Египта в кровь, нам говорят, что то же самое сделали и маги фараона, что просто невозможно, поскольку к тому времени все воды Египта, включая Нил, уже превратились в кровь. В литургиях Псалтиря несколько раз повторяется главный рефрен культового мифа о еврейской Пасхе, например, в псалмах 78 и 105, а особенно в псалме 136, где очень отчетлив антифональный характер литургии, когда на каждую фразу священнослужителя собравшиеся откликаются: «И будет его милость с нами всегда». В этих псалмах культовый миф сохранен в своей неизменной литургической форме, хотя в Книге Исхода он используется составителями Пятикнижия как основа «истории спасения».

Миф о богоявлении на Синае

Мы уже говорили, что вышеупомянутый культовый миф не содержит в себе упоминания об одной из важнейших черт «истории спасения», а именно о явлении Яхве на горе Синай и заключении завета с народом Израиль. Высказывается предположение (и вполне обоснованное), что в основе весьма запутанного повествования в Книге Исхода лежит культовый миф, независимый от пасхального культового мифа и связанный с другим культовым событием. Мы уже ссылались на факт, подтвержденный археологическими раскопками, что израильтяне захватили ханаанские святилища после своего появления в этой стране и превратили их в центры поклонения Яхве. Одним из наиболее важных из этих культовых центров был Шехем, и в главе 24 Книги Иисуса Навина мы находим рассказ о сборе всех колен Израилевых в Шехеме, декламации пасхального культового мифа и совершении, согласно завету, ритуала у священного дуба в Шехеме, «который был в святилище Яхве». Во Второзаконии мы находим описание аналогичного ритуала на горах Геваль и Гаризим, то есть в Шехеме.

Поэтому, судя по всему, в ранний период поселения израильтян на земле Ханаан в Шехеме отмечался праздник, во время которого декламировались мифы о богоявлении на горе Синай и даровании израильтянам завета. В Книге Иисуса Навина (8: 30–35) описывается совершение этого ритуала самим Иисусом в Шехеме в присутствии «всех сынов Израилевых», и там же сказано, что он зачитал народу все пункты завета. «Из всего, что Моисей заповедал Иисусу, не было ни одного слова, которого Иисус не прочитал бы пред всем собранием Израиль». Также сообщается, что одним из элементов этой церемонии было торжественное подтверждение завета, который, согласно традиции, был заключен Яхве с Израилем на Синае.

Из культового мифа, в который включено это событие, нельзя понять, что именно происходило на Синае, да и его географическое положение так до конца и не установлено. Однако ясно, что все детали рассказа об исходе и пасхального мифа призваны показать величие и недостижимую святость Яхве. Важная деталь богоявления – миф о Присутствии,

Шехине, который считается исключительной принадлежностью израильтян. Начало этого мифа можно увидеть в повествовании о первом завете с Авраамом. Совершив древнейший ритуал рассечения жертвенных животных, Авраам в состоянии транса видит, как Яхве идет между рассеченными телами животных в виде «дымящегося горна и горящего пламени». Затем на границе Красного моря Яхве появляется в виде огненного столпа и проходит между израильтянами и их преследователями. Этот символический элемент проходит через всю историю Израиля. В пророчествах Исаяи появление Яхве в Сионе в виде горящего пламени объявляется защитой Иерусалима от его противников и одновременно наказанием безбожников. Однако самое причудливое развитие этого мифа дается в видении Иезекииля. Пророк видит «великое облако и клубящийся огонь» (Иез., 1: 4). Облако рассеивается, появляется видение херувимов и трона Яхве, и пророк видит, как Яхве покидает храм и город.

В Новом Завете миф о Шехине еще раз появляется в синоптическом повествовании о Преображении Господнем, где сверкающее облако накрывает учеников Господа. В Первом послании коринфянам апостол Павел говорит, что Израиль был «крещен» в Моисея на облаке, превращая миф в символ христианского крещения.

Миф о богоявлении на Синае, сохраненный в культовых центрах Израиля и декламируемый на празднике возобновления завета, так глубоко вошел в литературную традицию Израиля, что стал пасхальной культовой легендой. Она вновь и вновь воссоздается в поэзии Израиля. В древнейшей «Песне Деборы», прославляющей победу над ханаанцами, которую, как полагают многие ученые, распевали на культовых праздниках, также содержится описание явления Яхве на Синае.

На вавилонском памятнике, известном как обелиск Хаммурапи, изображен царь, принимающий от бога Шамаша древний свод законов, известный как законы Хаммурапи. Святость этого кодекса была подтверждена в мифе о принятии его царем из рук божества. Поэтому в случае с древним сводом законов Израиля, содержащимся в Книге Исхода и обычно называемым Книгой Завета, законы изложены в виде повествования, основанного на культовом мифе о богоявлении на Синае. Согласно общепринятому мнению, законы были написаны на каменных табличках и вручены богом Яхве Моисею, что означало их святость.

Теперь мы переходим к рассмотрению других мифологических элементов в истории Израиля. Но перед этим будет полезно сказать несколько слов о рационализации мифов. Вполне возможно (и такие попытки иногда предпринимались) объяснить «чудеса» Ветхого и Нового Заветов природными явлениями. Так, десять трагедий в Египте объяснялись чисто природными условиями, которые были использованы Моисеем, чтобы возбудить суеверный ужас у фараона и его народа. Падение иерихонской стены было объяснено последствиями землетрясения. Оно стало причиной запруживания русла реки Иордан, что дало возможность израильтянам пройти посуху. Однако такой подход может привести к тому, что будет упущено из виду реальное значение и важность мифа и умонастроение тех, кто записывал историю Израиля как «историю спасения». Для тех, кто, как пророки Израиля, верили, что Бог с самого начала принимал активное участие в истории народа Израиля, миф был продолжением мифологических символов. Например, деятельность Бога по сотворению мира могла быть описана исключительно через символические образы, а традиционные мифы, заимствованные из Месопотамии, давали для этого уже готовый материал. Тот же самый язык использовался, чтобы описать божественные проявления силы и могущества, причем это было единственное средство для выражения их эсхатологии и представления о конце истории. Дракон, которого победил Яхве, чтобы создать порядок из хаоса, будет повержен им еще раз, чтобы восстановить нарушенный порядок.

Миф об Иисусе Навине

Мифологическая аура, окружавшая Моисея, в некоторой степени затрагивала и его

помощника и преемника Иисуса Навина. Так, мы находим интересный мифологический элемент, связанный с фигурой Иисуса Навина как царственного воина-предводителя израильтян, когда они вошли на Землю обетованную. Одной из отличительных черт образа царя, как это сказано во Второзаконии, является изучение положений завета, и в начальных строфах Книги Иисуса Навина мы узнаем, что он был склонен не столько раздавать указания, сколько размышлять над сводом законов и днем и ночью, что весьма необычно для воина, но является отличительной чертой «избранного» царя. Затем идет описание богоявления Иисусу Навину, причем оно очень напоминает описание явления Бога Моисею. Иисусу является фигура с мечом в руке. Он бросает незнакомцу вызов, и тогда тот объявляет, что находится здесь как «принц сонма Господня». Он приказывает Иисусу снять обувь, потому что место, где он стоит, – святая земля. Он говорит теми же словами, что были обращены к Моисею в Мадяне. Далее следует рассказ о завоевании Иерихона. Иисусу велят отдать приказ: весь народ Израиля, во главе с семьёю священнослужителями, несущими семь медных труб, сделанных из рогов барана, и священный ковчег, должен в течение шести дней обходить город кругом. А вот на седьмой день они должны сделать это семь раз. Затем священнослужителям надлежит торжественно протрубить в трубы, и по этому сигналу все люди издадут крик, от которого падут стены Иерихона. Иисус выполняет все, что ему велено, и обещанное свершается. Одним из элементов осеннего праздника Нового года был торжественный звук трубы в первый день седьмого месяца. Вполне вероятно, что в этом рассказе о падении Иерихона мы имеем дело еще с одним культовым мифом. Другие ссылки в Книге Судей дают основание усомниться в том, что Иерихон действительно был завоеван.

Примечателен еще один элемент мифа об Иисусе Навине. В главе 9 есть рассказ о том, как жители Гаваона обманом вынудили Иисуса заключить с ними мирный договор, и как тот, узнав правду, оставил договор в силе, но низвел жителей Гаваона до положения рабов. Очевидно, что это своего рода этиологическая сказка, объясняющая традиционное подчинение гаваонитов племени Эфраима. Далее повествуется о том, как пять ханаанских царей напали на Гаваон, жители которого обратились к Иисусу за помощью. Его победа над пятью царями описана в таких же мифологических образах, что и захват Иерихона. Разгром сил ханаанцев был в основном совершен ужасающим ливнем. «Господь бросал на них с небес большие камни до самого Азека, и они умирали; больше было тех, которые умерли от камней града, нежели тех, которых умертвили сыны Израилевы мечом» (Иис. Н., 10: 11). Однако окончательная победа стала возможной только благодаря тому, что Иисус воззвал к солнцу, чтобы оно не заходило, пока все враги не будут уничтожены. В одном из произведений еврейской поэзии говорится, что «солнце замерло, и луна замерла, пока народ Израиля не истребил врагов своих». Составитель сборника еврейской поэзии пишет, что этот отрывок взят из Книги Яашар, которая считается древним собранием еврейских песен. Он заканчивает словами: «Не было дня подобного этому ни ранее, ни потом, когда бы Господь прислушался к голосу человека». Этот эпизод также подвергнулся рационализации, но общая идея и общий настрой оставался прежним, поэтому его следует считать фрагментом древнего мифа, призванного прославить фигуру Иисуса и представить его как обладателя такой силы, которой не было даже у Моисея. Хотя рассказчик считает, что в анналах истории Израиля не было равных этому эпизоду, нечто подобное зафиксировано в жизнеописании пророка Исаяи. Царь Изекийя был болен, и Исаяя предсказал, что он выздоровеет и проживет еще пятнадцать лет. Царь спросил, какой знак предвещает столь благоприятный исход, и пророк предложил ему на выбор два знака – тень на часах Ахаза может сдвинуться вперед или назад. Царь сказал, что последнее ему нравится больше; далее рассказчик повествует, что «Исаяя воззвал к Богу, и тот передвинул тень на 10 градусов назад, из-за чего она сдвинулась вниз на циферблате Ахаза». Автор Книги Екклесиаста упоминает об этом случае и проводит параллель между ним и чудом, сотворенным Иисусом. «Разве не сдвинулось солнце силой его руки, и разве не стал один день равен двум?» (Еккл., 46: 4). Интересно также отметить сходство между отношениями Иисуса и Моисея и Елисея и Илии. Считается, что Елисей получил двойную силу Илии после того, как тот поднялся на небеса в колеснице из огня.

Иисус также совершает нечто более чудесное, чем сам Моисей.

Миф о ковчеге

С мифом о Шехине тесно связан миф о ковчеге. В ранней истории Израиля ковчег имеет двойную ассоциацию. Согласно одной исторической традиции, он связан с путешествиями по диким землям и первой эпохой поселений в Ханаане. Другая традиция связывает его с Давидом и культом Иерусалима. Установлено, что кочевые племена арабов с древних времен перевозили свой скарб в деревянном сундуке в специальной палатке на спине верблюда. Поэтому в эпоху ранних поселений, когда племена кочевали независимо друг от друга, как это и было согласно Книге Судей, у каждого племени, возможно, был свой собственный священный сундук. Согласно культовому мифу о богоявлении на Синае, все двенадцать колен Израиля собрались у подножия Синая и заключили завет. Но мы знаем, что лишь небольшая часть этих колен двинулась в Египет и позднее была освобождена Моисеем. Мы также знаем, что объединение израильтян в двенадцать колен совершилось много лет спустя после поселения в Ханаане, вероятно, только при Соломоне. Поэтому традиция, согласно которой поселение израильтян в пустыне представляет собой симметрично оформленную площадь, где расположены двенадцать колен с ковчегом посередине, больше относится к культовому мифу, нежели к истории. Согласно традиции, связывающей ковчег со странствиями по пустыне, он находился впереди двенадцати колен и опережал их на три дня, чтобы священнослужители, несущие его, могли найти место для стоянки. Так происходило все сорок лет странствий по пустыне, и кульминация этого путешествия наступила, когда племена перешли реку Иордан и взяли Иерихон. Трудно сказать, что в действительности стоит за этим мифом. В Книге Исхода говорится, что Моисей поставил шатер за границей лагеря и назвал его «скинией собрания». Когда он входил в шатер, опускался Шекинах, столп облачный, у входа в него, и из облака Яхве разговаривал с Моисеем, а люди наблюдали за ними. Во Второзаконии Моисей говорит израильтянам, что после того, как они сотворили золотого тельца и нарушили первые скрижали закона, Яхве повелел ему сделать деревянный ковчег, или сундук, и поместить туда вторые скрижали со сводом законов. Далее он говорит, что выполнил наказ Яхве, таблички эти все в сундуке. Таким образом, мы имеем дело с историей о шатре и ковчеге, которая сильно отличается от культового мифа. Следует также отметить, что в благословениях и проклятиях, произносимых у святыни Шехема, нет упоминания о ковчеге.

В Книге Судей имеется единственное упоминание о ковчеге, хотя можно было ожидать сведений и рассказов, что ковчег принимал участие в различных военных кампаниях и войнах, в которых израильские племена (колена) участвовали в период поселения в Ханаане. Такое упоминание встречается только в конце книги и несколько отличается по содержанию от истории из Книги Иисуса Навина, где говорится, что шатер встреч и ковчег находятся в Шилохе. В примечании, которое сделано составителями Книги Судей, говорится, что ковчег с текстом завета с Господом Богом находится в Бетеле и что охраняет его правнук Аарона.

Первый эпизод связан с захватом ковчега филистимлянами. В схватке между филистимлянами и израильтянами последние терпят поражение. Старейшины принимают решение послать за ковчегом, и его приносят в лагерь два сына Илии, Хофни и Финеас. Когда филистимляне узнают об этом, они приходят в ужас: «Кто спасет нас от рук этих могущественных богов? Эти боги победили египтян, наслав на них страшные несчастья». Однако они все-таки собираются и нападают на израильтян, побеждают их в страшной битве и захватывают ковчег. Они уносят его и помещают в храме Дагона в Ашдоде. Когда утром священнослужители входят в храм Дагона, они видят, что его истукан лежит ниц перед ковчегом. Они ставят его на место, а на следующее утро они находят его на полу сломанным, а ноги и руки его лежат на пороге храма. Здесь рассказчик отмечает, что это причина, по которой с тех пор никто не наступает на порог храма. Видимо, именно этот случай имеется в виду, когда Яхве говорит: «Я накажу всякого, кто наступит на мой порог».

Далее традиция повествует о том, как филистимляне переносили ковчег из одного города в другой. И куда только ни приносили его, все жители этого города погибали от разного рода бедствий, как когда-то египтяне. Наконец, через семь лет филистимляне решили вернуть ковчег на родину вместе с соответствующими подношениями. Они поместили ковчег на новую повозку, в которую запрягли двух молочных коров, и сказали, что если коровы доvezут повозку с ковчегом до места, то они будут знать, что их покарала рука Господа. Если же нет – значит, все это было лишь совпадением. И они пустили повозку по дороге к Израилю. За повозкой шли толпы филистимлян, желающих посмотреть, что же будет. Нагнув шеи, коровы двинулись прямо в Вефсамис и «ни разу не свернули ни вправо, ни влево». Жители Вефсамиса в это время собирали на полях урожай ячменя и возрадовались, увидев, что ковчег вернулся. Легенда завершается трагически: Яхве покарал жителей Вефсамиса за то, что они осмелились заглянуть внутрь ковчега. Мифический характер легенды проявляется в невероятном количестве погибших от руки Господа – 50 070. Очевидно, эта история является культовым мифом, целью которого было прославить Бога израильтян и подчеркнуть неприкосновенную святость ковчега.

Та же тенденция прослеживается и в следующем эпизоде, связанном с ковчегом. В псалме 132 сохранена традиция, согласно которой во время правления Саула и борьбы с филистимлянами ковчег исчез и, когда Давид хотел перенести ковчег в новую столицу Иерусалим, его пришлось искать. Он был обнаружен в Кириаф-Иариме, куда его отвезли после несчастья в Вефсамисе. Там он оставался в забвении, пока Давид, возможно по совету оракула, не послал за ним. Во Второй книге Царств рассказывается, как Давид привез ковчег на новой повозке, запряженной быками, из Кириаф-Иарима под звуки музыки и песен. Затем случилась катастрофа, подобная той, которая произошла в Вефсамисе. Быки споткнулись или взбрыкнули, испугавшись музыки и танцев, и возникло опасение, что ковчег перевернется. Узза, один из сопровождающих ковчег, протянул руку, чтобы не дать ему упасть, и тут же упал замертво, к великой печали Давида и всех присутствующих. Давид повелел отнести ковчег в дом Аведдара-Эдома, человека из Газы, и ждал три месяца, не случится ли какое-нибудь несчастье с семьей хетта. Поскольку ничего не произошло, Давид перенес ковчег, на сей раз без происшествий, в специальный шатер, подготовленный в Иерусалиме. Псалом 132 считается процессуальной литургией, и, хотя оба эпизода имеют историческую основу, очевидно, что культовый миф возник вокруг традиции, возможно, содержащей этиологический элемент, объясняющий неприкосновенность священного камня в Вефсамисе и названия Перес-Узза. Интересно отметить, что демифологизацию ковчега можно найти в предсказаниях пророка Иеремии. В Книге пророка Иеремии говорится: «В те дни, говорит Господь, не будут говорить более: «ковчег завета Господня»; он и на ум не придет, и не вспомнят о нем, и не будут приходить к нему, и его уже не будет» (Иер., 3: 16). Пророк, очевидно, считал ковчег предметом культа, на который распространялось благочестивое суеверие и который потерял бы свое значение в глазах тех, кто получил полное знание о Яхве, содержащееся в пунктах договора.

Мифы о Елисее и Илии

Нет никакого основания сомневаться в существовании двух пророков, но тем не менее вокруг них сформировалось огромное количество мифов. Во время правления династии Омри в IX веке до н. э. (надо сказать, что это был период процветания страны) вдруг появляется фигура Илии. При этом ничего не говорится о его происхождении или о его призвании стать пророком. Он возглавил движение протеста против растущего синкретизма религии израильтян. Он и его преемник Елисей организовали бунт, который привел к падению династии Омри. В Книгах Царств мы встречаем упоминание об общине пророков, более известных как «сыны пророков», существовавшей в долине реки Иордан. Возможно, здесь сохранились традиции, относящиеся к Илии и Елисею. Они немного похожи на культовые мифы, которые мы уже рассматривали. Их цель – возвеличить могущество и

деяния Яхве, совершенные пророками.

Сначала мы знакомимся со сценой на горе Кармель, где Илия бросает вызов жрецам культа тирского Баала, культ которого привнесла в Самарию Иезавель, жена Ахава. Илия ставил своей целью доказать превосходство Яхве над чужеземным богом. Илия предлагает, чтобы каждая из соревнующихся сторон возвела алтарь и принесла на нем жертву, и тот бог, который сумеет послать вниз огонь, чтобы поглотить жертву, будет признан истинным богом и достойным поклонения всего израильского народа. Священнослужители Баала проводят весь день в отчаянных, но бесплодных попытках вынудить Баала воспламенить себя, а в это время Илия насмехается над ними. Затем «во время вечерней трапезы» (которая была древней и повсеместно распространенной семитской традицией) Илия возводит алтарь Яхве с двенадцатью камнями для двенадцати колен Израилевых. Он складывает дрова и поверх них кладет заколотого быка. Он приказывает присутствующим вылить двенадцать кувшинов воды на жертвенный алтарь и в ров вокруг алтаря. Затем он взывает к Яхве, который посылает с небес огонь, пожирающий подношения, дрова, камни алтаря, пыль и даже воду, которая была разлита вокруг. Затем люди признают Яхве единственным богом и по приказу Илии убивают священнослужителей Баала. Нет никаких доказательств того, что гора Кармель когда-либо была местом поклонения Яхве, и разнообразные детали указывают на то, что культовый миф возник из эпизода жизни Илии, который, в свою очередь, может иметь какие-то исторические корни.

Рассказ о бегстве Илии к пророку Хорафу и его жизни там окрашен в мифологические тона. Сорок дней путешествия, распространенное мифологическое число, ангельское видение и «мертвый тонкий голос» (эта фраза в еврейском языке используется, чтобы описать шепот духа из преисподней) наводят на мысль о мифологической ауре, которая окружает пророка. В легенде имеются и другие аналогичные элементы. Илия делает так, что кадки муки и кувшина масла хватило вдове на три с половиной года голода, он же возвращает к жизни ее умершего сына. Сага достигает своей кульминации, когда рассказывается об уходе пророка из этого мира. Это настоящий шедевр повествовательного искусства. Илия и Елисей отправляются в путь из Галгала, и Илия пытается убедить своего слугу Елисея остаться и позволить ему одному пойти дальше в Бетель, повинаясь божественному повелению. Однако Елисей отказывается оставить своего господина. Когда они приходят в Бетель, сыновья пророка, основавшие там свою общину, выходят встретить их и говорят Елисею, что в этот день Яхве намеревается разлучить его с господином. «Я знаю это, – отвечает он. – Не беспокойтесь». И снова Илия пытается убедить его остаться, и снова он отказывается. В Иерихоне происходит то же самое, и они вместе идут в Иордан. Здесь Илия снимает свою мантию и по мановению его руки Иордан расступается, они идут дальше. На другом берегу Илия спрашивает Елисея, какой прощальный дар он хочет получить от него, и он просит дать ему двойную долю духа хозяина. «Ты задал мне трудную задачу, – говорит пророк. – Но все же, если ты увидишь меня, когда меня заберут от тебя, ты получишь двойной дух. Если же ты не увидишь меня, то не получишь ты духа моего». Затем колесница из огня и огненные кони разделяют господина и его слугу, и Илия возносится на небеса. Когда он возносится, его мантия падает, и ее подбирает Елисей, который возвращается к Иордану, повторяет подвиг Илии, заставляя реку расступиться, переходит через реку и начинает собственную деятельность пророка. Мифологический элемент, содержащийся в истории об Илии, усиливается в повествовании о Елисее. Он начинает свою жизнь пророка, очистив родник в Иерихоне, который до этого своей водой приносил лишь опустошение. Затем он проклинает детей Бетеля, которые раньше смеялись над ним, – и две медведицы выходят из леса и убивают сорок два человека. Он умножает масло у вдовы, воскрешает сына Шунамита, преумножает хлеб, которым можно накормить нежданного гостя, заставляя топор держаться на воде, поражает своего жадного слугу проказой, и, наконец, его погребенные кости возвращают умершего человека к жизни. С фигурой Елисея связан очень важный мифологический элемент, который сохранился в иудаизме до сих пор. Это вера в то, что Илия вернется на землю прямо перед днем

апокалипсиса Яхве, чтобы повторить сцену на горе Кармель и освободить народ Израиля. Вера в возвращение Илии была распространена в эпоху Иисуса, который в беседах со своими учениками утверждал, что она нашла свое воплощение в служении и смерти Иоанна Крестителя. В обрядах еврейской Пасхи в настоящее время на столы ставят четыре чаши вина, каждая из которых имеет свое символическое значение: третья чаша, наполненная вином, известна как «чаша Илии» и ее оставляют нетронутой. Предполагается, что она должна ожидать возвращения Илии перед пришествием мессии. С «чашей Илии» связана очень интересная легенда: некий раввин Мендель праздновал еврейскую Пасху в пещере в Испании, пригубляя вино «марано». Вдруг пещера озарилась светом, и чаша с вином, которая, согласно традиции, стояла на столе специально для Илии, поднялась высоко над столом, как будто кто-то поднес ее к губам, а затем опустилась на стол пустой. После этого случая ребе Мендель стал проповедовать, что Илия возвращается как знак освобождения в ту же самую ночь, в которую Израиль избавился от египетского рабства.

В еврейских синагогах в специальной нише стоит стул, известный как «трон Илии», ожидающий его возвращения. Когда ребенка приводят в синагогу для совершения обряда обрезания, его ставят на этот стул, где все и происходит.

Рассказом об Илии и Елисее мифологический материал Ветхого Завета заканчивается. Никаких мифов не сформировалось вокруг пророков VIII–XVII веков, которые действуют в свете реальных исторических событий. Единственное исключение – фигура Исая, который, как мы уже знаем, заставил тень на часах Ахаза сдвинуться на 10 градусов назад, чтобы дать знать царю Изекийе, что он выздоровеет. Мифический элемент вновь возникает в измененной форме в позднееврейской апокалиптической литературе. Мы видели, что, пытаясь рассказать о деятельности Бога по сотворению мира, еврейские авторы были вынуждены прибегнуть к языку мифов, и они заимствовали мифологический материал своих ближайших соседей, в особенности жителей Месопотамии и Ханаана. Поэтому, когда они пытались нарисовать картину предполагаемого хода событий, они были вынуждены снова использовать мифологические образы, теперь уже обогащенные заимствованиями из персидских источников, как это можно видеть на примере Книги пророка Даниила, которую считают самой апокалиптической книгой Ветхого Завета.

Глава 6

Мифологические элементы в еврейской апокалиптической литературе

Книга пророка Даниила

Хотя эпизоды, содержащиеся в этой книге, разворачиваются при дворе Навуходоносора в Вавилоне после первого завоевания в 596 году до н. э., сегодня считается, что книга принадлежит к эпохе Антиоха Епифана и была написана неизвестным автором, чтобы воодушевить своих соплеменников во время, когда те евреи, которые сопротивлялись политике Антиоха, подвергались жестоким преследованиям. Книга разделена на две части и написана частично на еврейском, а частично на арамейском языках. Первая часть книги состоит из нескольких эпизодов, в которых молодой иудей и три его товарища сопротивляются всем попыткам заставить их принять религию завоевателей и спасает их только божественное вмешательство.

Они требуют, чтобы им разрешили есть только кошерную пищу, и отказываются от пищи с царского стола. Через десять дней они выглядят «здоровее и полнее, чем те, кто употреблял некошерную пищу». Три товарища Даниила отказываются поклоняться золотому образу, которому, по приказу царя, должны поклоняться все его подданные, и их бросают в горящую печь. Царь видит, что они невредимыми стоят посреди огня, а с ними рядом – фигура, которую царь описывает как «сына божьего», и переходит к поклонению еврейскому

богу. В качестве наказания за его гордыню Навуходоносор на семь лет был отлучен от людей и питался травой подобно быку. Затем он возвращает себе свой земной облик и признает господство еврейского бога. Во время пира, где золотые и серебряные чаши из храма, вынесенные Навуходоносором, используются как столовая посуда, вдруг появляется рука и пишет таинственную фразу на стенах зала, которую никто из собравшихся не может прочитать. Вызывают Даниила, и он переводит надпись. Она гласит, что Вавилонское царство падет и на его место появится Персидское царство. Тогда же объявляется, что в ту ночь погиб Валтасар и что Дарий из Мидии стал царем. Хорошо известно, что персидский царь Дарий взял Вавилон без боя и что в истории не существовало Дария Мидянина. Наконец, придворные убеждают Дария издать указ, по которому любой, кто будет просить защиты у богов или кого-либо помимо царя, будет брошен в логово ко львам. Когда Даниил услышал об этом, он пошел в свою комнату, окна которой выходили на Иерусалим, и стал молиться своему богу, как обычно. Придворные застали его за этим занятием, сообщили об этом царю и бросили его на съедение львам. Утром царь приходит к логову львов и «жалобным голосом» спрашивает у Даниила, смог ли бог спасти его. Даниил заверяет его, что бог послал ему ангела и закрыл пасти львов. Дарий выпускает его и приказывает бросить придворных, обвинивших Даниила, на съедение львам, да еще с детьми. Затем царь издает указ, по которому все люди его страны должны поклоняться богу Даниила.

В этих рассказах, столь очевидно не имеющих под собой исторической основы, мы видим новое использование мифа. Он используется как пропаганда во враждебном окружении. Яхве изображен как пантократор, имеющий огромную территорию влияния, создающий и разрушающий царства по своему желанию и способный защитить слуг своих от любой опасности, пока они будут верны ему. Это использование мифа развилось в несколько неконтролируемую тенденцию в позднееврейской литературе, где Авраам предстает испытанным сходные трудности. Та же тенденция видна и в раннехристианских апокалиптических произведениях, где детство и страсти Христовы также одеты в мифологические одежды.

Другие апокалиптические применения мифа

Существует еще один аспект использования мифов в еврейской апокалиптической литературе, на который следует обратить внимание. Его начала можно найти в Книге пророка Исайи, где эсхатологическая деятельность Яхве описана в форме древнего мифа о победе над драконом хаоса. Ее развитие в Книге пророка Даниила и канонической Книге Чисел приобретает форму трансформации прошлой и современной истории в мифологические образы. Во второй части Книги пророка Даниила обе империи греков изображены как самые разные звери – львы, медведи, бараны, козлы, а самый последний зверь изображен с десятью рогами, железными зубами и стальными когтями. Он говорит «великое слово» против Всевышнего, обрушивается на «святых Всевышнего», то есть на еврейский народ, и пытается изменить «времена и законы». Еврейский народ изображен в виде человека, «сына человеческого», который приходит с облаков небесных, чтобы получить в вечное владение страну, которая будет существовать вечно. Здесь писатель рассматривает современную ему историю и ее осмысление в мифологических терминах. Тот же процесс виден в различных книгах апокалиптического характера и достигает своей кульминации в христианском Апокалипсисе от Иоанна, где все образы древнего мифа и обрядовых моделей – обрядовые сражения, победа над драконом, священные браки, триумфальные сошествия и многое другое – собрано в одном грандиозном описании развития и завершения человеческой истории.

Глава 7

Мифологические элементы в Новом Завете

Мы уже знаем, что в развитии религии Израиля мифология играла очень важную роль. Мифы заимствовались из религий соседних стран и использовались еврейскими авторами для того, чтобы через символические образы передать свои верования относительно происхождения вселенной и, главное, представить историю своего народа как «историю спасения», то есть рассказать о созидательной деятельности бога, избравшего еврейский народ служить инструментом достижения спасительной цели. В Евангелии история еврейского народа достигает своей кульминации. Произошли некие события, давшие толчок к возникновению новых течений, которые приобрели поистине всемирное значение. Те же, кто явился свидетелем этих событий и пытался истолковать их, говорили о «новом творении» и описывали сообщество, которое возникло в результате этих событий как новый Израиль. Они описали центральную фигуру этого движения как второго Адама, нового Моисея, еще одного Иисуса, имя которого он носил.

Мы видели, что мифологические элементы Ветхого Завета группируются вокруг нескольких событий: сотворение вселенной, грехопадение человека и его последствия, исход из Египта и богоявление на Синае, вызов Илии, взломавший историю монархии Израиля, и, наконец, использование мифов еврейскими писателями, чтобы описать, как бог завершит историю человечества. Точно так же еврейские писатели, чей разум был сформирован под воздействием этих моделей, стали описывать то, что они привыкли считать новой и всеобъемлющей демонстрацией могущества израильского бога, бога Авраама, Исаака и Иакова, как новое сотворение, новый исход, новое богоявление, новый завет и новое будущее. При этом они облачали исторические события, через которые проявлялось могущество бога, все в те же, старые, мифологические образы.

«Христос – миф» Дрекса и Робертсона сейчас представляется причудой писателей, однако присутствие этого мифа в христианстве продолжает будоражить умы теологов. Требование демифологизации, связанное с именем известного исследователя Нового Завета доктора Бултмана, вызвало самые противоречивые отклики. Сомнительно, чтобы попытка очистить христианство от мифологических одежд оказалась успешной. В религии вообще, и в частности в той ее форме, которая называется христианством, мы сталкиваемся с реальностями, о которых невозможно говорить, не прибегая к языку аналогий. Ум должен призвать на помощь образы и символы, из которых, собственно, и состоит миф.

Поскольку в Ветхом Завете первой точкой отсчета, вокруг которой группируются мифологические элементы, является божественный акт творения, начало начал, то в Новом Завете первой аналогичной точкой является начало «нового сотворения», таинство инкарнации (воплощения).

Повествования о рождении

Из четырех канонических Евангелий только два содержат повествования о рождении и детстве Христа, а именно Евангелие от Матфея и Евангелие от Луки.

Между их текстами имеются серьезные различия. В предисловии к своему Евангелию Лука говорит, что он получил эту информацию от людей, которые «были свидетелями самого начала», и его рассказ содержит гораздо меньше мифологического, чем рассказ Матфея. Однако история о явлении ангела Гавриила Захарию в Храме и его сообщение о рождении Иоанна Крестителя, затем его же явление Марии, чтобы объявить ей о будущем рождении мессии, рассказ ангела пастухам об этом событии и хор сил небесных, поющий «Славу Господу на Небесах», – все это скорее мифологические, нежели исторические элементы. Следует также отметить, что здесь проявляется влияние текстов Ветхого Завета. Существуют определенные параллели с историей об объявлении Сары о рождении Исаака, когда вышла за рамки детородного возраста. Точно так же имеются общие черты с объявлением Маною и его жене о рождении героя Самсона: ангел объявляет, что ребенок с самого рождения будет назаретянином. Затем, сказав, что имя ребенка – тайна, ангел

исчезает с алтаря в пламени огня. Согласно рассказу Луки, родители Иисуса приносят его на обряд обрезания через восемь дней после его рождения, однако ничего не сказано о месте проведения этого обряда. Спустя тридцать три дня (это период, когда женщина, давшая жизнь младенцу, считается нечистой) родители отправляются в Иерусалим для обряда очищения Марии и для обряда введения Иисуса во Храм как первенца, согласно закону. Затем они возвращаются в Назарет.

В Евангелии от Матфея нет рассказа о рождении Крестителя. Мария становится женой Иосифа, который еще до свадьбы обнаруживает, что она беременна. Пока он размышляет, как бы незаметно отказаться от нее, во сне ему является ангел, который говорит, что Мария ждет ребенка от Святого Духа. Ангел говорит ему, что он должен взять ее в жены и назвать ребенка Иисусом. Это имя на еврейском языке означает «спаситель», поскольку, как говорит ангел, «он спасет свой народ от всех грехов». Затем рассказчик добавляет, что все это – исполнение знамения Иммануила, данного царю Ахазу пророком Исайей. К этому моменту мы вернемся немного позже. Далее рассказчик повествует, что, когда в период правления Ирода Великого в Вифлееме родился Иисус, волхвы (или маги) пришли в Иерусалим с востока и спросили царя, где родился царь всех евреев. Они сказали, что видели звезду и пришли поклониться ему. Ирод и все жители Иерусалима были встревожены этим известием, и Ирод собрал всех главных служителей культа и писцов и спросил их, где должен появиться на свет Мессия. Они сказали ему, что, по предсказанию, это должно произойти в Вифлееме. Ирод посылает магов в эту деревню и на основе их астрологических вычислений приказывает убить всех детей в возрасте до двух лет в Вифлееме и близлежащих районах. Во сне Иосифу является предупреждение, что он должен взять Марию с ребенком и бежать в Египет. Затем рассказчик описывает убийство детей Иродом и говорит, что это – исполнение предсказания Иеремии (31: 15). Он также говорит, что бегство в Египет – это исполнение предсказания: «Из Египта призвал я сына своего». Когда Ирод умирает, ангел говорит Иосифу, что он уже может вернуться на землю Израиля. Он так и делает, но, узнав, что преемником Ирода стал его сын Архелай, он боится возвращаться в Вифлеем и, по указанию ангела, направляется в Назарет, чтобы исполнить еще одно пророчество: «И зваться он будет назаретянином».

Общепризнанно, что нельзя привести в полное соответствие повествования Луки и Матфея об обстоятельствах рождения Христа. Лука оживляет исторические события мифологическими элементами, что должно внушить непоколебимую веру в исполнение божественного промысла, определяющего ход вещей, и показать, что главная идея божественной деятельности, а именно – спасение, достигла своего апогея. Гимны, которые Лука либо сочинил, либо позаимствовал из сборника псалмов раннего периода церкви, целиком соответствуют духу и букве Ветхого Завета и призваны прославить Бога Израиля, который направляет ход мировой истории. Стоит отметить, что в двух главах, посвященных обстоятельствам рождения Иисуса, Лука не раз объявляет, что то или иное событие является исполнением того или иного пророчества. Тем не менее он придает этим двум главам колорит Ветхого Завета.

В соответствующих главах Евангелия от Матфея мифологический элемент используется совершенно иначе и с другим результатом. Во-первых, мы видим здесь начало тенденции, которая в литературе ранних патриархов церкви разрастается до невероятных размеров. Эта тенденция заключается в поиске исполнения пророчеств Ветхого Завета в фактах жизни Иисуса. В этой короткой части Евангелия приводятся не менее пяти цитат из Ветхого Завета, которые свидетельствуют о том, что пророчества Ветхого Завета нашли свое воплощение в эпизодах раннего периода жизни Иисуса. Третья из этих цитат в контексте Ветхого Завета гласит: «Когда Израиль был ребенком, я любил его и называл его моим сыном из Египта». Здесь пророк упоминает о традиции, согласно которой отношения между Яхве и Израилем берут свое начало из освобождения из египетского рабства. Раннехристианский писатель увидел в слове «сын» ссылку на Христа и сделал вывод, что новый Израиль, воплощенный в Христе, должно быть, пережил исход из Египта.

Этот пример иллюстрирует вторую тенденцию евангелических текстов, которая характерна как для Луки, так и для Матфея. Ее суть заключается в том, чтобы найти в жизни Иисуса повторение опыта Израиля, равно как и Моисея, поскольку для авторов Евангелия Иисус был новым Моисеем и новым Израилем. Убийство младенцев по приказу Ирода и спасение Иисуса и его родителей является повторением уничтожения всех еврейских мальчиков в Египте по приказу фараона и спасения Моисея. В статье «Бытописание святого Луки» прямо говорится, что при написании Евангелия от Луки имело место сознательное или бессознательное копирование моделей Ветхого Завета.

В повествовании о рождении Иисуса в Евангелии от Матфея прослеживается и третья тенденция, которая поднимает вопрос о заимствованиях из языческих источников. Мы уже видели, что при описании деятельности Бога по сотворению мира еврейские писатели использовали шумерские и вавилонские мифы о творении и что в их трактовке этого материала можно увидеть начало нового использования мифов как инструмента божественного откровения. Поэтому прецедент использования и развития мифов в какой-то степени берет свое начало в переосмыслении первоначальной функции мифа в древних религиях. Самую острую форму эта тенденция приобрела в связи с христианской догмой о непорочном зачатии.

Можно трактовать соответствующее положение Евангелия от Луки подразумевающим вмешательство божественной силы, сравнимое с тем, которое мы имеем в ветхозаветных текстах о рождении Исаака или Самсона. С другой стороны, слова в Евангелии от Луки, относящиеся к происхождению Иисуса как «сына Иосифа», показывают, что Иисус не имел земного отца. Однако Матфей в этом случае утверждает, что «Мария зачала ребенка от Святого Духа». И далее автор Евангелия объявляет, что это событие является исполнением пророчества Исайи, которое он цитирует из Ветхого Завета, приведенного в греческом Пятикнижии. Согласно этой версии: «Запомни, дева будет беременна ребенком, и родит сына, и назовет его Иммануил». Здесь следует отметить, что греческое слово «parthenos» переводится как «девственница». Однако еврейское слово «almah», которое авторы Пятикнижия использовали вместо «parthenos», не имеет такого значения. Оно означает «молодая женщина», то есть женщина детородного возраста. Если пророчество Исайи проанализировать с этой точки зрения, мы увидим, что в период нестабильности и угрозы иностранного завоевания пророк убедил царя Ахаза спросить Яхве о знамении, а когда тот отказался сделать это, сказал, что Яхве сам подаст ему знак, а именно – рождение ребенка неизвестной молодой женщиной. Ребенка нарекут Иммануилом, и в жизни ему будет суждено испытать всякие лишения в результате завоевания ассирийцами иудеев, как это предсказал пророк. Первое упоминание о знамении было фактически упоминанием о ситуации, в которой был дан этот знак. Имя, данное ребенку, должно рассматриваться в связи со знаковыми именами, данными пророком собственным детям, и его значение «Бог с нами». Оно должно было сказать царю и его народу, что Бог Израиля контролирует ситуацию. Если оракул говорит: «Нам рожден младенец» и он имеет в виду того же ребенка, то тогда знак Иммануила, судя по всему, имеет мессианское значение для пророка и относится к будущему царя Давида. Однако в еврейском тексте нет ссылки на чудесное рождение младенца девственницей. Поэтому утверждение христианского автора, что рождение Иисуса девственницей является выполнением предсказания Исайи, основано лишь на неправильном переводе еврейского слова. Однако тот факт, что Матфей или его источник могли интерпретировать слова оракула таким образом, показывает, что вера в непорочное зачатие уже укоренилась в христианском сообществе на другом основании. Во-первых, ясно, что ко времени распространения канонического Евангелия уже было признано божественное происхождение Иисуса, что подразумевало его полнейшую безгрешность. Теологи считают, что безгрешность Иисуса гарантировалась тем, что он был зачат действием Святого Духа без вмешательства смертного отца. Таким образом, на нем не было печати греха Адама. Этот теологический аргумент позже был применен к Марии как Богородице, и в Средние века появилась догма непорочного зачатия безгрешной Девы Марии. В 1854 году эта догма была

узаконена папской буллой. Однако при этом была упущена из виду немаловажная деталь: матерью Марии была земная женщина, поэтому процесс «очищения образа» мог бы продолжаться сколь угодно долго.

Во-вторых, многие ученые считают, что нынешнее существование многочисленных мифов о божественности происхождения героев античности, таких, как Геракл, Александр и других, сыграло свою роль в развитии веры в безгрешное происхождение Иисуса. Христианским авторам можно задать вопрос, насколько языческие мифы повлияли на формирование их философии, но мы уже видели, что еврейские авторы обращались к мифологии, отображая божественную деятельность по сотворению мира, поэтому вопрос об использовании мифов при описании деятельности бога при новом сотворении мира тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Наконец, надо учесть, что одним из факторов распространения культа Девы Марии является стремление необразованных масс иметь в качестве объекта поклонения именно женский образ, или Богоматерь. Эта тенденция укрепилась после принятия всей империей христианства и привлечения в лоно церкви большого количества полуграмотных или совсем необразованных варваров.

Вопросы, связанные с рождением младенца девой, могут быть разрешены только с точки зрения теологии, и данная книга – не место для подобных дискуссий. Главное, что мы стремимся здесь подчеркнуть, – это возможность расширения функций мифа как инструмента передачи идей, которые лежат вне исторически обоснованных и доказанных событий.

Повествования о воскрешении

Вторым центром, вокруг которого группируются мифологические элементы, является исчезновение Иисуса с исторической арены. В истории о рождении апокрифические Евангелия в преувеличенной форме используют мифологический материал. Поэтому точно так же истории воскрешения в апокрифических евангелических текстах (например, в Евангелии от Петра) демонстрируют стремление усилить мифологический элемент, который уже в определенной степени присутствует в канонических текстах.

Одним из самых главных элементов древних мифов и ритуалов был миф о смерти и воскрешении бога, который в его древнейшей форме воплощен в мифе о Таммузе, прошел сквозь века и появился в разных таинственных культах восточных народов, которые были столь распространены в греко-римском мире в эпоху Нового Завета. Некоторые ученые выдвигают версию о том, что евангелические повествования о страстях и воскрешении Иисуса были созданы по образу и подобию вавилонского обрядового мифа и что, например, ритуальное убийство царя на празднике вавилонского Нового года также служит прообразом рассказа о гибели Иисуса в каноническом Евангелии.

В этом отношении можно сказать следующее: во-первых, если какие-то неисторические факторы были заимствованы при формировании рассказов о страстях Христовых, то их скорее стоит искать в отрывках из Ветхого Завета, где страдания божественного израильтянина и слуги Яхве описаны в терминах близких к описанию страданий Христа. Одним из признанных результатов тщательного изучения Нового Завета является то, что Иисус считает фигуру страдающего слуги Яхве, изображенного в соответствующих главах Второзакония и Книги пророка Исайи, провозвестником его собственной судьбы. История о Филиппе и эфиопском евнухе в главе 8 Деяний показывает, как рано церковь стала понимать этот эпизод как относящийся к Иисусу. Поэтому в сходстве между повествованием о страстях Христовых и этими отрывками мы находим не развитие мифологического материала, не заимствование мифа о Таммузе, а разработку тенденции, о которой мы уже упоминали. Смысл этой тенденции заключается в том, чтобы найти свидетельства свершений предсказаний в событиях жизни Иисуса.

Во-вторых, можно сказать, что существование этих древних мифов о страдании, смерти

и воскрешении Бога является свидетельством существования глубоко укоренившегося элемента религиозной практики, а именно, осознания того, что нарушены моральные устои вселенной и что только мученическая смерть божества может спасти ситуацию.

Именно в Евангелии от Матфея проявляются мифологические элементы, которые нас, собственно, и интересуют. Все синоптические Евангелия объединяет одна общая деталь, которую трудно считать историческим фактом, а именно – утверждение, что в момент смерти Иисуса сверхъестественная сила сорвала завесу с Храма. Об этом инциденте известный исследователь Нового Завета доктор Додд сказал: «Три синоптических Евангелия повествуют о том, что прямо перед смертью Иисуса на три часа всю землю окутала тьма; Лука добавляет, что темнота эта была вызвана затмением солнца, однако, как уже давно было отмечено, солнечного затмения не бывает при полнолунии». Таким образом, эта темнота является чисто символической деталью. В Евангелии от Матфея мифический элемент усиливается. Помимо двух описанных выше инцидентов, Матфей рассказывает о том, что в результате землетрясения скалы раздвинулись, могилы разверзлись, много тел спящих вечным сном людей поднялись, вошли в «святой город» (Иерусалим) и явились многим после «его воскрешения». Этот отрывок, судя по всему, должен показать, что Матфей или его источник считали, что воскрешение Иисуса произошло сразу же после его смерти, хотя это не соответствует дальнейшей традиции. Следующий мифологический элемент, включенный Матфеем в Евангелие, заключается в рассказе о том, что священнослужители вынудили Пилата поставить стражу у могилы Иисуса и опечатать могильный камень, закрывающий вход в могилу. Когда выяснилось, что могила пуста, еврейские власти якобы подкупили солдат, чтобы те сказали, что пришли ученики Христа и украли его тело, пока сами солдаты спали. Этот любопытный эпизод заканчивается заявлением, что солдаты якобы действовали строго по инструкции и что вера в это была распространена среди евреев во время создания Евангелия. Судя по всему, этот рассказ отражает существовавшие между иудеями и христианами разногласия относительно того, что же произошло с телом Иисуса. То же самое отражено в словах Марии Магдалины: «Они унесли моего господина, и я не знаю, куда они положили его».

Как хорошо известно, изначальный текст Евангелия от Марка внезапно обрывается, либо намеренно, как полагают отдельные ученые, либо случайно, как считают другие, на стихе 8 главы 16 словами: «...потому что боялись». Последние двенадцать стихов этой главы были добавлены позднее. Вот что рассказывает Марк о воскрешении Иисуса: женщины пришли к его могиле в первый день недели и нашли могильный камень сдвинутым, а могилу – пустой. Они увидели молодого человека в белых одеждах, который сидел возле могилы. Он сказал им, что Иисуса здесь нет, что он вознесся и передал для них послание, которое они должны передать его ученикам. Это послание заключается в том, что Иисус встретится с ними в Галилее, как он и обещал им во время последней вечери. Здесь нет никаких описаний явлений Иисуса, поэтому мифологический элемент начисто отсутствует.

В Евангелии от Луки молодой человек, увиденный женщинами, превратился в двух мужчин, одетых в сверкающие одежды. Женщины приняли их за ангелов. Послание, переданное молодым человеком, претерпело значительные изменения, и в нем нет упоминания о встрече учеников с Иисусом в Галилее. Ученики Иисуса, которые все еще находятся в Иерусалиме, отказываются верить рассказу женщин об увиденном. Иисус неузнанным сопровождает двух учеников, которые идут в Эммау, и открывается им, разделив с ними хлеб. Они сразу же возвращаются в Иерусалим, чтобы сообщить об этом всем ученикам, и застают их собравшимися вместе и обсуждающими известие о том, что Иисус воскрес и явился Петру, хотя ни в одном из Евангелий нет описания явления самого Христа. В этот момент Иисус сам появляется среди своих учеников и с трудом убеждает их в своей реальности. Затем, как говорит Лука, в тот же вечер Иисус ведет учеников в Бетан, воздевает руки к небу, чтобы благословить их, и в момент благословения расстается с ними и возносится на небо. Слова «и он был вознесен на небо» в некоторых изданиях опускаются, однако чаще всего они остаются в тексте. Но в Евангелии от Луки есть еще один вариант

этого же события, помещенный в Деяниях святых апостолов. Согласно этому варианту, ученики видели Иисуса в течение сорока дней после его воскресения. В конце этих сорока дней «Он поднялся в глазах их, и облако взяло Его из вида их» (Деяния, 1: 9). Из контекста ясно, что произошло все это на горе Олив. Затем проходит еще десять дней, наступает Пятидесятница, и далее следует описание сошествия Духа. Совершенно очевидно, что хронология событий здесь скорректирована, чтобы воскресение, вознесение и нисхождение Духа совпадали по времени с иудейским календарем, где между Пасхой и Пятидесятницей проходит пятьдесят дней. В момент вознесения Лука вводит двух мужчин в белых одеждах, которые говорят ученикам, что Иисус вернется точно так же, как и вознесся на небо. Здесь он, очевидно, проводит параллель с двумя людьми в сверкающих одеждах, которых женщины видели у могилы Иисуса. Это та степень, до которой Лука или его источник (устный или письменный) позволил себе использование мифологического элемента в рассказе о воскресении Иисуса.

Мифологизация того же самого эпизода у Матфея куда значительнее. Согласно его рассказу, женщины приходят на могилу Иисуса не для того, чтобы омыть его тело, а для того, чтобы просто посмотреть на нее. Они видят, как с неба опускается ангел, похожий на вспышку молнии, а одежда его бела как снег. При виде его стражи дрожат от страха и становятся «как мертвые». Ангел убирает могильный камень с могилы и садится на него. Затем он передает испуганным женщинам сообщение, которое является вариантом послания молодого человека из Евангелия от Марка. Марк говорил, что женщины в страхе бежали от могилы и ничего никому не сказали. А вот Матфей говорит, что они хотя и бежали в страхе, но тем не менее испытывали огромную радость и стремились сообщить радостную весть ученикам. По дороге их встретил Иисус и приветствовал их. Они коснулись его ног и поклонились ему. Он сказал, что они не должны бояться, и повелел им передать ученикам, чтобы они шли в Галилею, где они и увидят его. Матфей заканчивает свой рассказ сообщением, что одиннадцать учеников отправились к горе в Галилее, «которую им указал Иисус». И он тоже пришел туда. Некоторые из них сомневались, увидев его, но остальные склонились перед ним. Он сказал, что ему дана власть небесная и земная, и повелел им передать Евангелия всем людям на земле и крестить их от имени Отца, Сына и Святого Духа.

В четвертом Евангелии нет повествования о рождении Иисуса или его крещении, а повествования о страстях Господних и его воскресении во многом отличаются от рассказов, содержащихся в синоптических Евангелиях. Однако сам характер четвертого Евангелия ставит скорее теологические, нежели исторические вопросы, поэтому мы не станем разрабатывать здесь проблему христианского использования мифов в нем. Однако достаточно нескольких слов, чтобы показать, что вокруг двух основных моментов – вхождения Иисуса в мир и его ухода из него – с самого раннего времени начали концентрироваться мифологические элементы.

Для еврейских писателей, которые описывали историю Израиля, сотворения вселенной, освобождения израильтян из египетского рабства и явления Яхве на Синае, эти события были реальными историческими фактами. Однако их характер как пример божественной активности выделил их из числа рядовых событий. Повествование о них стало проявлением поклонения Богу, культовой деятельности, а язык этого повествования был призван возвеличить и прославить Яхве и напомнить всем израильтянам о его созидательной и спасительной деятельности. После прихода израильтян в Ханаан мифы, которые рассказывали о великих деяниях богов других народов и ханаанских божеств, стали частью древнееврейской традиции, а еврейские писатели использовали язык этих мифов, чтобы описать великие деяния Яхве. Этот процесс получил название демифологизации. Однако правильнее было бы описывать его как создание новых отношений между мифами и реальностью. Мы видим, как мифы получают новую функцию, а именно – функцию внедрения в сознание человека идеи о божественной активности. Причем делается это при помощи аналогий и символов. Этот процесс достигает своего апогея в тот момент, когда божественная активность по спасению человечества достигает кульминационного момента в

инкарнации, смерти и воскрешении Христа. Сказать (как это сделали мы), что авторы Евангелий использовали формы и язык мифов, чтобы описать события, которым они были свидетелями, это не значит отрицать реальность этих событий, но увидеть, что эти события принадлежали к порядку вещей, который невозможно выразить обычными способами выражения.

Они, по сути, принадлежат к тому, что Бердяев назвал «метаисторией». Конечно, это христианская точка зрения и может быть принята только теми, кто верит в реальность инкарнации и ее последствий.

Глава 8

Христианские мифы и обряды

Последний аспект мифологии, который мы рассмотрим здесь, это отношение мифов к христианским обрядам. К этому моменту колесо сделало полный круг, и мы возвращаемся к первоначальной функции мифа, его использованию как «произнесенной части» определенного набора действий, составляющих ритуал. Один современный ученый сказал: «В христианском обряде и связанном с ним веровании мы имеем дело с живой культурой, имеющей обширную литературную основу и в то же время уходящей своими корнями далеко в античность. Более того, поскольку христианство явилось продуктом смешения религиозных течений греко-римского мира в начале нашей эры, то оно придало новое значение различным древним течениям, которые нашли свое воплощение в новой культурной модели».

По мере развития христианства главные моменты частной жизни, центральные эпизоды жизни государств и, главное, корпоративное развитие церкви оказались окружены обрядами, состоящими из действий, сопровождаемых словами, которые, как считается, имеют божественную власть и священное влияние. Произнесенная часть обряда – это его миф, воссоздающий ситуацию, в которой божественная активность может привести к желаемому результату. В христианском обряде крещения совершаются некие действия и произносятся некие слова, которые, как полагают те, кто считает крещение таинством, имеют возможность произвести изменения состояния крещеного. Для прошедших через этот обряд он ведет к возрождению, к новой жизни, а миф (произнесенная часть обряда) описывает изначальную ситуацию: принятие Христом детей своих, которая воссоздается в действиях и словах священника во время совершения этого обряда.

В христианском обряде венчания миф описывает изначальное сотворение мира в виде мужчины и женщины и повторяет божественные слова о том, что в браке мужчина и женщина становятся «одной плотью» и союз их нерасторжим. Слова и действия священника в этом обряде имеют силу создать союз, описанный в мифе.

Различные обряды рукоположения священников и дьяконов, а также посвящения в сан архиепископов имеют общую черту, а именно – через символическое действие и произнесенные слова они производят коренное изменение в состоянии людей, проходящих через эти обряды. Коронация суверена имеет длинную и сложную историю. Она уходит своими корнями в обряды коронаций царей Египта и Вавилона. Описание коронации английского монарха не входит в наши задачи, однако ее полная история была дана профессором Джеймсом в его книге «Христианские мифы и обряды», в главе 2.

Однако наиболее отчетливо связь между мифом и ритуалом видна в главном обряде причастия. Здесь наиболее полно проявляется функция мифа как священного слова, имеющего власть. Подобно обряду коронации, обряд причастия имеет длинную и сложную историю, которую мы даже не будем пытаться здесь изложить. Нас больше всего интересует тот факт, что христианское причастие имеет в своей основе трансформацию древнего еврейского ритуала Пасхи. Мы уже видели, что ежегодное отправление этого ритуала сопровождалось декламацией культового мифа об исходе. Непосредственно перед смертью

Иисус праздновал Пасху вместе со своими учениками в Иерусалиме. Следует отметить, что многие ученые, следуя тексту Евангелия от Иоанна, не считают Тайную вечерю пасхальным приемом пищи; однако недавние исследования разных календарей, используемых евреями во времена Иисуса, оспорили эту точку зрения, и более нет основания ставить под сомнение празднование Пасхи Иисусом и его учениками.

Рассказы о произошедшем на Тайной вечере различаются в деталях, однако общим моментом в них является то, что Иисус посредством значимых действий и слов превратил ритуал Пасхи в нечто новое. Он сказал ученикам, что пасхальный хлеб, который он благословил, разломил и роздал, был его плотью и что чаша вина, которую он благословил и дал им выпить, была наполнена его кровью. Он сказал, что с его смертью вступает в силу новый завет, новые отношения между Богом и человеком. Он подчеркнул, что через то, что он должен сделать и пережить, должна быть выполнена божественная спасительная деятельность, воплощенная в ритуале и культовой мифе о Пасхе. Не ясно, намеревался ли он сделать символические действия и слова регулярно повторяющимся действием. Однако многие исследования показывают, что еще до написания древнейшего Евангелия примитивная церковь стала считать именно это его намерением.

Мы знаем, что во время празднования самого главного вавилонского праздника Нового года совершалось драматическое действие, изображавшее смерть и воскрешение бога, его победу над силами хаоса и тьмы и, как результат, упорядочение вселенной. Ритуал сопровождался декламацией «Энума Элиш», священного стиха, который, собственно, и составлял миф, или устное описание ситуации, разыгрываемой в обряде. Другие элементы, составляющие модель этого обряда, представляли собой триумфальное шествие и священное бракосочетание. Царь играл важную роль в этом ритуале, а возрождение царства, от которого зависело благосостояние и спасение общины, являлось центральной частью всего действия. Мы также видели, что миф не был всего лишь простым описанием ситуации, но имел магическую силу, способную возродить мертвого бога к жизни.

Мы видели, что реальная ситуация, а именно освобождение Израиля из египетского рабства, приобрела культовую значимость. Она превратилась в ежегодный ритуал, в ходе которого совершались определенные символические действия и декламировался культовый миф, который описывал изначальную ситуацию, но не в историческом аспекте, а так, чтобы возвеличить силу и могущество израильского бога и прославить его деяния. Жертвоприношение являлось частью ритуала, а царство Яхве еще раз утверждалось торжественной одой, сопровождавшей декламацию мифа: «Господь будет править вечно!»

Теперь в причастии у нас есть все элементы, сконцентрированные и трансформированные в ситуации, реальность которой выходит за пределы чисто исторического уровня. Внешне простая, но исполненная глубокого смысла сцена в верхней комнате в Иерусалиме с течением времени превратилась в грандиозный, полный драматизма ритуал, воспроизводящий бесконечную историю таинства спасения, воплощенную в страстях, воскрешении и триумфальной победе Страдающего Слуги, который одновременно является Царем Славы.

Детали обряда и различия, существующие на Востоке и на Западе, – предмет науки, изучающей законы литургии. Нас же интересует лишь то, что в обычную схему литургии, состоящую из четырех частей и воспроизводящую действия Иисуса на последней вечере, на очень ранней стадии была введена устная часть обряда, описывающая изначальную ситуацию. Используемые в ней слова – это слова, в которых святой Павел описывал слова и действия Иисуса на Тайной вечере в Первом послании к коринфянам. Павел говорит, что он «получил от Господа» рассказ о том, что же тогда произошло. Вряд ли это может означать, что он получил эту информацию в результате просветления духа. Скорее это следует понимать в том смысле, что, когда он стал членом христианской общины, ему в качестве наставления была передана эта информация как неотъемлемая часть священной истории церкви, которая зиждется на апостольских свидетельствах.

Приближаясь к центральной части канона мессы, когда священник, воздев руки,

произносит «Sursum Corda», он обращается вместе с молящимися к небесной сфере, символизируемой церковным сводом. В мифе историческое событие отделяется от общего потока истории и канонизируется. В ритуале оно выполняет функцию мифа – оно становится словом, имеющим живительную силу, способным сохранить тело и душу того, к кому оно обращено для вечной жизни. Здесь миф достигает своей кульминации как в своем значении, так и в функции, и наше исследование его возникновения и развития можно считать успешно завершенным.